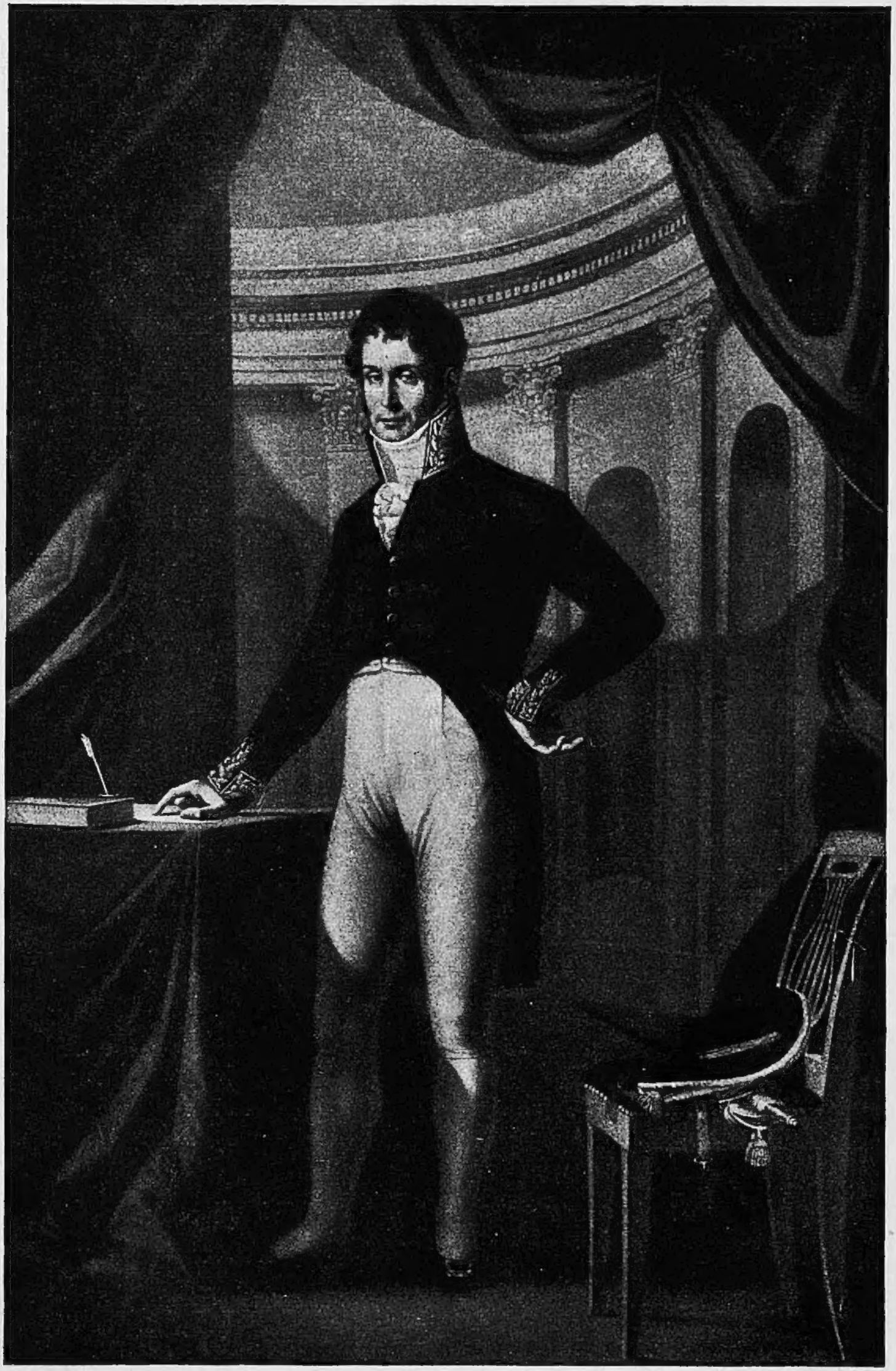
Александр I.
ДБ
300
А-46
Беседы и
частная
переписка
между...
1912.

Трециуб блок

26/X-06



Князь АДАМЪ ЧАРТОРИЖСКІЙ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СФИНКСЪ

„Историческая Библіотека СФИНКСА“.

ТОМЪ XIV.

1912.

ДБ 300 9(47)„19"
Фундаментальная Библиотека К. У. Т. В.
ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
9(47)„19"
Б.53
с 123
ДБ 300 А46

БЕСѢДЫ И ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

МЕЖДУ

Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ I

и

Кн. Адамомъ Чарторижскимъ.

Опубликованныя княземъ Ладиславомъ Чарторижскимъ
(1801—1823).

Перев. съ франц. **С. Явленской.**

Проверено 1937 г.

К-во „СФИНКСЪ".

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

528049 V м

Типографія Торг. Дома „Московское Издательство Копѣйка“, Б. Дмитровка, 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это — письма и разговоры прошлаго, которые освѣщаютъ интимныя и мало извѣстныя стороны исторіи Польши, полной борьбы уже цѣлое столѣтіе.

Борьба эта, смотря по обстоятельствамъ, принимала всевозможныя формы, по временамъ какъ бы стихая, или пытаясь идти на мировыя сдѣлки съ тѣмъ, чтобы, въ концѣ-концовъ, снова вспыхнуть съ новой силой.

Всѣ въ ней принимали участіе; каждый старался, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать общему дѣлу. Одни стояли только за наступательное движеніе, хотя надежды ихъ и не оправдывались, другіе, въ извѣстные моменты, вѣрили въ успѣхъ и могущество дипломатическихъ комбинацій или во временныя мировыя сдѣлки. Нѣкоторые, считаясь только съ народными бѣдствіями, дошедшими до крайности, не обращали вниманія на міровую политику, разсчитывая исключительно на свои силы, другіе же, пораженные чисто европейскимъ характеромъ поль-

скаго вопроса, уповали на возможность и необходимость вмѣшательства Запада; но несмотря на очевидное разногласіе во мнѣніяхъ, которое теперь не мудрено и преувеличить, всѣми руководила одна и та же мысль, одна и та же цѣль. Это — желаніе возродить и обрѣсти свое отечество.

Эта именно мысль и просвѣчиваетъ косвенно въ переговорахъ, которые велъ князь Адамъ Чарторижскій въ теченіе цѣлаго періода своей жизни съ Русскимъ Императоромъ Александромъ I; эту цѣль онъ и преслѣдовалъ, согласившись принять должность министра и состоя долгое время сотрудникомъ и наперсникомъ царя до тѣхъ поръ, когда, потерявъ всякую надежду, онъ покинулъ занимаемый имъ постъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ. Эти письма и разговоры представляютъ правдивое описаніе этого эпизода и тѣхъ отношеній, которыя были часто истолкованы въ дурную сторону, такъ какъ о нихъ всѣ были плохо освѣдомлены.

Князь Адамъ Чарторижскій, который теперь возвращается къ тому, чтобы дать отчетъ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ, на самомъ дѣлѣ, не смогъ настолько повліять на Александра, при его непостоянномъ характерѣ, чтобы твердо укрѣпить въ немъ намѣреніе возстановить Польшу, а это собственно и могло служить оправданіемъ страннаго

сближенія польскаго патріота съ царемъ. Онъ потерпѣлъ неудачу въ своей политической роли, и послѣднее письмо его свидѣтельствуетъ объ утратѣ иллюзій. Онъ все-таки добился двухъ вещей: будучи связанъ тѣсной дружбой съ Императоромъ и занимая постъ министра, онъ сумѣлъ держать себя съ достоинствомъ, оставаясь ненарушимо вѣрнымъ родинѣ и, потерпѣвъ пораженіе въ политикѣ, онъ стоялъ во главѣ народнаго образованія въ русской Польшѣ, а также былъ куратором университета въ Вильно.

Князь сохранялъ этотъ постъ въ теченіе двадцати лѣтъ при всевозможныхъ перипетіяхъ въ политикѣ, и русскіе иногда ему высказывали, что только онъ отсрочилъ на 50 лѣтъ объединеніе польскихъ провинцій съ имперіей.

Я не хочу списывать здѣсь жизнь князя Адама Чарторижскаго, жизнь, исполненную благородства и любви къ родинѣ свыше девяноста лѣтъ и окончившуюся въ ссылкѣ въ то время, когда Польша заволновалась, готовясь къ новой борьбѣ *).

Чтобы уяснить себѣ эти отношенія, на которыя предлагаемая переписка проливаетъ совершенно новый свѣтъ, точно опредѣляя ихъ возникновеніе, характеръ и границы, надо припомнить, что это была

*) Справ. въ моей книгѣ: „О современной Польшѣ“, въ главѣ подъ заглавіемъ: Попытка русск. либерализма въ Польшѣ.

эпоха крайнихъ бѣдствій, когда побѣжденная Польша переживала послѣдній раздѣлъ, пытаясь еще разъ подняться чрезъ конституцію 3-го мая 1791 года. Князь Адамъ, будучи еще слишкомъ молодъ, чтобы регулярно посѣщать сеймъ 1788 г., игралъ, тѣмъ не менѣе, на этихъ собраніяхъ роль и содѣйствовалъ новой конституціи. Онъ былъ преданъ тѣломъ и душой Костюшко при захватѣ оружія въ 1794 г. и только оттого не попалъ въ число побѣжденныхъ Маціевичемъ, что его задержали дорогой. Когда все было кончено, императрица Екатерина, которая еще была въ живыхъ, пожелала имѣть заложникомъ этого сына великой польской націи, и князь Адамъ долженъ былъ съ братомъ отправиться въ Петербургъ. Два молодыхъ поляка жили при русскомъ дворѣ, какъ два изгнанника. Князь Адамъ, сознавая ясно свое положеніе, и самъ разсказывалъ о томъ, что ему пришлось испытать; все оскорбляло его самолюбіе. Онъ страдалъ даже оттого, что пользовался свободой, раздумывая о своихъ соотечественникахъ, которые были въ плѣну. Къ тому же всѣ надежды Польши въ это время рухнули. Революціонная Франція много трактовала объ этомъ, но руки помощи не подала, кажется, въ сущности не понимая всей важности этого рѣшительнаго объединенія съ Сѣверомъ, и даже вскорѣ простерла свое равнодушіе до того, что, развращая

польскіе легіоны, посылала ихъ на смерть въ С. Доминго. Народный духъ въ Польшѣ былъ угнетенъ пораженіями; со стороны Европы ждать было нечего; всѣ пути были заграждены. Вотъ тутъ-то молодому поляку, находящемуся въ изгнаніи въ Петербургѣ, представился необыкновенный случай. Внукъ Императрицы Екатерины, сынъ будущаго Императора Павла I, еще совсѣмъ юный Великій Князь, самъ впослѣдствіи предназначенный для короны, подарилъ его своей дружбой, чѣмъ нѣсколько разсѣялъ печаль впавшаго въ уныніе патріота. Цесаревичъ Александръ почувствовалъ особое влеченіе къ обоимъ молодымъ полякамъ; онъ сблизился съ ними, и это послужило началомъ отношеній, которымъ было суждено имѣть политическое значеніе.

Чтобы князь Адамъ Чарторижскій, который во время своего пребыванія въ Петербургѣ научился дѣлать вѣрную оцѣнку истиннымъ чувствамъ русскихъ, допустилъ себя увлечь. настолько Цесаревичу, что долго чувствовалъ къ нему полное довѣріе. Великому Князю надлежало, въ самомъ дѣлѣ, выразить необычные взгляды и намѣренія. Александру надо было въ особенности побѣдить Чарторижскаго искренностью. Онъ пошелъ навстрѣчу этой дружбѣ, потому что видѣлъ въ ней единственную надежду для Польши и, дѣйствительно, могъ

вполнѣ разсчитывать на чистосердечіе молодого Цесаревича, который не поддавался вліянію двора и бесѣдовалъ съ Чарторижскимъ объ его родинѣ, развивая свѣтлыя идеи о справедливости, возстановленіи правъ, политикѣ гуманной и благотворной. Такимъ былъ въ эту эпоху Александръ, имѣвшій характеръ тщеславный, мечтательный, неустановившійся, но, повидимому, способный въ данный моментъ на великодушные порывы молодости.

Князь Адамъ самъ списалъ, какъ возникли эти тайныя задушевныя отношенія съ Александромъ, на страницахъ еще, кажется, не появившихся на свѣтъ, и которыя, если я не ошибаюсь, служатъ естественнымъ предисловіемъ настоящей переписки. Прибывъ въ Петербургъ ко двору Екатерины въ 1796 г., тотчасъ же послѣ бѣдствія при Маціевичѣ, вотъ что повѣствуетъ самъ князь Чарторижскій:

„Прежде чѣмъ вскроется Ладожское озеро и ледъ, гонимый теченіемъ Невы, принесетъ съ собой рѣзкій холодъ, что случается обыкновенно въ концѣ апрѣля, въ столицѣ стоитъ нѣсколько дней хорошая погода; солнце ярко свѣтитъ, температура падаетъ едва на нѣсколько градусовъ, и набережная бываетъ полна гуляющихъ: разныхъ щеголей и еще съ утра изысканно одѣтыхъ дамъ.

„Цесаревичъ Александръ тамъ часто прогули-

вается, то одинъ, то съ Цесаревной, что не мало способствовало собранію здѣсь избраннаго общества. Я и братъ были тоже въ числѣ гуляющихъ, и при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо изъ насъ Цесаревичъ останавливался для бесѣды, выражая намъ свое особое благоволеніе.

„За этими утренними прогулками послѣдовалъ рядъ встрѣчъ на придворныхъ вечерахъ: наши отношенія съ Великимъ Княземъ все болѣе и болѣе упрочивались съ каждымъ днемъ. Какъ всегда, дворъ переселился весной въ Таврическій дворецъ, гдѣ Императрица Екатерина намѣревалась вести болѣе замкнутый образъ жизни, принимая по вечерамъ только самое избранное общество, при чемъ придворные кавалеры менѣе знатнаго происхожденія имѣли пріѣздъ ко двору только во время концертовъ и по особому приглашенію. Цесаревичъ, время отъ времени, совершалъ прогулки по набережной: встрѣтивъ меня тамъ однажды, онъ высказалъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что меня тамъ рѣдко видитъ и пригласилъ навѣстить его въ Таврическомъ дворцѣ, желая показать мнѣ садъ, при чемъ назначилъ день и часъ пріѣзда.

„Весна вполнѣ вступила въ свои права и, какъ часто случается въ этомъ климатѣ, природа наверстывала потерянное время; деревья быстро распустились, все зазеленѣло и зацвѣло.

„Въ назначенное время я отправился въ Таврическій дворецъ: сожалѣю очень, что я точно не запомнилъ этого числа, такъ какъ этотъ день имѣлъ рѣшительное вліяніе на большую часть моей жизни и на судьбу моей родины. Этотъ день и разговоръ, въ которомъ я намѣренъ дать отчетъ, положили начало моей преданности Цесаревичу, скорѣе нашей дружбѣ и цѣлому ряду счастливыхъ и несчастныхъ событій, связь съ которыми еще продолжается и будетъ чувствоваться въ теченіе долгихъ лѣтъ.

„Какъ только я вошелъ, Великій Князь взялъ меня подъ руку и предложилъ отправиться въ садъ, чтобы я могъ по достоинству оцѣнить искусство садовника-англичанина, который сумѣлъ внести въ убранство сада столько разнообразія, что заставилъ забыть о его небольшихъ размѣрахъ.

Мы исходили садъ по всѣмъ направленіямъ, занятые въ теченіе трехъ часовъ безпрерывной оживленной бесѣдой.

„Цесаревичъ высказалъ мнѣ, что наше съ братомъ поведеніе, безропотность въ положеніи, бывшемъ для насъ безусловно тягостнымъ, спокойствіе и равнодушіе, съ которымъ мы отнеслись къ его покровительству, можетъ быть, для насъ досадному, не отвергая, но и не придавая ему особой цѣны, снискали его уваженіе и довѣріе; что онъ симпатизировалъ нашимъ взглядамъ, угадывая и согла-

шаясь съ ними; что мысль быть принятымъ не за того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, была ему настолько нестерпима, что онъ почувствовалъ потребность посвятить насъ въ свой истинный образъ мыслей. Онъ мнѣ повѣдалъ тогда, что онъ отнюдь не раздѣляетъ идей и постановленій Государственнаго Совѣта и двора; что онъ далекъ отъ мысли одобрить поведеніе и политику своей бабушки; что онъ стоялъ за Польшу и за ея славную борьбу, скорбя о ея паденіи; Костюшко, въ его глазахъ, былъ славенъ доблестью, такъ какъ онъ всталъ на защиту дѣла гуманнаго и справедливаго.

„Цесаревичъ признался мнѣ, что онъ презираетъ деспотизмъ, чѣмъ бы онъ ни выражался; что онъ любитъ свободу, которой должны пользоваться всѣ безъ исключенія; что, горячо сочувствуя французской революціи, но порицая ея ужасныя заблужденія, онъ радовался республикѣ и желалъ ей успѣха. Онъ съ благоговѣніемъ отзывался о своемъ наставникѣ М. де ла-Гарцѣ, какъ о человѣкѣ истинной добродѣтели и высокаго ума, строгихъ нравственныхъ правилъ и энергичнаго характера. Онъ ему обязанъ всѣмъ, что только въ немъ есть хорошаго и всѣми своими познаніями, въ особенности же тѣмъ, что М. де ла-Гарцъ запечатлѣлъ въ его сердцѣ принципы правды и справедливости, что его дѣлаетъ счастливымъ.

„Пока мы измѣряли садъ вдоль и поперекъ, намъ пришлось нѣсколько разъ встрѣтиться съ Великой Княгиней, которая гуляла въ сторонѣ. Великій Князь мнѣ сообщилъ, что его супруга была повѣренной его мыслей и раздѣляла ихъ, но что кромѣ нея я былъ первымъ и единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ по отъѣздѣ воспитателя, отважился объ этомъ заговорить, что никому безъ исключенія онъ не смогъ бы довѣриться; такъ какъ никто въ Россіи не только не способенъ сочувствовать его взглядамъ, но даже понимать ихъ; что я долженъ чувствовать, насколько ему отрадно сознаніе, что теперь у него нашелся человѣкъ, которому можно съ полнымъ довѣріемъ открыть свое сердце.

„Можно себѣ легко представить, что этотъ разговоръ сопровождался дружескими изліяніями съ его стороны, удивленіемъ, благодарностію и увѣреніемъ въ преданности—съ моей. Великій Князь отпустилъ меня со словами, что онъ желалъ бы видѣться со мной какъ можно чаще, совѣтуя мнѣ быть крайне осторожнымъ и хранить все въ безусловной тайнѣ, уполномочивъ меня, однако, передать брату содержаніе нашего разговора.

„Я удалился, признаюсь, положительно, внѣ себя, глубоко растроганный, не зная, былъ ли это сонъ или дѣйствительность.

„Какъ! Русскій Великій Князь, наслѣдникъ Екатерины, ея внукъ и любимый ученикъ, котораго она желала бы видѣть послѣ себя, минуя сына, на престолѣ, о которомъ говорили, что онъ ея достойный преемникъ—этотъ Князь презиралъ и отрицалъ принципы своей бабушки, отвергая некрасивую политику Россіи! Онъ страстно любитъ справедливость и свободу, онъ сожалѣетъ Польшу и хотѣлъ бы ее видѣть счастливой! Не чудо ли, что въ такой атмосферѣ, въ такой средѣ создались такія благородныя понятія и высокія качества?

„Я былъ молодъ, полонъ восторженныхъ идей и чувствъ; необыкновенныя вещи меня не удивляли, я охотно вѣрилъ во все, казавшееся великимъ и добродѣтельнымъ. Легко понять, что я былъ совсѣмъ очарованъ; столько было искренности, чистоты, рѣшительности, повидимому, непоколебимой, самозабвенія и благородства души въ словахъ и осанкѣ молодого Цесаревича, что онъ мнѣ показался существомъ привилегированнымъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины; я обѣщалъ ему безграничную преданность, и чувство, которое онъ мнѣ внушилъ съ этой минуты, длилось даже тогда, когда вызвавшія его иллюзіи разбивались одна за другой; оно устояло позднѣе передъ ударами, нанесенными ему самимъ Александромъ, и не угасло никогда, несмотря на массу

причинъ и печальныхъ разочарованій. Я сообщилъ моему брату о только что происшедшемъ разговорѣ, и послѣ удивленія, смѣшаннаго съ восхищеніемъ, мы оба принялись мечтать о лучезарномъ будущемъ, которое, казалось, открывалось передъ нами.

„Надо припомнить, что мысли, считавшіяся тогда либеральными, были гораздо менѣе распространены, чѣмъ теперь, что онѣ еще не проникли во всѣ слои общества и въ кабинеты монарховъ, что, напротивъ, все, похожее на либерализмъ, было презираемо и предавалось анаѳемѣ при дворахъ, въ салонахъ большинства европейскихъ столицъ и въ особенности въ Россіи и Петербургѣ, гдѣ всѣ убѣжденія стараго французскаго режима, еще болѣе преувеличенныя, соединились съ деспотизмомъ и раболѣпствомъ русскихъ. Обрѣсти же въ этой средѣ Князя, призваннаго править этимъ народомъ и оказывать сильное давленіе на Европу, человѣка, рѣзко выражавшаго свои мнѣнія, исполненныя великодушія, но идущія въ разрѣзъ съ существующимъ порядкомъ, было важнымъ и счастливымъ случаемъ.

„Когда черезъ сорокъ лѣтъ обозрѣваешь событія, протекшія послѣ этого разговора, то ясно видишь, какъ мало они сходны съ тѣми мечтами, которыя носились въ нашемъ воображеніи. Это произошло оттого, что либеральныя идеи были тогда еще для насъ окружены ореоломъ, который затѣмъ

ПОГАШЕНО

сталъ тускнѣть; примѣненіе ихъ на практикѣ еще не сопровождалось жестокими разочарованіями, часто повторявшимися. Французская республика, смѣнившая терроръ, казалось, побѣдоносно шла навстрѣчу счастливой и славной будущности. Самое лучшее ея время было въ 1796 и 1797 годахъ. Имперія еще пока не расхолодила и не выбила изъ колеи мылкихъ приверженцевъ революціи.

„Представьте себѣ наши чувства поляковъ, наши желанія, неопытность, нашу вѣру въ окончательное торжество правды и свободы, и вы поймете, что въ данную минуту мы могли съ упоеніемъ отдаться плѣнительнымъ иллюзіямъ.

„Послѣ этого замѣчательнаго разговора у насъ не было случая побесѣдовать съ Цесаревичемъ, но при всякой встрѣчѣ мы обмѣнивались съ нимъ дружескими словами и жестами.

„Дворъ скоро переѣхалъ въ Царское Село. Было принято, что всѣ кавалеры съѣзжались по праздникамъ и воскресеньямъ къ обѣднѣ, обѣду и на вечера; нѣкоторые оставались ночевать и даже жили въ постройкахъ, окружавшихъ дворъ, противъ дворца, очень неудобныхъ для жилья, или въ пригородѣ, гдѣ было нѣсколько свободнѣе, но тоже плохо, въ домахъ, гдѣ кромѣ стѣнъ, оконъ и дверей ничего больше не было.

„Велікій Князь пригласилъ насъ пріѣзжать къ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
528049
ПОГАШЕНО
Фундаментальная библиотека Н. У. Т. В.

нему почаще; потомъ предложилъ тамъ поселиться, чтобы, какъ сказалъ онъ, имѣть поводъ быть побольше вмѣстѣ. Онъ находилъ удовольствіе въ нашемъ обществѣ и искалъ его, такъ какъ съ нами онъ могъ говорить свободно, высказывая свои сокровенныя мысли.

„Мы имѣли право бывать въ аппартаментахъ, когда Императрица туда выходила вечеромъ, участвовать въ прогулкахъ и играхъ въ горѣлки, что повторялось часто въ хорошую погоду, или быть въ числѣ придворныхъ, находившихся подъ Колоннадой, особой частью дворца, любимой Императрицей, примыкавшей къ ея внутреннимъ покоямъ. По будиямъ за столомъ Императрицы никто не обѣдалъ кромѣ дежурныхъ. Разъ это случилось со мной; меня посадили противъ Екатерины и поручили ей услуживать, что я выполнилъ довольно неловко.

„Мы посѣщали часто Царское Село и вскорѣ тамъ поселились почти на все время.

„Наши сношенія съ Великимъ Княземъ не могли не возбудить живѣйшаго интереса; это былъ особый родъ франкмассонства, которому не была чужда и Цесаревна; задушевная дружба, развивавшаяся въ подобныхъ условіяхъ, дорогая для насъ по извѣстной причинѣ, служила поводомъ къ разговорамъ, которые мы прерывали съ сожалѣніемъ, обѣщая ихъ

постоянно возобновлять. Что теперь кажется избитымъ и полнымъ общихъ мѣстъ въ смыслѣ политическихъ вопросовъ, въ то время привлекало новизной; тайна, которую надо было хранить, мысль, что все это происходитъ на глазахъ отупѣвшаго двора, убѣжденнаго въ неограниченности верховной власти, передъ министрами, исполненными непогрѣшимости, прибавляли еще интереса и пикантности этимъ сношеніямъ, которыя участились и становились все интимнѣе.

„Императрица Екатерина благосклонно смотрѣла на связь, установившуюся между нами и ея внукомъ; она одобряла это сближеніе, не догадываясь, навѣрное, объ его истинной причинѣ и возможныхъ послѣдствіяхъ. Я полагаю, что на основаніи прежнихъ понятій о блескѣ аристократіи въ ея умѣ сложилась мысль, что было бы полезно привязать къ ея внуку людей вліятельныхъ. Ей не приходило въ голову, что эта дружба могла утвердить его въ мысляхъ, внушавшихъ ей страхъ и отвращеніе, что она будетъ одной изъ тысячи причинъ успѣха либеральныхъ идей въ Европѣ и вторичнаго появленія Польши, увы!—эфемернаго на политической аренѣ, такъ какъ Польша казалась ей похороненной навсегда. Благоволеніе Императрицы къ явному предпочтенію, оказываемому намъ Цесаревичемъ, положило конецъ всѣмъ пересудамъ и побудило насъ

продолжать отношенія, бывшія къ тому же для насъ привлекательными.

„Великій Князь Константинъ, видя, что это нравится Императрицѣ, изъ чувства подражанія, возымѣлъ дружбу къ моему брату, позвалъ его къ себѣ, заставивъ откровенно разсказать о своихъ обстоятельствахъ; но о политикѣ здѣсь не было и рѣчи. Въ этомъ смыслѣ, нельзя было позавидовать участи моего брата; ни одной изъ причинъ, связывающихъ насъ съ Александромъ, для Константина не существовало, и при его капризномъ, вспыльчивомъ характерѣ, не признающемъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ, кромѣ страха, сближеніе съ нимъ не было желательно. Цесаревичъ Александръ просилъ брата моего отнестись къ этому сближенію подружелюбнѣе, лишь бы только его признанія остались тайной для Константина, къ которому онъ, однако, питалъ братскія чувства.

„Въ началѣ этого года Великій Князь жилъ въ большомъ дворцѣ, не переселяясь пока еще въ особый дворецъ, который ему по приказанію Императрицы только что выстроили въ паркѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени визиты къ нему сдѣлались цѣлью послѣобѣденныхъ прогулокъ. По переѣздѣ въ новый дворецъ, Великому Князю стало гораздо свободнѣе видѣться съ нами. Онъ оставлялъ насъ частенько обѣдать, и рѣдкій день проходилъ

безъ того, чтобы кто-нибудь изъ насъ у него не ужиналъ послѣ того, какъ въ большомъ дворцѣ кончались собранія. По утрамъ мы также совершали прогулки пѣшкомъ, по нѣсколько верстъ; Цесаревичъ любилъ ходить, обозрѣвая окрестныя деревни, и вотъ тогда-то, въ особенности, онъ предавался своимъ любимымъ разговорамъ. Онъ находился подъ обаяніемъ ранней молодости, которая, рисуя картины, любуется ими, не допуская мысли, что онѣ невозможны, и строитъ неимѣющіе смысла планы на будущее, которое ей кажется безконечнымъ.

„Его взгляды походили на взгляды школьника, который желалъ бы повсюду видѣть республику, какъ единственную форму правленія, удовлетворяющую требованіямъ и правамъ человѣчества. Хотя я и самъ былъ тогда очень восторженнымъ, родился и воспитывался во время республики, когда принципы французской революціи воспринимались съ жаромъ, тѣмъ не менѣе, въ нашихъ преніяхъ благоразумнымъ человѣкомъ былъ я, который смягчалъ крайнія мнѣнія Великаго Князя. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что право наслѣдованія, какъ постановленіе несправедливое и безсмысленное, не должно опираться на случайность происхожденія, но что верховная власть можетъ быть вручена лишь выборному отъ народа, который сумѣетъ указать способнѣйшаго. Я представилъ ему всѣ доводы про-

тивъ этого взгляда, подчеркнулъ трудность и опасность выборнаго начала, упомянулъ о томъ, что пришлось Польшѣ чрезъ это выстрадать и насколько Россія неспособна и неподготовлена къ подобному образу правленія. Я прибавилъ, что, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ Россія ничего бы не выиграла, потому что теряла того, кто въ данное время былъ болѣе всѣхъ достоинъ держать власть въ своихъ рукахъ, такъ какъ намѣренія его были самыя чистыя и благотворныя.

„На этомъ пунктѣ вертѣлись всѣ наши споры, возобновляясь безъ конца. Иногда же, во время нашихъ долгихъ прогулокъ, разговоръ принималъ другой оборотъ. Говорили не о политикѣ, а о природѣ; молодой Цесаревичъ восторгался ея красотой. Надо было имѣть особую склонность къ подобнаго рода наслажденіямъ, чтобы находить ихъ въ странѣ, которую мы обозрѣвали; но такъ какъ въ этомъ мірѣ все условно, то Великій Князь восхищался цвѣтами, зеленью, видомъ, простиравшимся за извилинами этой мѣстности; хотя ничего нѣтъ менѣе живописнаго и болѣе безобразнаго, какъ окрестности Петербурга. Александръ любилъ земледѣльцевъ и грубую красоту крестьянокъ, сельскія работы, жизнь простую, спокойную; желалъ уединиться въ захолустьѣ, на какомъ-нибудь веселенькомъ хуторѣ; вотъ романъ, который онъ мечталъ осуще-

ствить и о чемъ онъ постоянно говорилъ со вздохомъ.

„Я отлично сознавалъ, что это ему не подходило; что, въ виду его высокаго призванія и для крупнаго и удачнаго переворота въ общественномъ строѣ, требовалось больше энергіи, силы, огня и вѣры въ самого себя, чѣмъ это было въ наличности у Великаго Князя; что онъ былъ достоинъ порицанія, такъ какъ выражалъ желаніе отдѣлаться отъ возложеннаго на него бремени, вздыхая о досугахъ спокойной жизни, и что недостаточно разсуждать о трудностяхъ положенія и страшиться ихъ, но слѣдовало бы горячо и страстно желать ихъ преодолѣть.

„Эти размышленія мелькали въ моемъ мозгу время отъ времени и даже тогда, когда я созналъ ихъ совершенную правдивость, они не умалили восхищенія и преданности моей Великому Князю. Его искренность и прямота, способность отдаваться радужнымъ мечтамъ имѣли неодолимую прелесть. Будучи еще слишкомъ молодымъ, онъ имѣлъ впереди достаточно времени, чтобы восполнить всѣ пробѣлы; обстоятельства, сила необходимости могли развить въ немъ такія свойства характера, которыя до сихъ поръ еще не имѣли возможности себя проявить; но мысли и намѣренія Цесаревича были драгоцѣнны, какъ чистое золото, и, хотя онъ сильно съ тѣхъ поръ

измѣнился, но все-таки сохранилъ часть взглядовъ и нѣкоторыя склонности своей молодости.

„Позднѣе, многіе, въ особенности мои соотечественники, ставили мнѣ въ упрекъ, что я придавалъ большое значеніе увѣреніямъ Александра. Я часто возражалъ клеветникамъ, что его намѣренія были искренни и не шуточны. Впечатлѣніе, произведенное первыми годами нашихъ сношеній, не могло изгладиться. Дѣйствительно, когда девятнадцатилѣтній Александръ, облегчая свою душу, подъ величайшимъ секретомъ повѣрялъ мнѣ свои мысли и чувства, бывшія тайной для всѣхъ, онъ испытывалъ ихъ на самомъ дѣлѣ, имѣя потребность кому-нибудь высказаться. Что же другое могло его понудить къ этому? Кого онъ хотѣлъ бы обмануть? Онъ слѣдовалъ только влеченію своего сердца, довѣряя мнѣ свои истинныя мысли. У меня будетъ случай еще разъ вернуться къ этому, когда я коснусь измѣненій, происшедшихъ въ характерѣ Цесаревича“.

Такимъ путемъ возникла въ Таврическомъ саду эта странная близость, имѣвшая позднѣе политическое значеніе, которая выясняетъ роль князя Адама Чарторижскаго, оправдываетъ довѣріе, которымъ онъ долго пользовался, настойчивое желаніе возможныхъ мировыхъ сдѣлокъ и, наконецъ, эту переписку, послѣднее слово такого необыкновеннаго положенія. Что только самая неподкупная любовь

къ родинѣ побудила князя Адама отдаться съ восторгомъ этой, вставшей на его дорогѣ дружбѣ. серьезныя причины которой были лишь ему извѣстны, видно какъ изъ его словъ и рукописей, такъ и изъ всѣхъ его поступковъ.

Онъ никогда не поступился ни своей національной гордостью, ни своими надеждами ради милости Великаго Князя, которая скоро обратилась въ милость Императора. Онъ просто остался тѣмъ, кѣмъ былъ; остался полякомъ, ищущимъ блага въ современныхъ затрудненіяхъ и, когда судьбѣ угодно было вдругъ его сдѣлать царскимъ министромъ, онъ поставилъ условіемъ, что будетъ служить безъ жалованья и орденовъ и воспользуется тотчасъ же своей независимостію, какъ только Польша этого потребуетъ. При новыхъ отношеніяхъ, созданныхъ государственнымъ строемъ 1815 года, онъ также никогда не переставалъ защищать права своей родины до тѣхъ поръ, пока другъ Александра не сдѣлался членомъ національнаго правленія въ 1831 г. Будучи жертвой Императора Николая, онъ еще боролся какъ эмигрантъ и умеръ въ ссылкѣ.

Я безусловно не отказываюсь вѣрить, что Императоръ Александръ I съ своей стороны былъ чистосердеченъ въ своихъ изліяніяхъ, въ понятіяхъ о справедливости относительно Польши: онъ былъ молодъ, его преслѣдовали великодушныя мечты.

Роль благодѣтеля улыбалась его измѣнчивой и нерѣшительной душѣ и время отъ времени онъ ею пользовался. Передъ смертью, онъ кончилъ тѣмъ, что самъ отступилъ отъ выполненія своихъ обѣщаній; но въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ хранилъ эту мысль, сначала какъ надежду, которая льстила его самолюбію, а потомъ какъ муку, волновавшую его тайными угрызеніями совѣсти; онъ страшился своего творенія, которое только было актомъ неполной справедливости.

Этотъ эпизодъ относится лишь къ исторіи; но даже теперь онъ имѣетъ краснорѣчивое значеніе. Онъ показываетъ всю непригодность мировыхъ сдѣлокъ между побѣдителями и побѣжденными, потому что самыя лучшія поползновенія къ нимъ, оканчивались жестокимъ и горькимъ разочарованіемъ. Императоръ Александръ I ничего не сдѣлалъ, а что попробовалъ сдѣлать, отзывалось всегда двойственностью слабой и тщеславной души; но, по крайней мѣрѣ, онъ осмѣлился одобрить мысль о возстановленіи правъ и справедливости; онъ позволялъ говорить и говорилъ самъ о реставраціи Польши; онъ не попиралъ всецѣло народнаго права; онъ не требовалъ уничтоженія исторіи, религіи, имени, обычаевъ, автономіи. Онъ, конечно, не выполнилъ взятыхъ имъ на себя обязательствъ, которымъ онъ однажды хотѣлъ дать санкцію Европы; но онъ не отри-

нулъ ихъ въ порывѣ самодержавія, признавая за ними силу и законный авторитетъ; такъ или иначе онъ допустилъ конституціонный строй, данный имъ Польскому Королевству, чтобы не нарушить договора, освященнаго въ Вѣнѣ, и, по крайней мѣрѣ въ теоріи, онъ не отвергалъ мысли опять присоединить къ королевству другія польскія провинціи имперіи.

Что касается князя Адама Чарторыжскаго, который связанъ умомъ, сердцемъ и поступками болѣе шестидесяти лѣтъ съ кризисомъ, переживаемымъ его родиной, то онъ, очевидно, почувствовалъ обратное теченіе событій. Онъ, конечно, съ трудомъ разстался съ иллюзіями, довѣренными ему въ Таврическомъ саду, и не былъ настолько наивенъ, чтобы цѣпляться за нихъ, когда онѣ разрушались суровой дѣйствительностью. Онъ, правда, еще долго вѣрилъ въ возможность перемирія, но эта вѣра угасала по мѣрѣ наступленія событій. Онъ разорвалъ съ Императоромъ Александромъ всякія сношенія еще до его смерти. Въ царствованіе Императора Николая князь сталъ изгнанникомъ. Онъ не усматривалъ иного выхода изъ положенія, какъ возвратъ полной независимости Польшѣ; задача о судьбѣ своей родины росла и усложнялась въ его душѣ, такъ какъ будучи ярымъ патріотомъ и не вѣря уже въ мировую сдѣлку, онъ не могъ, съ другой стороны,

при своей опытности не сознаться, что радикальное разрѣшеніе этого вопроса и полное освобожденіе Польши представляютъ колоссальную трудность. Отличительной чертой характера князя Адама Чарторижскаго было то, что, сознавая эту трудность лучше всѣхъ и констатируя иногда даже съ горечью безполезность своихъ воззваній къ Европѣ, въ то время какъ Польша оставалась безгласной, онъ никогда не падалъ духомъ. Самымъ вѣрнымъ и краснорѣчивымъ комментаріемъ роли, которую пришлось занимать кн. Адаму Чарторижскому близъ Императора Александра, можетъ служить его жизнь эмигранта, когда съ разбитыми иллюзіями онъ все-таки не поддался унынію; когда, не предвидя въ скоромъ будущемъ удачи для своей родины, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ работать, стойко оберегая свою душу отъ разочарованій. Эту жизнь было бы можно опредѣлить однимъ словомъ императора Севера: словомъ трогательнымъ по своей простотѣ и строгости — „Трудолюбіе!“

Ш. де Мазадъ.

Переписка.

I.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

17 марта 1801 г.

Вамъ уже вѣрно извѣстно, любезный другъ, что, вслѣдствіе кончины моего родителя, я нахожусь во главѣ правленія *). Я умалчиваю о подробностяхъ, чтобы разсказать вамъ о нихъ лично. Я вамъ пишу, дабы вы немедленно сдали дѣла, которыми вы были уполномочены, старѣйшему послѣ васъ, и выѣзжали

---

*) День кончины Императора Павла I былъ 10-го марта 1801 г. Князь Адамъ Чарторижскій находился въ это время въ Италіи, въ званіи русскаго министра при Сардинскомъ дворѣ. Въ сущности говоря, эта должность была не изъ хлопотливыхъ; королевство Сардинія уже не существовало, и король большею частью пребывалъ въ Римѣ. По вступленіи на престолъ Императоръ Павелъ I неблагосклонно взглянулъ на тѣсную дружбу между сыномъ, Великимъ Княземъ Александромъ, и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, тогда еще удержаннымъ въ Петербургѣ; снабдивъ князя полномочіями, онъ замѣнилъ его ссылку въ Петербургѣ своего рода ссылкой въ Италію, которою воспользовался князь Адамъ, чтобы отправиться въ Римъ и заняться тамъ историческими изслѣдованіями.

въ Петербургъ. Мнѣ нѣтъ надобности сообщать вамъ, съ какимъ я васъ жду нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что Провидѣніе будетъ пещись о васъ во время пути и приведетъ васъ сюда здравымъ и невредимымъ. Прощайте, дорогой мой, я болѣе ничего не могу вамъ сказать; прилагаю паспортъ для предъявленія его на границѣ.

Александръ.

II.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

Петербургъ, 12 іюня 1801 г.

Не могу выразить, любезный другъ, что я почувствовалъ по полученіи вашего письма, при мысли, въ особенности, что я васъ скоро снова увижу. Понять не могу, какъ это я ошибся насчетъ вашего званія *); по вашему желанію прилагаю другой паспортъ.

Прощайте, мой дорогой, больше писать вамъ не могу.

Александръ.

---

*) Надписывая адресъ, Императоръ по ошибкѣ присоединилъ къ имени князя Адама званіе Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, что въ Россіи даетъ чинъ Генерала-Аншефа.

III.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору *).

Не имѣя намѣренія преувеличить Вашему Императорскому Величеству опасностей, угрожающихъ Имперіи, и безполезно тревожить Васъ относительно ея положенія, я составилъ записку, которую нынѣ повергаю на Ваше благоусмотрѣніе. Она была мнѣ продиктована самымъ ревностнымъ усердіемъ. Мнѣ показалось необходимымъ указать Вашему Величеству на нѣкоторые подводные камни, окружающіе Васъ, которыхъ Вы, кажется, не замѣчаете и въ чьемъ существованіи даже желаете сомнѣваться. Россія на-

---

*) Послѣ своего возвращенія изъ Италіи, князь Адамъ находился нѣкоторое время около Императора Александра, не вмѣшиваясь ни активно, ни официально въ дѣла. Только въ 1803 г. послѣ долгаго колебанія и неотступныхъ просьбъ Александра, котораго это было завѣтной мечтой, онъ принялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Его подвигнуло на это многое. Прежде всего, въ данный моментъ, отъ Франціи было ждать нечего, такъ какъ она распустила польскіе легіоны,ославъ ихъ въ С. Доминго,

ходится, дѣйствительно, въ критическомъ положеніи. Ея опасности и ваша, Всемилостивѣйшій Государь, могутъ усилиться въ такихъ размѣрахъ, что я не рѣшусь взирать на нихъ безъ страха. Я подумалъ, что нужно, не теряя ни минуты, предложить Вашему Величеству единственное мѣропріятіе, которое вызоветъ за собой слѣдующія, можетъ быть, вынужденныя обстоятельствами. Весьма вѣроятно, что эта мѣра не обезпечитъ благосостоянія государства, но безъ нея оно будетъ слишкомъ непрочнымъ, если даже не невозможнымъ.

До войны извѣстнаго рода единство существовало въ дѣйствіяхъ правительства, такъ какъ Ваше Императорское Величество удостоивали своего довѣрія опредѣленное число лицъ, съ которыми Вы совѣтова-

---

гдѣ онп почти цѣликомъ погибли. Съ другой стороны, какъ бы страннымъ нп казалось такое положеніе вещей, но между Императоромъ Александромъ и княземъ Адамомъ было именно рѣшено, что князь не отречется нп отъ одной изъ своихъ надеждъ, какъ полякъ, оставляя за собой право удалиться въ тотъ день, когда его патріотизмъ сможетъ пострадать отъ его службы. Наконецъ, чтобы окончательно склонить его на это, Александръ предложилъ ему постъ попечителя университета въ Вильно; другими словами, онъ довѣрилъ князю высшій надзоръ за общественнымъ образованіемъ въ польскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Имперіи. Князь Адамъ оставался министромъ до 1806 года, послѣ войны, разрѣшившейся Аустерлицкой битвой. Изъ двухъ слѣдующихъ отрывковъ будутъ ясно видны далѣе политика и положеніе Россіи въ эту эпоху и характеръ Александра.

лись и разсматривали дѣла, прежде чѣмъ положить резолюцію. Между тѣмъ необходимость вложить больше единодушія во всѣ отрасли правленія давала себя постоянно чувствовать, и это единство было всегда желательно. Пережитыя нами невзгоды частью должны были быть приписаны недостаточности этого единства, которое позже даже было совсѣмъ нарушено, какъ разъ въ то время, когда оно болѣе чѣмъ когда-либо было необходимо.

Впрочемъ, какова бы ни была причина, помѣшавшая раньше учрежденію комитета или интимнаго совѣта, уполномоченнаго собирать послѣдовательныя свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ съ тѣхъ поръ, какъ отсутствіе подобной комбинаціи было признано вреднымъ, явилась безотлагательная нужда въ извѣстномъ рѣшеніи въ такое время въ особенности, когда обстоятельства сдѣлали положеніе имперіи болѣе критическимъ, чѣмъ прежде.

Разрѣшите мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, сдѣлать замѣчаніе, которое относительно не будетъ неумѣстнымъ. Къ крайнему моему удивленію я замѣтилъ, что Ваше Величество, кажется, изволили задаться мыслью возложить исключительно на себя не только отвѣтственность за каждое мѣропріятіе, но и выполненіе его въ мельчайшихъ деталяхъ, между тѣмъ какъ идея учрежденія министерствъ именно и преслѣдовала цѣль оградить Васъ отъ этого, Государь, давъ Вамъ возмож-

ность опереться на кого-нибудь, въ случаѣ какой-либо неудачи въ правительственныхъ операціяхъ, которая теперь всецѣло падаетъ на Васъ, потому что Ваше Величество желаетъ дѣйствовать единолично, какъ въ военныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ.

Посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и когда надлежитъ принять рѣшенія, могущія спасти или погубить государство, Ваше Императорское Величество, кажется, приняли за правило рудоводиться первой попавшейся идеей, не принимая въ соображеніе ни мнѣній, ни опытности другихъ, однимъ словомъ, лишая себя продуманныхъ убѣжденій и тѣхъ свѣдѣній, которыя ихъ единственно могутъ создать. Осмѣлюсь прибавить, что Ваше Императорское Величество, отдавая большую часть драгоцѣннаго времени занятіямъ меньшей важности, не располагаетъ имъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы удѣлить его на разсмотрѣніе мѣропріятій, касающихся государства съ вниманіемъ и послѣдовательностію, какъ они того требуютъ. Если это замѣчаніе, слышанное мною изъ многихъ устъ, не лишено основанія, то Ваше Императорское Величество не будете удивлены узнать, что всѣ вообще находятся подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ образа дѣйствій правительства и тѣхъ событій, которыя намъ готовитъ будущее.

Въ случаѣ, если Ваше Императорское Величество не согласитесь съ предложенной мѣрой, которая мнѣ

кажется единственной, способной помочь въ настоящихъ затрудненіяхъ, и дѣла пойдутъ по старому, то я страшусь самыхъ непріятныхъ послѣдствій, какъ для Россіи, такъ и для Васъ, Государь, хотя желалъ бы въ этомъ ошибиться. Предположимъ, что наша бездѣятельность и крайне пассивное поведеніе приведутъ къ внутренней междоусобицѣ: въ такомъ случаѣ, который очень возможенъ, Всемилостивѣйшій Государь, я не смогъ бы отвѣчать за поляковъ и трепеталъ бы передъ впечатлѣніемъ, которое подобный примѣръ могъ произвести на русскихъ. Они уже и такъ еле переносятъ, что слава государства идетъ на убыль и что національная гордость уязвлена. Если же она будетъ оскорблена еще болѣе и границы будутъ затронуты, то во всемъ обвинятъ Ваше Императорское Величество, и разные слухи, циркулирующіе въ обѣихъ столицахъ, не послужатъ къ успокоенію на этотъ счетъ. Я подумалъ, что долгъ обязываетъ меня не скрывать этихъ подробностей отъ Вашего Величества.

Такъ какъ нельзя навязывать мнѣнія, то весьма возможно, что Ваше Величество останетесь при своемъ и не придадите ни цѣны, ни вѣры тому сужденію, которое я осмѣливаюсь высказать. Въ такомъ случаѣ мнѣ ничего болѣе не останется, какъ удалиться съ сознаніемъ, что мнѣ себя не въ чемъ упрекнуть и только пожелать, чтобы мои пророчества не сбылись.

Со всѣмъ тѣмъ, Ваше Императорское Величество

сочтете правильнымъ, что я умоляю Васъ уволить меня въ отставку. Я достаточно видѣлъ въ теченіе моей жизни знаковъ Вашей доброты, чтобы не сомнѣваться, что и на этотъ разъ Вы соблаговолите дать мнѣ самое ощутительное доказательство Вашего расположенія, о которомъ я могъ бы хлопотать.

Я не буду напоминать Вашему Императорскому Величеству о томъ, что произошло со времени моего возвращенія и что, конечно, еще свѣжо въ Вашей памяти, т.-е., какъ мало Вы удѣляли вниманія высказаннымъ мною взглядамъ и тѣмъ представленіямъ, которыя я Вамъ дѣлалъ, какъ относительно дѣлъ, такъ и выбора лицъ, назначаемыхъ за-границу, потому что выборъ этотъ, въ сущности, вліяетъ на ходъ дипломатическихъ сношеній и отъ него большею частію зависитъ ихъ успѣхъ или неудача.

Поведеніе мое на занимаемомъ мною посту вмѣстѣ съ отвѣтственностью, которую вполнѣ основательно съ нимъ связываетъ общество, служитъ продолженіемъ и слѣдствіемъ существованія, дѣйствительно, очень тяжелаго, которое я долженъ былъ сносить, начиная въ особенности съ того момента, когда Вы, Всемилостивѣйшій Государь, приняли рѣшеніе уѣхать въ армію. Съ тѣхъ поръ, какъ Ваше Императорское Величество пожелали трактовать со мной о дѣлахъ, Вы имѣли случай познакомиться въ совершенствѣ со всѣми моими взглядами и Вы заранѣе знаете, какого рода мѣро-

пріятія я Вамъ всегда предложу. Если Ваше Величество находите удобнымъ отбросить ту мѣру, которую какъ прежде, такъ и теперь, я ставлю на видъ, какъ главную основу всего, то, конечно, не за тѣмъ, чтобы раздѣлить тѣ мысли, которыя я могъ бы представить на Ваше усмотрѣніе впослѣдствіи; но, если бы даже Вы удостоили къ нимъ отнестись благосклонно, каковы бы ни были Ваши убѣжденія, безъ предложенной мѣры выполненіе ихъ будетъ всегда тормозиться недостаткомъ единодушія и послѣдовательности, какъ мы это уже испытали раньше. Ваше Императорское Величество слишкомъ добры, чтобы требовать отъ меня еще долѣе выполненія суроваго долга и, если я осмѣлюсь сказать, муки участвовать въ такомъ порядкѣ вещей и въ проведеніи такихъ мѣръ, которыя я считалъ бы по своему образу мыслей діаметрально противоположными благу Вашему и Имперіи.

Какая Вамъ выгода, Государь, удерживать министра, не пользующагося Вашимъ довѣріемъ, чье мнѣніе для Васъ не имѣетъ значенія, и который въ свою очередь обладаетъ твердой волей и почти всегда готовъ къ протесту; который упалъ духомъ и положительно не въ состояніи приложить свои способности и усердіе, чтобы постичь и выполнить повелѣнія, противныя его убѣжденіямъ, если бы даже по характеру онъ и сумѣлъ быть послушнымъ орудіемъ? До сихъ поръ Ваше Императорское Величество одобряли свободный образъ мыслей;

не будите же Вы поддерживать самый вопіющій произволъ, а именно, требовать, чтобы слѣпо исполнялись приказанія, противъ которыхъ протестуетъ совѣсть. Если Ваше Величество приняли твердое рѣшеніе не измѣнять настоящаго положенія дѣлъ, думая, что Вы начертали планъ, въ достаточной мѣрѣ удовлетворяющій теперешнимъ критическимъ обстоятельствамъ, отъ котораго Вы никоимъ образомъ не хотите отрѣшиться, то Вамъ нужно министра, который бы сумѣлъ понять его и проникнуться имъ по убѣжденію, примѣняясь къ нему добровольно, съ приливомъ бодрости и съ надеждой на успѣхъ. Вашему Императорскому Величеству нужно кого-нибудь, кто бы Вамъ внушилъ довѣріе и, будучи русскимъ, имѣлъ бы болѣе вѣсу и менѣе бы подвергался клеветѣ, чѣмъ я. Данныя условія могутъ ему очень пригодиться въ этомъ званіи. Для меня они не существуютъ. И какъ Ваше Величество можетъ желать, чтобы я занималъ свой постъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, не имѣя никакой возможности оправдаться ни передъ кѣмъ, кромѣ Васъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что теперешнее теченіе событій, въ которомъ я, кажется, участвую, ведетъ ко злу.

Я долженъ предвидѣть кромѣ того, что мои соотечественники легко могутъ быть запутаны въ готовящіяся событія, и тогда здѣсь, навѣрное, скажутъ, что это дѣло моихъ рукъ.

Съ другой стороны, Ваше Императорское Величество, говоря откровенно, я не сумѣлъ бы объяснить, въ силу чего Вы желали бы меня сохранить въ министерствѣ. Ваше Величество полагаетъ, что система, которой Васъ увлекъ кабинетъ, и есть источникъ всѣхъ перенесенныхъ нами бѣдствій. Напротивъ, я не долженъ скрывать моей увѣренности въ томъ, что они произошли оттого, что Ваше Величество недостаточно открыто и рѣшительно слѣдовали этой системѣ, отступивъ отъ намѣченнаго плана и потерявъ при выполненіи ея довѣріе къ тѣмъ, съ которыми Вы ее выработали; такимъ образомъ, нарушилось единство и послѣдовательность въ томъ, что произошло позднѣе. Долженъ признаться, что мое мнѣніе таково, что принципы, руководившіе до сихъ поръ дѣйствіями кабинета въ Россіи, должны управлять ими и сейчасъ и, что только огромная энергія и усиленная дѣятельность могутъ выручить Россію изъ непріятнаго положенія. Ваше Императорское Величество, кажется, объ этомъ совсѣмъ противоположнаго мнѣнія. Вы считаете вредными и опасными правила, съ которыми мы сообразовались, и въ особенности остерегаетесь мѣропріятія, которое явилось бы ихъ результатомъ.

На чьей бы сторонѣ ни были правда и справедливость изъ этихъ двухъ взглядовъ необходимый выводъ одинъ: или Вашему Величеству придется дать мнѣ отставку, или я лично объ ней долженъ просить.

Если Ваше Величество на самомъ дѣлѣ убѣждены, что только легкомыслiе и непредусмотрительность Вашего кабинета, пока я имъ руководилъ, вызвали печальныя событiя послѣдняго года и, если Ваше мнѣнiе таково, что, внимая совѣтамъ, имѣющимъ въ основѣ тѣ же самые принципы, Вы этимъ усилите опасность для Россiи и, считая необходимымъ съ особымъ стараніемъ уклоняться отъ всего того, что я вмѣнилъ себѣ въ обязанность Вамъ предложить, думая, что это вызоветъ новый кризисъ, то я, признаться, не понимаю, почему Ваше Величество колеблется согласиться на мою отставку и почему Вы не передадите моего поста кому-либо другому, кто могъ бы Вамъ дать болѣе удовлетворительное доказательство благоразумiя и правоспособности. Къ тому же, когда люди такъ рѣзко расходятся во взглядахъ и принципахъ, то они уже неспособны понять другъ друга; они начинаютъ раздражаться, каждый желаетъ поставить на своемъ, и никого нельзя заставить отказаться отъ своихъ убѣжденiй. Какое бы направленiе ни соизволило Ваше Императорское Величество дать дѣламъ, но настоящiй путь сулитъ мало хорошаго.

Таковы мои доводы, чтобы молить Ваше Императорское Величество согласиться на мою отставку. Они становятся особенно краснорѣчивы въ виду исключительности моего положенiя. Въ этомъ отношенiи, Ваше Величество освѣдомлены о всѣхъ моихъ обстоятель-

ствахъ, заставляющихъ меня желать спокойной и уединенной жизни. Вы, навѣрно, вспомните, какъ я далекъ былъ отъ мысли занять настоящее положеніе и долго отговаривался, предвидя всѣ непріятности, которыя мнѣ пришлось бы вынести, какъ поляку. Съ тѣхъ поръ и почти тотчасъ же по вступленіи на эту должность, я постоянно вздыхалъ о той минутѣ, когда бы Вы мнѣ разрѣшили, Государь, отъ нея отказаться.

Я часто повторялъ эту просьбу, и въ послѣднее время причины, изложенныя въ этомъ письмѣ, заставили меня ее возобновить съ большею настойчивостію. Ваше Императорское Величество благоволили мнѣ обѣщать, повторивъ неоднократно, что Вы снизойдете къ моей просьбѣ и потребовали только, чтобы я еще выждалъ нѣкоторое время.

Я осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшій Государь, напомнить Вамъ Ваше обѣщаніе, на которое мнѣ дозволено было разсчитывать. Причины, удерживавшей до сихъ поръ Ваше Императорское Величество отъ выполненія Вашего обѣщанія, болѣе не существуетъ. Вы достаточно дали понять, Государь, что не уступите докучливымъ рѣчамъ. Никто въ этомъ больше не сомнѣвается и, если Вы согласитесь на мою отставку, то никто и не подумаетъ приписать ее только интригамъ, которыя никоимъ образомъ не могутъ повліять на Ваши рѣшенія. Въ сущности, моей отставкой будутъ довольны многіе, и большинство особъ, составляю-

щихъ обычное интимное общество Вашего Императорскаго Величества, ею будутъ удовлетворены. Я также; почему же не ускорить конца, который всѣхъ сдѣлаетъ довольными, не исключая и Вашего Императорскаго Величества; по крайней мѣрѣ, Васъ ждетъ на моей родинѣ трудъ мирный и пріятный, и въ желаемомъ направленіи.

Если бы Ваше Императорское Величество отнеслись благосклонно къ предлагаемой мною мѣрѣ и въ то же время сдержали теперь же данное мнѣ обѣщаніе, удостоивъ согласиться на мою отставку, я почиталъ бы себя сугубо счастливымъ; приличія были бы соблюдены, и въ то же время я смогъ бы оказать Вашему Императорскому Величеству услугу, которую я считаю существенной, такъ какъ, какого бы рода ни былъ выборъ лицъ, который Вы сдѣлаете, Государь, предлагаемый мною способъ единственно годный, чтобы утилизировать дарованія.—Остаюсь и т. д.

IV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Апрѣль 1806 г.

Ваше Императорское Величество соблаговолитъ оцѣнить мотивы, побудившіе меня сгруппировать факты, способные дать ясное представленіе о правленіи Вашего Совѣта съ того времени, какъ я вошелъ въ его составъ, и которые могутъ служить основаніемъ и матеріаломъ для достовѣрнаго отчета въ моемъ управленіи, представленнаго только Вамъ на разсмотрѣніе.

Вы не удивитесь, Государь, что будучи за одно съ лицами, принимавшими участіе въ дѣлахъ политическихъ и пользовавшимися Вашимъ довѣріемъ въ послѣднюю эпоху, я глубоко заинтересованъ въ томъ, чтобы Ваше Императорское Величество освѣдомлены были обо всемъ, что дастъ Вамъ возможность составить объ этомъ предметѣ сужденіе нелицепріятное и милостивое.

Это особый родъ интереса, въ которомъ каждый

изъ Вашихъ подчиненныхъ поспѣшитъ откровенно сознаться.

Между тѣмъ, причины, еще болѣе вѣскія и неотложныя, что будетъ ясно видно Вашему Императорскому Величеству изъ прилагаемой записки, въ которой я почерпалъ усердіе къ службѣ и преданность къ Вашей особѣ, точно также руководили моей работой, и, лишь подъ ихъ давленіемъ, я почелъ своей священной обязанностью прибавить къ вышесказанной запискѣ кое-какія разсужденія, съ которыми я обращаюсь исключительно къ Вамъ, Государь, такъ какъ для меня только Ваше мнѣніе и важно—я долженъ, однимъ словомъ, дополнить, въ глазахъ Вашего Императорскаго Величества, картину прошлаго съ послѣдствіями, какими я ихъ усматриваю, ничего не утаивая, и выложить Вамъ цѣликомъ сущую правду такою, какъ она есть по моимъ сокровеннымъ убѣжденіямъ.

Возвращаясь къ прошедшимъ событіямъ, приблизительно въ томъ же порядкѣ, какъ они занесены въ записку, я долженъ предварить Ваше Императорское Величество, что я буду, главнымъ образомъ, говорить съ Вами о Вашей особѣ.

Монархи такъ неразрывно связаны съ государствомъ, что обсуждая происходящія въ немъ перемѣны, нельзя не обратить вниманія на ихъ личное поведеніе, отъ котораго большею частью, въ сущности, и зависятъ возвышеніе и паденіе имперіи.

Не мало упрековъ выпало на долю Совѣта въ Петербургѣ и даже ему было поставлено въ вину, что онъ увлекался преувеличенными мечтами о самопожертвованіи общественному благу Европы, не задумываясь о томъ, чего могли требовать прямые интересы Россіи, и не стараясь доставить ей надлежащихъ преимуществъ.

На этомъ основаніи забывали, что только поддержаніемъ этого общественнаго блага и держались значеніе и даже безопасность Россіи.

Никто не вѣдалъ, кромѣ того, о всѣхъ бесѣдахъ съ Вашимъ Величествомъ, въ которыхъ въ продолженіе двухъ лѣтъ проводились идеи такихъ комбинацій, которыя могли быть выгодны для Россіи, какъ напр.: овладѣніе Молдавіей и Валахіей, Вислой въ смыслѣ границы, возсоединеніе Славянъ и грековъ и т. д., однимъ словомъ, въ которыхъ разсуждали о сохраненіи отношеній при пріобрѣтеніяхъ для Россіи и объ обезпеченіи ей коммерческаго рынка.

Эти мысли отвергались постоянно Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и такимъ образомъ, что терялась всякая надежда, что Вы могли бы вскорѣ одобрить которую-нибудь изъ нихъ. Слѣдовательно было трудно, наравнѣ съ прочими вопросами, заниматься проектомъ раздѣла Европы съ Бонапартомъ, такъ какъ объ этомъ нельзя было иначе помыслить,

какъ рѣшившись усилить себя на счетъ нѣкоторыхъ своихъ сосѣдей.

Событія указывали, между прочимъ, что потребность распространить и упрочить наше вліяніе, расширить границы и увеличить средства имперіи могла сдѣлаться, мало-по-малу, крайне необходимой; частью, чтобы удержать Россію на томъ уровнѣ, на которомъ ей надлежало находиться, частью чтобы водворить дѣйствительное и длительное спокойствіе. Поэтому казалось, что единственно годнымъ путемъ былъ тотъ, въ основѣ котораго лежали самыя чистыя, безкорыстныя чувства. Съ этого и надо было начать, руководствуясь самыми выдающимися мотивами; но при проведеніи мѣропріятій, вынужденныхъ общественнымъ благомъ и всеобщей защитой, Ваше Императорское Величество, помимо своей воли и безъ труда, силою обстоятельствъ, дошли бы до этого, что получили бы при этомъ для себя значительныя выгоды. Это, конечно, было самое лучшее и вѣрное средство для успѣха, и подрядъ въ двухъ случаяхъ, мы были настолько близки къ достиженію цѣли, что только стоило быть понастойчивѣе.

Никто кромѣ меня не сознавалъ настоятельной необходимости заручиться вполнѣ соизволеніемъ и одобреніемъ Вашего Императорскаго Величества для всякаго дѣла, предпринятаго государствомъ; возможно ли было бы надѣяться, что при другихъ условіяхъ оно будетъ подвигаться впередъ энергично и плодотворно?

Казалось, Государь, что только великодушныя побужденія, величіе результатовъ, однимъ словомъ, благо человѣчества и слава Россіи могли единственно обезпечить всякой системѣ, избранной Совѣтомъ, поддержку непреклонной и послѣдовательной воли съ Вашей стороны.

Призываю Ваше Императорское Величество въ свидѣтели, что во время былыхъ преній и въ представленіяхъ, которыя я дѣлалъ прежде, я всегда старался вызвать въ Васъ дѣйствительную увѣренность и добровольную рѣшимость.

Между тѣмъ, говоря откровенно, я догадался, къ моему сильному огорченію, хотя, быть можетъ, слишкомъ поздно, что Ваше Величество не чувствовали рѣшительной и глубокой убѣжденности въ тѣхъ вопросахъ, которые занимали Совѣтъ.

Обсудивъ основательно ихъ сущность и согласившись съ принципами, Ваше Величество выказали чрезъ нѣсколько времени стремленіе къ раскаянію и горько сожалѣли о себѣ и Совѣтѣ. Когда, благодаря Вашимъ постановленіямъ, событія уже приняли опредѣленное направленіе, то и дѣло возвращаясь къ прошлому и часто начиная все сначала, какъ будто ничего не было урегулировано и условлено, то мы никогда не чувствовали довѣрія къ той точкѣ зрѣнія, которую принимали въ разсчетъ, и когда мы уже принимались за выполненіе отданныхъ приказаній, тогда только пробуждались

наши сомнѣнія, и принципы, руководившіе нашими поступками, начинали колебаться. Къ моему крайнему и запоздалому сожалѣнію было очевидно, что при такихъ тревожныхъ сомнѣніяхъ въ исходѣ дѣла, вниманіе и бодрость духа были немыслимы, и я счелъ себя вынужденнымъ высказаться, что, зайдя такъ далеко, надо довести свою работу до конца.

По результатамъ, добытымъ въ теченіе прошлаго года, можно было замѣтить до какого момента существовала такъ необходимая убѣжденность, когда она начала колебаться, ослабѣвать и, наконецъ, совершенно исчезла, и это случилось тотчасъ же, какъ надвинулись непредвидѣнныя препятствія; но позволю себѣ замѣтить, что, какъ бы планъ ни былъ хорошо выработанъ, надо всегда быть готовымъ къ всякимъ помѣхамъ и случайностямъ и, что, если не проявить при выполненіи его настойчивости, пока рѣшительно все не устроится по нашему желанію, то не существовало бы плана, который бы могъ удаться.

Боязнь по неосторожности предупредить установившіеся взгляды Вашего Величества и поступить не согласно съ Вашими убѣжденіями, заставила Совѣтъ выдвинуть впередъ крайнюю мѣру, въ которой его упрекали впослѣдствіи.

Когда извѣстіе о смерти герцога Ангіенскаго дошло до С.-Петербурга, то какое бы сильное впечатлѣніе ни произвело на меня это покушеніе, какъ бы я ни под-

черкивалъ энергію и благородство чувствъ, руководившихъ нашимъ дворомъ, я все-таки долженъ напомнить Вашему Императорскому Величеству, что я не предлагалъ никакой попытки вродѣ тѣхъ, которыя были сдѣланы; письма, составленныя мною въ сильныхъ выраженіяхъ, были мало извѣстны, и только единственно Ваше Величество дали толчекъ въ этомъ случаѣ. Признаюсь, что будучи далекъ отъ мысли отнестись съ грустью къ этому порыву, я почувствовалъ въ немъ радость и надежду; мнѣ казалось преступнымъ стараться подавить или расхолодить его увѣщаніями, такъ какъ именно энергія и негодованіе лежали въ основѣ системы, признанной единственной, которой слѣдовало держаться, и что только этотъ порывъ могъ бы пробудить въ Вашей душѣ ту рѣшимость, которая въ ней дремала до сихъ поръ. Тѣмъ не менѣе, я не закрывалъ глазъ на послѣдствія этого поступка, и съ этой минуты война, которую предвѣщали и другія обстоятельства, мнѣ показалась неизбѣжной.

Въ этомъ именно духѣ, Ваше Величество, и говорили постоянно съ Вами лица, которыхъ Вы назначили вѣдать дѣла политическія.

Но, къ несчастью, эта истина, въ сущности, не убѣдила Васъ. Только позднѣе, я смогъ вывести заключеніе, что, при Вашемъ особомъ взглядѣ на вещи, Вы, до послѣдней минуты полагали, что войны не будетъ, такъ какъ Австрія слишкомъ труслива, чтобы ее объ-

явить, и что это послужило бы Россіи извиненіемъ, если бы она пожелала остаться въ сторонѣ.

Съ этого началась рознь между предложеніями, которыя дѣлалъ Совѣтъ, вслѣдствіе строгаго повелѣнія Вашего Величества, и разными мѣрами, примѣняемыми внутри имперіи. Ваше Императорское Величество все возложили на министерство, предполагая, вѣроятно, что оно будетъ имѣть успѣхъ въ неосуществимыхъ проектахъ. Событія показали противное; а пока ни одна изъ противоположныхъ партій не соглашалась съ дѣйствіями Совѣта, Ваше Императорское Величество не признали за благо приказать, въ 1804 году, произвести наборъ рекрутовъ въ достаточномъ количествѣ, хотя необходимость этого не была представлена.

Отправка приказа войскамъ оставить гарнизоны откладывалась со дня на день, несмотря на неотступныя просьбы, которыми я Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, осыпалъ всякій разъ по полученіи мною объ этомъ свѣдѣній.

Этотъ нерѣшительный образъ дѣйствій, который производитъ полумѣры, поступки, обусловленные слабой волей, есть самый вредный и опасный въ дѣлахъ.

Ваше Величество разрѣшите мнѣ въ данномъ случаѣ напомнить Вамъ о томъ, что я уже высказалъ раньше, а именно, что Вамъ слѣдуетъ занести въ записную книжку двѣ важныхъ ошибки. Первая, что несмотря на неоднократныя предложенія, Государь, Вы

не выслали съ самаго начала крупныхъ военныхъ силъ въ Грузію, чтобы избавиться отъ этой войны поскорѣе. Вторая, что Вы не соизволили во время приказать выступить полкамъ, назначеннымъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Австріи и Пруссіи.

Вашему Величеству извѣстны слова Суворова, что минута рѣшаетъ битву, часъ опредѣляетъ исходъ кампаніи и отъ одного только дня зависитъ судьба государствъ.

Этихъ словъ никогда не должны забывать тѣ, кто вліяетъ на управленіе страной.

Въ Европѣ только одинъ Бонапартъ знаетъ цѣну времени и въ этомъ секретъ его удачи. Онъ умѣетъ сегодня взяться за то, что черезъ недѣлю было бы невозможно; окрыленный одержаннымъ успѣхомъ, онъ имѣетъ больше шансовъ для борьбы съ предстоящими затрудненіями.

Не 500 тысячъ человѣкъ страшны, съ которыми намъ надо было сражаться; нѣтъ, имѣя самое большее 140 тысячъ, Бонапартъ справился съ Австріей, Россіей и Пруссіей единственно потому, что, не смущаясь послѣдствіями, онъ умѣетъ пользоваться настоящей минутой. Эта способность удваиваетъ и утраиваетъ его силы, та же армія увеличивается и, побѣдивъ въ одномъ пунктѣ, быстро двигается къ другому. Это пріемы Цезаря и Фридриха.

Я, кажется, ясно доказалъ въ запискѣ, что пи-

когда еще эта правда такъ рѣзко не выступала, какъ во всемъ томъ, что случилось съ Пруссіей.

Рѣшеніе, которое желали принять по поводу ея, заслужило полное одобреніе самыхъ выдающихся особъ въ Европѣ. Вотъ что побудило эрцгерцога Карла высказаться за войну; потому что, говорилъ онъ, это доказательство, что Россія хочетъ ее вести не на шутку.

Питтъ и Фоксъ тоже изъявили согласіе. „Если враждебныя дѣйствія съ Пруссіей вспыхнутъ, то нужно ихъ энергично раздувать и не смущаться. На самомъ дѣлѣ Ваше Величество высказали позднѣе, что Вы только потому согласились на это рѣшеніе, что пожелали поступить по теоріи вѣроятности, въ увѣренности, что самъ король, оказавшись подъ сильнымъ давленіемъ, рѣшится вмѣсто насъ. Между тѣмъ, кто могъ бы за это поручиться?

Когда предлагаютъ двѣ альтернативы, это значитъ, что предвидятъ два исхода и считаютъ ихъ оба подходящими. Кто могъ бы повѣрить, что Россія въ отрицательномъ случаѣ остановилась бы сразу и, что она вооружилась только единственно въ разсчетѣ, что Пруссія пойдетъ на уступки безъ малѣйшей оппозиціи.

Когда планъ уже выработанъ, то ему слѣдуютъ неуклонно; но если во время его выполненія начинаютъ отступать отъ основного пункта и путать ту или другую существенную часть, возможно ли требовать, чтобы

удались другія составныя части, разсчитанныя на то, чтобы составить пропорціональное цѣлое?

Если не рѣшено въ положительномъ смыслѣ слѣдовать намѣченному плану, тогда, конечно, ничего не надо бы и начинать или вновь составить планъ совершенно противоположный.

Задавшись мыслью искренно и безъ обиняковъ говорить въ этомъ письмѣ о прошломъ или, лучше сказать, связать вмѣстѣ и повторить письменно Вашему Императорскому Величеству различныя соображенія, которыя я часто позволялъ себѣ излагать Вамъ устно, я стараюсь совершенно искренно выполнить до конца начертанную мною задачу, что можетъ внушить только самая глубочайшая преданность, въ надеждѣ, что Вы, Всемилостивѣйшій Государь, не откажите мнѣ въ прощеніи.

Надо, во-первыхъ, приписать свиданію у Мемеля прискорбную развязку нашихъ дѣйствій. Я считаю эту встрѣчу однимъ изъ самыхъ несчастнѣйшихъ происшествій, когда либо случавшихся въ Россіи, какъ вслѣдствіе непосредственныхъ послѣдствій, такъ и по причинѣ тѣхъ, которыя были позже и даже могли грозить въ будущемъ.

Задушевная дружба Вашего Императорскаго Величества, завязавшаяся чрезъ нѣсколько дней съ королемъ Прусскимъ сдѣлала то, что Вы не усматривали болѣе въ Пруссіи политической страны, но стали

считать ее какъ за нѣчто дорогое, относительно чего Вамъ надлежало выполнить особыя обязательства.

Эта личная связь, заключенная съ могущественнымъ монархомъ, чьи интересы были большею частью противорѣчимы интересамъ Россіи, значительно повліяла на дѣйствія нашего Совѣта, ставя ему постоянно преграды, и въ концѣ-концовъ, помѣшала обдуманному и рѣшенному примѣненію энергичныхъ мѣръ въ началѣ кампаніи. Вашему Величеству казалось, что Вы измѣните Вашимъ личнымъ чувствамъ къ королю, если согласитесь на враждебный планъ дѣйствій относительно Пруссіи, и Вы даже упрекали себя въ томъ, что пользовались средствомъ для примиренія противоположныхъ требованій, между тѣмъ какъ для рѣшенія вопроса только и было надо что взвѣсить интересы обоихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что король ясно показывалъ, что онъ положительно не въ состояніи оцѣнить подобныхъ чувствъ и отвѣчать на нихъ.

Вступленіе войскъ въ Пруссію было отложено, хотя весь планъ и былъ основанъ на принципѣ вынужденія этого государства къ военнымъ дѣйствіямъ.

Не слушая никакихъ увѣщаній, Ваше Императорское Величество внезапно рѣшились отмѣнить Ваши повелѣнія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ словъ въ депешахъ М. д'Алопеусъ, которыя, въ сущности, еще ничего не доказывали: такъ какъ нельзя же было требовать, чтобы Пруссія безропотно покорилась нашей волѣ, не попы-

тавшись разжалобить насъ или напугать подобіемъ силы.

Поведеніе этого государства относительно Бонапарта, послѣ нанесенія вреда территоріи Анспа и со времени Вѣнскаго трактата достаточно доказываетъ, чего можно отъ него ждать, если дѣйствовать настойчиво и безъ колебаній. Мы бы ни разу не поколотили пруссаковъ, если бы они были согласны на заключеніе мировой сдѣлки. Слѣдовало поторопиться ограничить Пруссію, какъ это Бонапартъ продѣлалъ съ Австріей, и намъ бы это стоило меньшаго труда.

Вотъ въ этой-то отмѣнѣ приказаній и въ отъѣздѣ Вашего Величества въ армію я и усматриваю главную причину случившихся несчастій.

Я также докладывалъ тогда Вашему Императорскому Величеству обо всѣхъ неудобствахъ, съ которыми было сопряжено Ваше присутствіе въ арміи, и мои предсказанія, къ несчастію, сбылись.

„Какъ только Ваше Императорское Величество прибудете въ армію, осмѣлился я тогда высказать, генералы сложатъ съ себя всякую отвѣтственность, и все, цѣликомъ, падетъ на Васъ. Генералы не будутъ съ прежнимъ рвеніемъ относиться къ дѣламъ, ничего не возьмутъ на себя и перестанутъ хлопотать изъ всѣхъ силъ объ успѣхѣ. Ничто не будетъ удаваться, и это припишутъ присутствію Вашего Величества. Командованія войсками въ настоящемъ смыслѣ не будетъ,

такъ какъ Вы не признаете за благо это сдѣлать, а генералы на самомъ дѣлѣ бросятъ этимъ заниматься. Придворныя интриги и партійность перекочуютъ въ лагерь". Я прибавилъ, что государь, недостаточно опытный въ дѣлѣ командованія, не долженъ никогда ставить себя въ подобное положеніе, или ему слѣдуетъ, въ извѣстныхъ критическихъ обстоятельствахъ, принимать непосредственныя и опредѣленныя рѣшенія. Я указалъ Вашему Величеству насколько это было бы для Васъ пагубно, если бы Вы потерпѣли неудачу, и спросилъ какія средства Вы имѣли въ запасѣ и какъ бы Вамъ пришлось поступить, если бы безопасность и честь Россіи были когда-либо скомпрометированы.

Эти увѣщанія такъ же мало имѣли успѣха, какъ и остальныя, такъ что я положительно не могъ себѣ дать отчета въ мотивахъ, взявшихъ у Вашего Императорскаго Величества перевѣсъ надъ такими очевидными и важными доводами, которые, наоборотъ, въ случаѣ Вашего желанія перемѣнить мѣстопребываніе, должны были бы Васъ скорѣе склонить на подобное рѣшеніе только съ цѣлью приложить неослабныя попеченія къ тому, чтобы заставить работать государственный механизмъ съ большимъ единодушіемъ—въ такую минуту, когда нужна была вся Ваша энергія и, чтобы Вы лично, какъ Русскій Монархъ, не подвергались опасности и не терпѣли неудачъ.

Вашему Величеству надлежало лишь тогда уѣхать въ армію, когда военныя дѣйствія приняли бы благопріятный оборотъ, и это Вамъ именно и было предложено, но напрасно.

Вы отправились, Всемилостивѣйшій Государь, къ войскамъ, но перемѣна Вашего приказа Васъ опередила. Она повергла въ отчаяніе генераловъ и солдатъ, которые горѣли желаніемъ помѣриться силами съ пруссаками и огорчила поляковъ, ждавшихъ только сигнала, чтобы присоединиться. Ужасъ и уныніе овладѣли всѣми, въ особенности, когда послѣ Вашего прибытія положеніе вещей не измѣнилось. Всякій день, замедлявшій вступленіе войскъ въ Пруссію, былъ потеряннымъ днемъ для Россіи и Европы и выиграннымъ для Бонапарта.

Онъ подвигался впередъ, а мы стояли на мѣстѣ. Насколько это промедленіе было ему выгодно, мы восчувствовали это позднѣе.

Ваше Величество, безъ сомнѣнія, отдадите справедливость всѣмъ сопровождавшимъ Васъ, участвовавшимъ въ составленіи плана, что не отъ нихъ зависѣло воспрепятствовать подобной комбинаціи. Такъ какъ рѣшеніе уже было принято, то мы должны были приложить усилія и добиться дѣйствительной коопераціи Пруссіи, а до тѣхъ поръ, выиграть время.

Теперь будетъ умѣстно напомнить Вашему Императорскому Величеству, что со времени приведенія

мѣропріятій въ дѣйствіе и, въ особенности послѣ отъѣзда Вашего Величества изъ Пулавы, Ваши мнѣнія и чувства явно измѣнились, что должно было замѣтно повліять на успѣхъ нашихъ дѣйствій.

Ваше Величество отдалили отъ себя въ данный моментъ лицъ, пользовавшихся Вашимъ довѣріемъ, бывшихъ въ курсѣ дѣла, и союзъ съ которыми, тогда въ особенности, могъ бы Вамъ быть полезенъ.

На это въ Берлинѣ взглянули съ удивленіемъ. Подобное обстоятельство уменьшило наши шансы и увеличило шансы недоброжелателей, такъ какъ было выведено заключеніе, Государь, что Вы не удовлетворены образомъ дѣйствій, котораго держались раньше. Если я и сопровождалъ Ваше Величество во время путешествія въ Берлинъ, то совсѣмъ не для того, чтобы Вы перемѣнили со мной обращеніе. Въ вашихъ словахъ и поступкахъ съ тѣхъ поръ сквозило только недовольство и сожалѣніе по поводу того, что было сдѣлано. Вы часто себя упрекали въ этомъ, заявляя, что больше подобное не повторится, и старались при всякомъ удобномъ случаѣ доказать свои слова тѣмъ что оспаривали тѣ предложенія, которыя я Вамъ дѣлалъ въ духѣ прежнихъ начинаній, и высказывали такія сужденія о настоящихъ событіяхъ, которыя ясно показывали, что Вы всецѣло измѣнили свой взглядъ на вещи и систему, и что Вы противъ воли слѣдовали плану, выполненіе котораго еще только начиналось.

Я полагаю, что Ваше Императорское Величество возьмете на себя трудъ рѣшить, по справедливости, если все, вмѣстѣ взятое, не въ состояніи возбудить недовѣріе и уныніе вмѣсто горячаго усердія.

Ваши переговоры въ Козеницахъ съ генераломъ Калокрейтомъ, который прибылъ, чтобы обсудить непосредственное выступленіе нашихъ войскъ, велъ бесѣду только съ Вашимъ Величествомъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ, недостатокъ дисциплины и настойчивости, при переходѣ войска черезъ прусскую границу были только введеніемъ къ тому, что случилось впослѣдствіи.

Довѣріе, которымъ Вы облекли другихъ лицъ, уполномочивъ ихъ вести дѣла политическія, и предпочтеніе, оказываемое ихъ совѣтамъ, способствовали, если я смѣю такъ выразиться, развитію въ насъ неувѣренности, извѣстнаго колебанія, что никоимъ образомъ не ускользнуло отъ прусскаго министерства, внушивъ ему сомнѣніе въ сущности Вашихъ намѣреній, натолкнувъ на мысль, вредную для дѣла, что Ваше Императорское Величество не составляли съ Совѣтомъ одно цѣлое и придало смѣлость двоедушному Берлинскому Кабинету.

Безграничное предпочтеніе, которое Ваше Величество признали за благо высказать пруссакамъ, уменьшеніе довѣрія и равнодушіе, въ которыхъ Васъ подозрѣвали въ отношеніи Вашего министерства, привели къ тому, что прусскій дворъ сдѣлался, съ одной стороны, без-

печнѣе, а съ другой сталъ къ намъ относиться боязливѣе, и что препятствія къ посредничеству усугубились, такъ какъ особаго рода немилость, въ которой я очутился, уменьшала вѣсъ каждаго слова Вашего министра и, что, наконецъ, условія несчастнаго Потсдамскаго трактата ухудшились, при чемъ я всегда раскаявался, что стеченіе обстоятельствъ вынудило меня подписать тамъ свое имя. Въ теченіе всего этого періода времени, у меня мало было случаевъ переговорить какъ слѣдуетъ съ Вашимъ Величествомъ о дѣлахъ; въ дорогѣ почти не было возможности разговаривать, развѣ только на спѣхъ, во время остановокъ на станціяхъ, но Ваше Императорское Величество сами не искали бесѣды со мною, несмотря на неотложную необходимость. Было, слѣдовательно, мудрено трактовать съ Вами заранѣе о томъ, какое поведеніе приличествовало бы тому или другому случаю, въ которомъ Вы могли бы очутиться.

Хотя положеніе становилось съ каждымъ днемъ все безвыходнѣе, ни въ чемъ не было ни обдуманныхъ поступковъ, ни обязательныхъ преній.

Тѣ, которые согласно Вашимъ приказаніямъ, Государь, выработали планъ, не собирались болѣе придумывать лучшихъ способовъ, для приведенія его къ благополучному концу. Нашъ образъ дѣйствій сдѣлался тревожнаго и опромечтиваго характера, что не предвѣщало успѣха. Совѣтовались случайно, урывками со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, не употребляя

достаточно времени на то, чтобы внимательно и на свободѣ обсудить дѣла и взвѣсить хладнокровно всѣ обстоятельства.

При Вашемъ прибытіи въ Ольмюцъ, Государь, между Вашими приближенными были замѣтны два преобладающихъ мнѣнія. Одни были согласны считать игру проигранной и удалиться безъ сопротивленія; другіе желали скорѣе драться, чѣмъ оставить поле сраженія. Только небольшая кучка людей проявила обдуманную и непоколебимую волю, единственно обезпечивающую успѣхъ, которая упорствуетъ до конца и лучше желаетъ, чтобы труды и опасности даже продолжались, лишь бы было возможно добиться счастливаго и почетнаго результата. Вслѣдствіе различныхъ донесеній Вашему Величеству, мы переходили иногда въ теченіе утра отъ крайняго унынія къ чрезвычайной увѣренности. Въ это время только и слышались жалобы на недостатки и австрійцевъ. Было бы политичнѣе и великодушнѣе стараться поднять ихъ мужество знаками вниманія и поощренія, чѣмъ унижать и раздражать ихъ, заставляя чувствовать наше превосходство, и слишкомъ часто и публично отзываться объ нихъ саркастически, чтобы это не было доведено до ихъ свѣдѣнія, такъ что, въ концѣ концовъ, солдаты обѣихъ союзныхъ арміи стали болѣе презирать другъ друга, чѣмъ даже ненавидѣть французовъ. Эти же, будучи болѣе ловкими, льстятъ самолюбію самыхъ ничтожныхъ изъ сво-

ихъ союзниковъ, втягиваютъ ихъ въ битвы и изъ этого извлекаютъ выгоду.

Что касается нужды, то ощущался недостатокъ въ провіантѣ; армія была переутомлена и въ самомъ критическомъ положеніи, и все-таки ни одна жалоба не достигла до Вашего Императорскаго Величества. Войска сражались, и дѣла шли своимъ чередомъ, потому что предполагалось, что Вы желали во что бы то ни стало довести Ваше предпріятіе до благополучнаго конца. По прибытіи Вашего Величества въ армію, жалобы посыпались со всѣхъ сторонъ; генералы уже не чувствовали рѣшимости всѣмъ пожертвовать для успѣха, какъ это имъ представлялось издали; заразившись извѣстными взглядами, они считали ихъ за Ваши, Государь; многіе думали, что распространять и раздувать жалобы значитъ оказывать услугу интересамъ Россіи. Нѣкоторые были далеки отъ мысли, что отъ поощренія жалобы чувство скорби становится еще острѣе; слѣдовало бы, напротивъ, ихъ подавлять суровой силой.

Нужда есть одно изъ крупныхъ частныхъ золъ, которое нужно искоренять, какъ и всякое другое; но какія бы лишенія ни испытывали войска, ихъ все-таки лучше слѣдовало бы сносить терпѣливо, чѣмъ разорять Европу и губить репутацію русской арміи.

Вашему Императорскому Величеству необходимо было покинуть Ольмюцъ, чтобы дѣйствія пошли есте-

ственнымъ путемъ, или же въ случаѣ Вашего настойчиваго желанія тамъ остаться, слѣдовало бы, чтобы Ваше время употреблялось съ большей пользой.

Не было особой надобности, Государь, въ томъ, чтобы Вы проявляли личную доблесть въ сраженіи, но надлежало спасать Европу, блюсти славу Россіи, которая есть истинная гордость монарха.

Вмѣсто того, чтобы безпрестанно отправляться на аванпосты, или позднѣе подвергать себя опасности впереди колоннъ, гдѣ присутствіе Вашего Величества, если Вы мнѣ разрѣшите говорить откровенно, вмѣсто помощи, только разстраивало и смущало генераловъ, было бы много лучше держаться вдали арміи, оставить ее идти впередъ, не слѣдуя за ея движеніями, и приложить всѣ старанія, Государь, все Ваше время и способности къ тому, чтобы, не щадя средствъ, заставить дѣйствовать всѣ части государственнаго механизма въ соразмѣрномъ порядкѣ — при чемъ упорно добиваться реорганизаціи Австріи, какъ на это склоняли Ваше Императорское Величество. Но развѣ Вамъ было возможно заниматься такими важными и трудными вещами, если Ваши дни принадлежали второстепеннымъ занятіямъ, которыя въ одинаковой степени исчерпывали Ваши силы и время?

Наши совѣты опирались на то, чего требовало благо начатаго предпріятія, а также на высшее соображеніе, что благоденствіе Россіи и судьбы Европы тѣсно свя-

заны съ особой Вашего Императорскаго Величества; что, слѣдовательно, подвергать Васъ опасности было одно и то же, что не придавать настоящей цѣны тому, что есть самаго важнаго на свѣтѣ; короче сказать, это значило поставить на карту судьбу государствъ, вручившихъ Вамъ свою честь и честь милліоновъ людей, которымъ Вы принадлежите и, говоря по справедливости, подвергать опасности и ихъ и, такимъ образомъ, сдѣлаться преступными передъ ними.

Проникнутые убѣдительностью такихъ вѣскихъ доводовъ, чувствуя всю тяжесть огромной отвѣтственности, мы обращались въ этомъ смыслѣ съ всевозможными представленіями и прошеніями къ Вашему Императорскому Величеству; но результатъ этого мало-помалу свелся къ нулю и, въ концѣ-концовъ, Вы не соизволили намъ даже разрѣшить упоминать о такомъ важнѣйшемъ и рѣшительнѣйшемъ вопросѣ.

Я предполагаю даже, что, слѣдуя совѣтамъ, пресытившимъ Васъ, Выше Императорское Величество скомпрометировали репутацію своей личной храбрости. У Васъ, Государь, было бы достаточно времени для ея возстановленія, если бы дѣла приняли счастливый оборотъ. Когда Сципіонъ Африканскій въ первый разъ командовалъ арміей при осадѣ Карѳагена, онъ приказалъ сопровождать себя двумъ солдатамъ, которые его безпрестанно прикрывали своими щитами. Пренебрегая мыслью, что его могли заподозрить въ трусости,

и мало смущаясь тѣмъ, что о немъ могли дурно судить, онъ думалъ только о сохраненіи своей жизни, такъ какъ отъ нея зависѣлъ успѣхъ предпріятія. Послѣ понесенныхъ непріятелемъ потерь и приступа, обезпечившаго побѣду, Сципіонъ показался открыто и успѣлъ еще, въ концѣ-концовъ, доказать, что мужества у него столько же, какъ и у каждаго изъ его солдатъ.

Если простой командующій арміей считалъ своей обязанностію подобный образъ дѣйствій, каковы же должны быть предосторожности, предпринимаемыя Государемъ въ томъ положеніи, въ которомъ находились Вы, Ваше Императорское Величество!—Хотя бы Вы, по крайней мѣрѣ, приберегли эффектъ, производимый Вашимъ присутствіемъ для исключительныхъ случаевъ! Если бы Ваше Императорское Величество находились не въ арміи, а вблизи нея, показываясь войскамъ только послѣ сраженія, то появленіе Ваше, по всему вѣроятію, произвело бы трогательное и полезное впечатлѣніе, что Вы однажды съ удовольствіемъ замѣтили въ Ольмюцѣ. Армія пришла бы въ полный порядокъ и полную готовность къ бою. Но безполезно и безцѣльно пріучая солдатъ къ своему присутствію, Ваше Величество ослабили связанное съ нимъ очарованіе. Ваше присутствіе не повело къ побѣдѣ подъ Аустерлицемъ: именно здѣсь Вы потерпѣли полное и непосредственное пораженіе. Это отозвалось и на Вашемъ Величествѣ, и Вамъ пришлось съ поспѣшностью ретироваться, чѣмъ Вы ни-

когда не должны бы были рисковать. Вашъ отъѣздъ изъ Голицъ, Государь, бывшій только слѣдствіемъ Вашего прибытія, смѣю сказать, плохо разсчитаннаго на данныя обстоятельства, еще усилилъ царившее повсюду уныніе и разногласіе.

Настроеніе арміи въ данный моментъ было таково, что она не чувствовала потребности смыть обиду, а только желаніе поскорѣе удалиться и считать войну оконченной. Никто не смѣлъ выбывать изъ строя; но считая, что Вашъ отъѣздъ даетъ на это право, каждый офицеръ, имѣвшій право на отпускъ, торопился просить объ этомъ и уѣзжалъ какъ по сигналу. Нужно отдать справедливость генераламъ, что передъ послѣднимъ кризисамъ, чувствуя, насколько Ваша особа, Всемилостивѣйшій Государь, затрудняетъ и дѣлаетъ ихъ дѣйствія щекотливыми, они тоже, съ своей стороны, обратились къ Вамъ съ просьбами, не уставая настаивать, чтобы Ваше Величество удалились изъ арміи и чтобы не подвергали себя добровольно опасности.

Ваше Императорское Величество упорно не внимали этимъ представленіямъ, и Вамъ придется себѣ поставить въ упрекъ, что Вы повиновались лишь исключительно личнымъ побужденіямъ, не принимая въ разсчетъ того, чего, очевидно, требовало благо Россіи и всей Европы.

Я чувствую, что, затрогивая такіе серьезные и важные по результатамъ вопросы, я вдался невольно въ

длинноты, которыя, если Ваше Императорское Величество отнесетесь къ этому благосклонно, покажутся Вамъ, по меньшей мѣрѣ скучными, но благоволите, Государь, дочитать до конца и разрѣшите мнѣ на этотъ разъ имѣть дерзость использовать мое право и мой долгъ, которые меня обязываютъ, Государь, изложить Вамъ мои взгляды на этотъ предметъ съ совершенной правдивостью.

Каждый государь долженъ считать себя неразрывно связаннымъ съ страной, которой онъ управляетъ. Необходимая ему доблесть не есть доблесть отдѣльнаго лица; въ дѣлахъ онъ долженъ поступать какъ существо абстрактное и слитое воедино съ государствомъ. Ему лишь тогда разрѣшается мыслить о томъ, чего онъ можетъ требовать какъ отдѣльный индивидуумъ, когда онъ удовлетворитъ всему въ вышесказанномъ отношеніи; своими личными удобствами и даже самолюбіемъ онъ долженъ жертвовать благу государства. Слѣдовательно, желаніе руководиться только своими собственными идеями, рѣшать все самолично, чтобы доказать, что насъ никто не направляетъ и, что мы вмѣщаемъ въ себѣ всѣ нужныя способности къ всевозможнымъ дѣламъ, составляющимъ лишь эманацію государственной власти, не должно бы, по-моему, исключительно приниматься въ разсчетъ, потому что государство будетъ обязательно отъ этого страдать. Это желаніе насъ, кромѣ того, заманиваетъ въ ловушку, которой

мы хотимъ избѣжать, и часто, боясь, что нами будутъ распоряжаться, мы допускаемъ управлять собой. Государь—душа всего, главная причина, которая приводитъ въ движеніе отдѣльныя части, обезпечиваетъ ихъ будущее надлежащимъ выборомъ и даруетъ имъ свое довѣріе; онъ умѣетъ различать истинныя достоинства, разсѣять уныніе, поддержать рвеніе и преданность и наградить каждаго по заслугамъ.

Находясь въ центрѣ соединенія множества радіусовъ, онъ самъ и его помыслы принадлежатъ великимъ путямъ и описываютъ генеральныя окружности; если онъ выполнитъ эту задачу, въ которой для него не можетъ быть замѣстителей, то тутъ ему представится случай приложить свою энергію, и дѣла будетъ столько, что свободнаго времени уже не останется.

Способности и средства человѣка ограничены; одно и то же лицо не можетъ быть одновременно офицеромъ, полковникомъ, генераломъ, секретаремъ, министромъ и т. д. и государемъ. Въ жизни все зависитъ отъ умѣнія распорядиться своимъ временемъ и удачнаго выбора занятій. Если государь все хочетъ дѣлать самолично, проявить себя во всемъ, онъ навѣрное будетъ пренебрегать своей прямой обязанностью, самою главною и трудной и, такимъ образомъ, затормозитъ ходъ остальнаго дѣла; онъ будетъ заниматься второстепенными вопросами, которые могутъ быть разрѣшены дру-

гими естественно лучше его, и ансамбль и части ослабѣютъ и распадутся.

Если бы Ваше Величество пожелали послѣдовать совѣту, который Вамъ неустанно предлагали, а именно, сдѣлали бы самое главное изъ того, что Васъ тогда должно бы занимать, т. е. не ѣздили бы въ армію, а по прибытіи тамъ бы не оставались, а лучше потребовали бы свиданія съ королемъ Прусскимъ, чтобы заставить его быть рѣшительнѣе, то можно бы было сказать утвердительно, что Аустерлицкая битва не была бы проиграна, и даже, въ случаѣ пораженія, не повлекла бы за собой бывшихъ послѣдствій. Если бы генералъ Кутузовъ былъ предоставленъ самому себѣ, отъ воздержался бы отъ того, чтобы дать своему начальнику генеральнаго штаба Вейротеръ слишкомъ большія полномочія, и пожелалъ бы самъ командовать ввѣренной ему арміей. По своей способности предугадывать событія, онъ сталъ бы, разумѣется, выжидать удобнаго случая и избѣгать рѣшительнаго исхода, что въ данный моментъ и до времени начала кооперації Пруссіи было планомъ кампаніи, который слѣдовало принять въ соображеніе. Такого же мнѣнія придерживался и генералъ Кутузовъ. Для Бонапарта потеря времени имѣла большое значеніе, для насъ же было важно его выиграть. Онъ имѣлъ достаточно причинъ, чтобы отважиться на рѣшительное сраженіе, а намъ слѣдовало его избѣгать. Благоволите припомнить, Ваше

Императорское Величество, что я въ то время дѣлалъ Вамъ по этому поводу неоднократныя представленія, а также всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ ихъ принять во вниманіе. Слѣдовало ослабить непріятеля партизанскою войной, держать главную часть арміи внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, взять Венгрію и завязать сношенія съ эрцгерцогомъ.

Если битва, тѣмъ не менѣе, была бы признана неизбѣжной, то возможно ли предположить, чтобы генералъ Кутузовъ взялъ на себя отвѣтственность дать сраженіе и не собралъ бы предварительно русскихъ и австрійскихъ генераловъ, чтобы каждому намѣтить его образъ дѣйствій, посовѣтоваться, условиться обо всемъ, обсудить данный вопросъ, рекогносцировать мѣстность, однимъ словомъ, не принялъ бы въ подобномъ случаѣ необходимыхъ предосторожностей?

Наконецъ, если бы сраженіе было проиграно, кто взялъ бы на себя заключить окончательное перемиріе и предоставить Австрійскаго Императора самому себѣ? Ваши генералы, изъ боязни отвѣтственности, рискнули бы на невозможное, чтобы только выпутаться изъ бѣды и ослабить ея пагубныя послѣдствія въ глазахъ Вашего Величества.

Не находясь на театрѣ военныхъ дѣйствій, Вы могли принимать рѣшенія спокойно и не торопясь. Ссылаюсь на то, какимъ образомъ Ваше Императорское Величество изволили отдавать приказанія въ Голицѣ; развѣ

можно было взвѣшивать каждое слово посреди этой сумятицы, гдѣ Вы были окружены лицами, которыя кричали объ измѣнѣ австрійцевъ, о необходимости имъ отомстить и скорѣе отправиться въ Россію, объявляя во всеуслышаніе, что войско положительно больше не въ состояніи сражаться?

Тяжелое впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого періода времени, казалось, вселило въ меня представленіе о томъ, каково должно быть революціонное правленіе въ минуту опасности. Посреди этихъ треволненій и всевозможныхъ воплей, не было возможности замолвить слово въ пользу Австріи и въ интересахъ Европы.

Повторяли обыкновенно одни и тѣ же слова, что Ваше Величество достаточно сдѣлали для другихъ, что пора подумать о себѣ, какъ будто Ваши честь и безопасность, Всемилостивѣйшій Государь, не имѣли ничего общаго съ паденіемъ Австріи и Вашихъ другихъ союзниковъ. Ваше Императорское Величество признали за благо отвѣтить то же самое и мнѣ, когда я осмѣлился заикнуться въ пользу Неаполитанскаго Короля. Такъ какъ я горячо желалъ, скорѣе, не мѣшаться ни въ какое дѣло, касающееся Австріи, чѣмъ принудить себя еще разъ выдвинуться впередъ, зная къ тому же заранѣе, что мое посредничество не имѣло бы никакого значенія, то я рѣшился склонить Императора Франца къ непосредственному объясненію съ Вашимъ Велич-

ствомъ, надѣясь, что такимъ путемъ можно было скорѣе получить отъ Васъ благопріятный отвѣтъ.

Между тѣмъ, уѣзжая, Вы объявили этому государю, чтобы онъ болѣе не разсчитывалъ на Вашу армію. Этотъ отвѣтъ, который я узналъ послѣ отъѣзда Вашего Величества, не оставлялъ болѣе сомнѣній насчетъ Вашихъ чувствъ и возможнаго результата нашего предпріятія.

Подъ впечатлѣніемъ огромныхъ затрудненій, созданныхъ тѣмъ, что Вы бросили на произволъ судьбы взятую на себя защиту интересовъ, я распорядился написать въ Берлинъ въ совершенно другомъ смыслѣ, не испросивъ на это разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества. Эти письма, не заслужившія Вашего одобренія и по сіе время, не могли имѣть ни малѣйшаго результата при такомъ дворѣ, какъ Берлинскій. Чтобы помѣшать этому, въ сущности, достаточно было того способа объясненія Вашего Императорскаго Величества съ Прусскимъ министромъ, которому Вы здѣсь послѣ моего возвращенія признали необходимымъ сказать, что уполномочиваете его договориться съ Франціей.

Было очевидно, что всецѣло отказаться отъ своего участія значило предать въ руки Франціи сосѣднія государства, и со времени моего прибытія въ Петербургъ я старался внушить Вашему Величеству мысль приказать генераламъ нѣсколько умѣрить ихъ

ретроградные поступки, а также снабдить ихъ пригодными случаю инструкціями въ виду того направленія, котораго бы могли придерживаться Вѣнскій и Берлинскій дворъ, для того чтобы мы могли продолжить наше посредничество одному изъ нихъ, а другой, смотря по обстоятельствамъ, запугать, и, если возможно, сохранить себѣ право голоса въ переговорахъ. Я настаивалъ въ то же время на необходимости удержать все наше войско на Средиземномъ морѣ, употребивъ часть его на защиту Неаполитанскаго короля.

Я долженъ на минуту отвлечь вниманіе Вашего Величества нѣсколько назадъ и напомнить, что, хотя я и былъ убѣжденъ въ необходимости энергично способствовать войнѣ, во время пребыванія Вашего Величества въ арміи, я всегда все-таки придерживался того мнѣнія, Государь, что къ Бонапарту не слѣдовало относиться рѣзко, не ожесточать его, но, наоборотъ, соблюдать въ отношеніи его возможно больше такта, даже польстить ему, но отнюдь не прекращать съ нимъ переговоровъ. Достойно сожалѣнія, что, находясь въ положеніи, которое казалось самымъ удобнымъ, чтобы зондировать его мысли и проекты и проникнуть въ сущность тѣхъ предложеній, которыя могъ бы намъ сдѣлать этотъ необыкновенный человѣкъ, мы пропустили такой удобный случай и возвратились сюда, не пріобрѣтя на этотъ счетъ вѣрныхъ свѣдѣній, такъ что, въ протекшее за тѣмъ время и даже теперь, мы не въ со-

стояніи отвѣтить свѣжими точными фактами, а лишь только довольно правдоподобными догадками на вопросъ, который люди любятъ повторять съ любопытствомъ: развѣ нѣтъ средствъ придти къ соглашенію съ Бонапартомъ и заключить, если не выгодный, то, по крайней мѣрѣ, терпимый миръ?

Принявъ въ Голицѣ рѣшеніе покинуть на произволъ судьбы нашихъ терпѣливыхъ союзниковъ и желая быть послѣдовательнымъ, я находилъ бы нужнымъ возбудить въ Бонапартѣ извѣстную надежду на перемиріе, завязать нѣчто похожее на переговоры, къ которымъ, въ виду принятаго рѣшенія, нельзя было не вернуться позже, и которые въ данное время могли произвести большее впечатлѣніе и имѣть цѣлью отсрочить хотя потери нашихъ союзниковъ, предупреждая неблаговидные замыслы государствъ, стремившихся дѣйствовать заодно съ Франціей.

Мнѣ также слѣдуетъ кое-что сказать въ отвѣтъ на упрекъ, сдѣланный Вашему Совѣту, Государь, и Вашимъ агентамъ въ Вѣнѣ, что они не сумѣли Васъ вовремя предупредить, что австрійское правительство и его армія не были въ состояніи принять дѣйствительное участіе въ предполагаемомъ предпріятіи.

Я спрашиваю, что развѣ Австрійскій Императоръ не былъ въ правѣ упрекнуть графа Стадіона въ томъ, что тотъ не предупредилъ, что русская армія, вслѣдствіе только одной неудачи, могла оказаться неспособ-

ной сражаться въ теченіе цѣлой кампаніи и что единственное проигранное сраженіе ставило Россію внѣ предпріятія.

Иногда и въ голову не придетъ предвидѣть вещи, которыя являются продуктомъ стеченія такихъ неожиданныхъ обстоятельствъ, что ихъ невозможно подсчитать.

Хотя я бы хотѣлъ какъ можно скорѣе окончить это слишкомъ длинное письмо, но не могу не повторить вкратцѣ, что Ваше Императорское Величество, уполномочивъ своимъ довѣріемъ извѣстное число лицъ, чтобы выработать обширный планъ, перестали внимать ихъ совѣтамъ, лишь только началось его выполненіе. Ваше Величество никогда не довѣрялись вполнѣ, и вотъ, можетъ быть, отчего ничто никогда не выходило всецѣло по желанію, а когда событія по причинамъ, о которыхъ подробно сказано выше, становились все болѣе и болѣе критическими, мы лишились даже и этой доли довѣрія, которая была единственнымъ средствомъ, способнымъ вывести насъ изъ затруднительнаго положенія.

Найдутся люди, которые, можетъ быть, скажутъ, что лица, трудившіяся вначалѣ надъ составленіемъ плана, не сдѣлали при выполненіи его всего, что было въ ихъ силахъ, чтобы помѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ печальной развязкѣ; но, Государь, вина въ томъ не наша, и благоволите разрѣшить мнѣ изло-

жить все, что мнѣ пришлось испытать. Когда дѣла уже въ ходу, а съ людьми поступаютъ такъ, какъ мы это узнали по опыту, напослѣдокъ въ особенности, то теряешь рѣшительно ко всему охоту, едва имѣя мужество высказать какое-либо мнѣніе, и не только не хлопочешь, чтобы его приняли къ свѣдѣнію, но даже не надѣешься, что его поддержатъ и выполнятъ надлежащимъ образомъ.

Государю также необходимо внушать всѣмъ добѣріе. Осмѣливаюсь сказать, что Вашему Величеству слѣдовало воодушевлять, соединять, искать совѣтовъ, оспаривая ихъ съ интересомъ и умомъ. Фактъ тотъ, что Вы не желали ничьихъ совѣтовъ, такъ какъ не придавали имъ ни цѣны, ни довѣрія.

Я, все-таки, осмѣлюсь утверждать съ увѣренностью, что если бы Вы продолжали поступать, Всемилостивѣйшій Государь, по прежнему, дѣла, по всему вѣроятію, не приняли бы такой дурной оборотъ.

Мундиръ не создаетъ солдата, и не нося его можно высказать полезныя сужденія относительно военныхъ операцій, если бы Ваше Величество соизволили насъ допустить на совѣщанія по этому предмету, и на самомъ дѣлѣ это были лица, трудившіяся надъ планомъ и принимавшія больше всѣхъ участіе въ началѣ его выполненія, которыя были болѣе другихъ заинтересованы въ его успѣхѣ и, можетъ быть, самыя способныя къ тому, чтобы помочь Вашему Император-

скому Величеству удачно и съ честью выйти изъ предпріятія.

Если я преступилъ въ этомъ слишкомъ длинномъ письмѣ законныя границы откровенности, если Ваше Величество удивлены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поучительнымъ тономъ, который Вы можете признать неумѣстнымъ, то я прошу Васъ обратить вниманіе на то, что, быть можетъ, готовясь удалиться, я считалъ своимъ долгомъ говорить отъ души, рискуя даже прогнѣвить Васъ, и высказать Вамъ, можетъ быть, непріятную, но безусловно полезную правду.

Какіе плоды могла бы принести опытность, если бы она не стремилась обсуждать протекшія событія съ самой строгой правдивостью и выносить изъ нихъ уроки для настоящаго и будущаго?

V.

Императоръ Князю Адаму Чарторижскому *).

1806 г.

Я получилъ бумагу, съ которой Вы нашли нужнымъ ко мнѣ отнестись. Вы желаете спора, я на это согласенъ, но не могу не сказать Вамъ, что, по-моему мнѣнію, онъ ни къ чему не послужитъ, такъ какъ основанія, на которыя мы опираемся, діаметрально противоположны. Послѣ перечисленія фактовъ, устанавливающихъ критическое состояніе Россіи и бѣдствій, которыхъ ей слѣдуетъ опасаться, единственно возможныя спасительныя средства сводятся приблизительно къ двумъ:

1° Объявить меня королемъ Польскимъ.

2° Смѣнить лицъ, находящихся во главѣ вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ.

Было бы слишкомъ долго вступать въ пренія по поводу перваго пункта, но я готовъ высказать свой взглядъ на вещи и выяснить руководящія мной при-

*) Написанное карандашемъ.

чины; что касается второго пункта, то я объявляю, что доволенъ оказываемыми мнѣ услугами двухъ министровъ, на которыхъ возложено управленіе вышеупомянутыми вѣдомствами. Сказать болѣе, я не вижу никого, кто могъ бы ихъ замѣнить. Каковъ же тотъ совершенный министръ, за котораго большинство голосовъ? Не генералъ ли Сухтеленъ? Я заявляю громко, что не считаю его имѣющимъ надлежащія достоинства для военнаго министра, и при выборѣ изъ двухъ, не колеблясь ни одной минуты, отдаю предпочтеніе генералу Вязмитинову. Изъ другихъ, я даже не вижу, кого было бы возможно предложить. Точно также я не вижу никого подходящаго для министерства иностранныхъ дѣлъ. Не Панинныхъ же и не Марковыхъ? Надо, чтобы я уважалъ тѣхъ, съ кѣмъ работаю, и только при этомъ условіи я могу имъ оказывать довѣріе. Ропотъ меня не смущаетъ, это обыкновенно продуктъ партійныхъ умовъ. Не служите ли Вы сами примѣромъ, не подвергались ли Вы также критикѣ и всеобщей враждѣ? Мнѣ остается сдѣлать только еще замѣчаніе, которое я не могу пройти молчаніемъ, т. е., что для комитета было бы лучше, если бы онъ не пользовался рукой иностранца для переписки на-бѣло бумаги въ родѣ той, на которую я отвѣчаю *). Чтобы со-

*) Комитетъ, на который намекаетъ Императоръ, существовалъ на самомъ дѣлѣ. Онъ вовсе не былъ офиціальнымъ учрежденіемъ; это было собраніе, совершенно частное, скорѣе тайное, состоящее

браться, надо было бы предварительно придти къ извѣстному соглашенію: а именно, что несмотря ни на какіе споры, наши индивидуальныя и взаимныя отношенія должны остаться неприкосновенными, и что мы должны брать примѣръ съ членовъ Англійскаго Парламента, которые, наговоривъ другъ другу рѣзкостей во время засѣданія подъ вліяніемъ вспыльчивости, преслѣдуя лишь благую цѣль, расходятся по домамъ лучшими друзьями въ мірѣ. Весь Вашъ сердцемъ и душою

Александръ.

изъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ особому обществу Александра. Онъ существовалъ еще въ то время, когда Александръ былъ только Великимъ Княземъ, и процвѣталъ еще болѣе послѣ восшествія его на престолъ, такъ какъ Великій Князь любилъ секретныя собранія. Въ первые годы его царствованія часто упоминается о собраніи молодыхъ людей, которое, дѣйствительно, играло роль. Въ этомъ комитетѣ участвовали: Графъ Павелъ Строгановъ, М. Новосильцевъ, графъ Кочубей, въ особенности, князь Адамъ, долго состоявшій самымъ близкимъ наперсникомъ Александра.

VI.

Императоръ Князю Адаму Чарторижскому.

1806.

Я былъ далекъ отъ мысли причинить Вамъ безпокойство. Разсуждая о серьезныхъ дѣлахъ, я долженъ былъ дѣйствовать по убѣжденію, и именно въ этомъ смыслѣ я и высказался. Въ концѣ записки Вы предлагаете мнѣ представить подробный и генеральный планъ тѣхъ мѣропріятій, которыя придется примѣнить вслѣдъ за предложенными Вами мѣрами. Если хотите, мы можемъ собраться (подразумѣвается маленькій Комитетъ) завтра, послѣ обѣда, въ 6 часовъ, и мы вмѣстѣ составимъ планъ, который затѣмъ и обсудимъ.

Весь Вашъ сердцемъ и душою

Александръ.

VII.

Императоръ Князю Адаму Чарторижскому

1806.

Вотъ бумаги, дорогой другъ, которыя Вы мнѣ прислали. Депеша Воронцова меня сильно раздосадовала. Стоитъ ли для одного человѣка откладывать „интересы человѣчества“? Итакъ, пусть остается. Развѣ Новосильцевъ не могъ бы исправлять его должность? Слѣдуетъ, чтобы Воронцовъ или выполнилъ отданныя ему точныя повелѣнія, или оставилъ свое мѣсто.

Нота и открытая депеша одобрены, а также депеша, относящаяся къ Кобенцелю. Къ той, которая должна служить объясненіемъ, мнѣ придется сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Вы меня, прежде всего, избаловали своимъ слогомъ, а слогъ М. Фат..... особенно теряетъ при сравненіи. Потомъ мнѣ кажется, что при первой NB, можно бы было прибавить, вслѣдствіе необходимаго условія, что мы могли бы согласиться на эвакуацію Корфу, по взаимному соглашенію, оставивъ тамъ только

отрядъ подъ командой Назимова. Вторая NB относится только къ личности графа Штакельберга. Достаточно ли мы его знаемъ, чтобы уполномочить его вести такіе важные переговоры, и не слѣдовало бы лучше послать кого-нибудь понадежнѣе, въ родѣ Будберга? Я не могу одобрить редакцію третьей NB, она мнѣ кажется неточной. Развѣ можно находить непріятнымъ то, что составляетъ объектъ нашихъ желаній и не равносильно ли это сказаному въ другихъ выраженіяхъ: „Старайтесь погубить дѣло такъ, чтобы вашей вины тутъ не чувствовалось“? Вотъ что, дорогой мой, я бы хотѣлъ замѣтить по поводу этой депеши, которая, впрочемъ, мнѣ кажется недурной. Вашъ навсегда.

Я запечатываю мой конвертъ печатью графа Толстого, такъ какъ не имѣю при себѣ своихъ.

Александръ.

БЕСѢДЫ.

12 ноября 1809.—26 декабря 1809.—5 апрѣля 1810.

I.

12 ноября 1809 *).

Императоръ принялъ меня сегодня и слегка извинился, что откладывалъ наше свиданіе со дня на день и не вызвалъ меня къ себѣ, какъ я его объ этомъ просилъ.

Я началъ разговоръ просьбой о прощеніи, что обстоятельства меня всегда вынуждали быть назойливымъ и говорить ему о лицахъ, которыя страдали или были вправѣ жаловаться, что было не совсѣмъ пріятной темой для бесѣды. Его Величество спросилъ меня, въ чемъ дѣло. Я заговорилъ тогда о секвестрованныхъ имѣніяхъ у поляковъ, вступившихъ на службу въ Варшавскомъ герцогствѣ. Императоръ тотчасъ же меня

---

*) Слѣдуетъ припомнить обстоятельства, которыя находятся въ связи съ нижеслѣдующими разговорами. Князь Адамъ Чарторижскій покинулъ министерство съ 1806 года. Въ 1807 году Варшавское герцогство было создано Наполеономъ послѣ войны съ Пруссіей, и это учрежденіе побудило князя Адама все болѣе и болѣе отдаляться отъ службы въ Россіи. Съ того времени, онъ удержалъ

перебилъ, говоря, что обстоятельства принудили его принять подобныя мѣры, что онъ только рѣшился на нихъ вслѣдствіе единогласнаго мнѣнія министровъ и что къ тому же само поведеніе поляковъ заставило его прибѣгнуть къ строгости; что онъ только-что получилъ извѣстія отъ своего посланника въ Парижѣ, который его извѣщалъ, что находящіеся тамъ поляки, состоя русскими подданными, занимались агитаціей и говорили самыя необыкновенныя рѣчи, способныя привлечь на нихъ строгость правительства.

Я отвѣтилъ, что въ данный моментъ я не имѣлъ намѣренія говорить объ этомъ вопросѣ съ точки зрѣнія того, что русское правительство считало нужнымъ дѣлать въ будущемъ; но я нашелъ возможнымъ замѣтить Его Величеству, что недавно изданный указъ не соотвѣтствовалъ строгимъ законамъ справедливости; что, прежде всего, существовалъ смѣшанный классъ общества и что между тѣми, которые, вступивъ на иностранную службу, подверглись конфискаціи имущества, могли найтись и принадлежащіе къ этому классу и что, слѣдо-

---

за собою только должность, если можно такъ выразиться, исключительно польскую, а именно пость Куратора Виленскаго университета, который ему довѣрилъ Императоръ Александръ одновременно съ назначеніемъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1809 году была война Франціи съ Австріей, результатомъ которой было увеличеніе Варшавскаго герцогства нѣсколькими провинціями Галиціи и немного времени спустя былъ подписанъ миръ въ Вѣнѣ.

вательно, нельзя было обвинять тѣхъ, которые, поселившись въ Галиціи или Польшѣ, вступили тамъ на дружбу; что указъ, въ такомъ случаѣ, имѣлъ бы обратно дѣйствующее значеніе, такъ какъ наказывались бы люди, не предупрежденные, что имъ не слѣдовало дѣлать того, что они уже сдѣлали. Прежде чѣмъ наказывать, надо предупредить и установить извѣстный срокъ для улаживанія затрудненій, созданныхъ правительствомъ. Его Величество отвѣтилъ мнѣ, что у него, дѣйствительно, было намѣреніе назначить отсрочку всѣмъ, вступившимъ на службу до изданія указа.—Я твердо стоялъ на своемъ, стараясь выяснить Императору, что было крайняго и безполезнаго въ подобныхъ мѣрахъ, которыя были въ сущности лишь безцѣльными притѣсненіями. Я сказалъ, что однимъ изъ дарованныхъ правъ всему благородному классу, подчиненному Россійской Имперіи, была возможность вступать на иностранную службу и владѣть свободными отъ конфискаціи имѣніями, потому что, если ихъ кто, по несчастью, лично потеряетъ, то они переходятъ къ его наслѣдникамъ, и я предложилъ вопросъ, почему же только одни поляки могли быть исключеніемъ. — Императоръ ограничился отвѣтомъ, что бываютъ обстоятельства, когда безопасность государства требуетъ исключеній, и что кромѣ того поведеніе поляковъ само вызвало вышеупомянутую мѣру, а онъ, лично, лишь сообразовался съ единогласнымъ мнѣніемъ министровъ.—Я возразилъ,

что нисколько не удивляюсь равнодушію министровъ къ страданіямъ столькихъ семей, но что я лелѣялъ надежду, что Императоръ будетъ совсѣмъ другого мнѣнія и прикажетъ прекратить притѣсненія; что я въ сущности не зналъ, въ чемъ было можно упрекнуть поляковъ, которые поголовно хотѣли ему принадлежать и постоянно получали лишь отказъ на свои просьбы.

Разговоръ нашъ на минуту принялъ другой оборотъ, и я старался навести его на М. Новосильцева и на извѣстный доносъ, недавно сдѣланный на насъ обоихъ. Какъ только Императоръ догадался, къ чему я веду рѣчь, онъ меня тотчасъ же прервалъ, говоря, что это дѣло уже кончено, и что я былъ тутъ замѣшанъ косвенно, играя только пассивную роль, между тѣмъ какъ Новосильцевъ держалъ самыя странныя рѣчи въ такомъ публичномъ мѣстѣ, какъ гостиница. Дѣло шло объ обѣдѣ, во время котораго говорились рѣчи, приписанныя Новосильцеву, по поводу письма, посланнаго недавно Его Величеству Наполеономъ. Императоръ былъ сильно раздраженъ. Я защищалъ изо всѣхъ силъ М. Новосильцева, но все было тщетно...

Такъ какъ Императоръ, казалось, не понималъ хорошенько, что я ему говорилъ по поводу разногласія въ сужденіяхъ между М. Новосильцевымъ и мною относительно письма Наполеона, то я объяснилъ ему, что Новоселъцевъ смотрѣлъ на письмо съ точки зрѣнія

русскаго, находя его способнымъ разсѣять всякую тревогу и въ данный моментъ удовлетворяющимъ, между тѣмъ какъ я вслѣдствіе различныхъ причинъ и, какъ полякъ, прочелъ его съ огорченіемъ. Въ отвѣтъ на это, Императоръ спросилъ, зналъ ли я содержаніе депеши М. де Шампаньи, прибавивъ, что она была болѣе рѣзко написана, чѣмъ письмо.—Я отвѣтилъ, что хотя я ее и не читалъ, но за то объ ней много слышалъ и крайне огорчился, узнавъ, что Императоръ сталъ теперь первымъ врагомъ и главнымъ гонителемъ націи и имени польскихъ; и что единственно ему въ угоду Польша покинута и обманута въ своихъ ожиданіяхъ и, что онъ простеръ свою вражду до того, что желалъ бы вычеркнуть самое имя Польши со страницъ исторіи. Императоръ сначала защищался противъ подобнаго обвиненія; онъ мнѣ сказалъ, что винить было надо не его, что его личныя чувства, извѣстныя мнѣ давно, не измѣнились, что его вынуждаютъ къ тому обязанности его положенія, и что всякій государь Россійской Имперіи поступилъ бы точно также.—Я возразилъ, что съ этой точки зрѣнія, я не могъ бы раздѣлить двухъ свойствъ, соединенныхъ въ особѣ Императора; что онъ признавалъ самолично, что возстановленіе Польши могло совершиться не только безъ ущерба интересамъ Россіи, но, напротивъ, съ большой выгодой, чрезъ слія-ніе двухъ коронъ на главѣ Его Величества.—Императоръ отвѣтилъ мнѣ, что это все могло бы быть, но

что теперь это вещь неудобоисполнимая, такъ какъ для этого слѣдовало бы итти по другому пути.—Я тотчасъ же отвѣтилъ, что мнѣ эта философія непонятна, что, когда разсуждаютъ о какомъ-либо самомъ по себѣ полезномъ предпріятіи, то не увлекаются мыслью, чтобы ей слѣдовать сначала, а чрезъ минуту ее отбросить, но подготовляютъ почву и стараются изъ всѣхъ силъ примѣниться къ теченію событій; что я болѣе не допытываюсь, имѣлись ли на лицо благопріятныя обстоятельства; что разъ они пропущены, то теперь слѣдовало выжидать еще лучше, болѣе заниматься подготовкой къ будущему и вести себя такъ, чтобы ничего не испортить; а главное, не сдирать кожу съ народа, и не раздражать его суровыми мѣрами. Императоръ отвѣтилъ мнѣ, опустивъ глаза и не докончивъ фразы: „Если бы, хотя, можно было надѣяться на какое-либо раскаяніе со стороны поляковъ и быть увѣреннымъ, что ихъ поведеніе измѣнится!..“

Я отвѣтилъ, что не вижу, что было сдѣлано для пріобрѣтенія любви поляковъ, и что я ссылаюсь на самого Императора, дабы онъ соизволилъ по справедливости сказать, какъ много пришлось этому краю пострадать. Есть ли что-либо болѣе возмутительное, чѣмъ поведеніе трехъ государствъ относительно Польши. И можно ли удивляться тому, что мысль, видѣть свою отчизну возстановленной, воспламеняетъ и соединяетъ поляковъ. Теперь льстятъ себя надеждой, говорилъ

я, что миръ ослабитъ этотъ энтузіазмъ. Что касается меня, то я иначе объ этомъ думаю, и побѣдоносный видъ, съ которымъ здѣсь всенародно объявляли о потерѣ для поляковъ всякой надежды, мнѣ кажется, могъ скорѣе послужить Наполеону на пользу, чѣмъ нанести ему ущербъ, такъ какъ это кидало неблаговидную тѣнь на поведеніе Императора. Никто теперь не станетъ сомнѣваться, чтобы это не было по настояніямъ Его Величества и что Наполеонъ уступилъ въ вопросѣ составлявшемъ предметъ его заботъ, отъ котораго онъ иначе никоимъ образомъ бы не отрекся, чтобы не воевать только съ Россіей, и что подобный взглядъ на вещи лишь ожесточитъ сердца поляковъ. Строгія преслѣдованія довершатъ остальное, раздраживъ ихъ еще болѣе тѣмъ, что все дурное въ обращеніи съ ними исходитъ отъ имени государя, которому они были готовы подчиняться. Наполеонъ, съ своей стороны, не останется ни минуты въ бездѣйствіи. Между тѣмъ какъ здѣсь только и говорятъ, что о преслѣдованіи, онъ постарается всякаго рода льстивыми обѣщаніями изгладить остатокъ досады, которую было бы возможно къ нему питать, хотя на самое короткое время.

— Не нужно воображать, что его манера говорить вездѣ одинакова; Императору лучше другихъ извѣстно, что Наполеонъ, какъ никто, ловко умѣетъ держать самыя различныя рѣчи. Теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, могутъ потребовать, чтобы онъ послалъ польскую

армію въ Испанію. Если онъ заставитъ поляковъ двинуться, онъ сумѣетъ имъ сказать, что это послѣдняя услуга, которой онъ проситъ, что это для нихъ случай довершить свое обученіе ратному дѣлу, что послѣ этого уже ничто не помѣшаетъ выполненію ихъ желаній, что только единственно необходимость довела его до этого и что Россійская Имперія, этотъ вѣчный врагъ—всему причиной. Подобными рѣчами онъ уничтожитъ дурное впечатлѣніе отъ своего образа дѣйствій и его словамъ повѣрятъ, такъ какъ они будутъ манить народъ надеждой, и потому еще, что другая сторона направляетъ всѣ свои дѣйствія къ тому, чтобы укрѣпить, но не поколебать это впечатлѣніе.

Въ отвѣтъ Императоръ обратилъ мое вниманіе на высказанныя имъ мнѣ мнѣнія относительно поведенія трехъ государствъ съ Польшей; онъ сказалъ, что на его взглядъ съ этого именно времени начались тѣ бѣдствія, которымъ теперь подверглась Европа, но считаетъ это тѣмъ болѣе непоправимымъ, что онъ не видитъ рѣшительно никакого средства для выполненія проекта, занимавшаго его въ давно прошедшее время по поводу Польши, но допускаетъ лишь возможность отдѣльной организаціи для провинцій, находящихся нынѣ подъ его властью, но что даже и объ этомъ слѣдовало еще хорошенько поговорить и что этотъ проектъ встрѣтилъ бы сильную оппозицію.—Я отвѣтилъ Императору, что отлично помню высказанныя

имъ чувства относительно Польши, что либерализмъ его взглядовъ и былъ главной причиной дружбы, которой онъ меня удостоилъ, и что касается вышеупомянутыхъ затрудненій, то я даже не въ состояніи о нихъ судить и не имѣю понятія, былъ ли когда поднятъ вопросъ объ этомъ проектѣ между нимъ и Наполеономъ. Возможность оппозиціи со стороны Наполеона, сказалъ я, единственная, по-моему, помѣха, и вслѣдствіе того мнѣ очень бы хотѣлось узнать, не затрагивалъ ли Императоръ этой темы въ своихъ многочисленныхъ разговорахъ съ этимъ государемъ. Что только изъ отвѣта Наполеона было бы можно вывести заключеніе о его взглядахъ. Императоръ отвѣтилъ мнѣ въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что рѣчь объ этомъ шла недавно во-время войны съ Австріей; но, тотчасъ перебивъ себя, прибавилъ, что Наполеонъ никогда бы на подобную вещь не согласился, потому что его единственной мечтой было желаніе подчинить поляковъ своему вліянію, властвовать надъ ними и заставить ихъ служить его планамъ.

Что касается до того, чтобы даровать провинціямъ, въ дѣйствительности принадлежащимъ Россіи, особыя положенія и государственное устройство, прибавилъ я, то я, право, не знаю, что объ этомъ сказать; это дѣло само по себѣ безусловно хорошее, но совершенно ясно, что здѣсь оно встрѣтитъ противодѣйствіе еще сильнѣйшее, чѣмъ присоединеніе Польши цѣликомъ. Что ка-

сается меня, то, что бы ни говорили, каково бы ни было, повидимому, настоящее положеніе вещей, я упорно стою на своемъ. Я полагаю самъ, и придетъ день, когда Его Величество объ этомъ вспомнитъ, что придется прибѣгнуть къ этому средству, такъ какъ въ немъ заключается безопасность Россіи, но я сильно страшусь, что время уже будетъ пропущено, когда въ этомъ убѣдятся. Императоръ ограничился отвѣтомъ, что въ случаѣ войны съ Франціей было бы своевременно объявить ему себя королемъ Польскимъ, чтобы привлечь умы къ своимъ интересамъ.—Я отвѣтилъ, что не было бы тогда слишкомъ поздно, и, замѣтивъ, что разговоръ и такъ очень затянулся, я не захотѣлъ его болѣе продолжать.

II.

26 декабря 1809 г.

Я написалъ Императору, чтобы испросить у него нѣсколько минутъ разговора, предупредивъ его, что я желалъ бы поговорить съ нимъ о продленіи моего полугодового отпуска, которому истекалъ срокъ. Нѣсколько дней спустя послѣ обѣда у матери, Императоръ подошелъ ко мнѣ и велѣлъ зайти къ нему на другой день, такъ какъ и ему было надо мнѣ кое-что сказать. Я заключилъ изъ этого, что будетъ поднятъ вопросъ о нововведеніяхъ, предположенныхъ въ организаціи Совѣта, о чемъ теперь толковали дворъ и весь городъ. Ничего не вѣдая о проектахъ Императора и о томъ, что онъ бы могъ мнѣ предложить, я не былъ въ состояніи отдѣлаться отъ легкаго безпокойства, такъ какъ мало удовольствія выслушивать предложенія государя, когда имѣешь всякаго рода причины, чтобы ихъ отъ себя отклонить.

На другой день я отправился во дворецъ и, послѣ довольно долгаго ожиданія, былъ введенъ къ Его Вели-

честву. Императоръ прежде всего спросилъ меня, что мнѣ угодно. Я началъ говорить о разныхъ дѣлахъ, потомъ приступилъ къ изложенію просьбы о разрѣшеніи мнѣ продлить мой полугодовой отпускъ.—Императоръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ полагалъ, что я намѣревался задержаться въ Петербургѣ долѣе, и на этомъ основаніи думалъ, что мнѣ приличествовало бы заняться какой-либо дѣятельностью. Начавъ съ этого, Императоръ сказалъ мнѣ, что Совѣтъ будетъ скоро преобразованъ, будетъ имѣть бо́льшія преимущества и приметъ такое устройство, въ основу котораго легло бы все существовавшее въ другихъ болѣе благоустроенныхъ странахъ, какъ Франція, Англія; что онъ раздѣлитъ Совѣтъ на четыре вѣдомства—военное, внутреннихъ дѣлъ, финансовое и судебное, и что въ послѣднемъ онъ мнѣ назначилъ мѣсто, и кромѣ того тамъ будетъ еще Верховный Совѣтъ, гдѣ будутъ разсматривать еще разъ дѣла, послѣ обсужденія ихъ въ вѣдомствахъ; но что именно здѣсь-то онъ и нуждается въ работникахъ.—Я отвѣтилъ Его Величеству, что крайне горжусь оказываемымъ мнѣ довѣріемъ, но что ему извѣстны причины, которыя меня заставляютъ ходатайствовать объ отпускѣ; преклонныя лѣта моихъ родителей, съ которыми я былъ долго разлученъ, забота о своемъ здоровьѣ, для котораго не годился петербургскій климатъ и привычки, и вкусы, усвоенные мною во время продолжительнаго удаленія отъ

дѣлъ.—Императоръ сказалъ, что ему не приходило въ голову меня стѣснять и нарушать мои разсчеты, прибавивъ, что онъ былъ почти подготовленъ къ моему отъѣзду, но полагалъ, что я его отложу до лучшаго времени года.—Я возразилъ, что, въ ожиданіи весны, я намѣревался провести нѣкоторое время въ Вильнѣ, гдѣ мое присутствіе было необходимо для устройства университетскихъ дѣлъ. Императоръ сказалъ мнѣ, что до тѣхъ поръ будетъ введено новое государственное устройство, и что я самъ увижу, что мнѣ надлежало бы дѣлать; и такъ какъ я высказалъ опасеніе, что не показался бы мой отъѣздъ при такихъ обстоятельствахъ неудобнымъ, Императоръ меня успокоилъ, увѣривъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, что я могу, во всякое время, воспользоваться отпускомъ.

Его Величество мнѣ заявилъ тогда, что всѣ строгія мѣры, принятыя относительно поляковъ, будутъ отмѣнены, что это дѣло рѣшенное, хотя объ этомъ объявятъ только черезъ нѣсколько недѣль, что причина, вызывавшія эти мѣры, устранена, и что теперь онъ можетъ быть покоенъ.—Я поблагодарилъ Его Величество и спросилъ, на основаніи какихъ данныхъ онъ спокоенъ по поводу польскихъ дѣлъ; послужилъ ли тому единственнымъ мотивомъ отрывокъ изъ разговора М. де Монталиве, или существовала какая-нибудь другая причина, какъ, напр., обязательство не помышлять болѣе

о возстановленіи Польши *). Благодаря разговору съ канцлеромъ, я зналъ, на самомъ дѣлѣ, что объ этомъ поднимался вопросъ между двумя кабинетами, и позволилъ себѣ замѣтить Императору, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ дать подобное обязательство и этимъ свяжетъ себѣ руки.—Императоръ уклонился отъ отвѣта и сказалъ просто, что объ этомъ не было рѣчи. Императоръ, казалось, боялся, что я проникну въ его истинныя намѣренія, вѣроятно думая, что это ему могло бы нанести вредъ, или не довѣряя мнѣ въ такомъ пунктѣ, когда онъ зналъ, что мои интересы не сходятся съ его.

Нами овладѣло необычное смущеніе; разговоръ вернулся ненадолго къ проекту организаціи Совѣта, къ предстоящимъ выборамъ, и какъ въ этомъ, такъ

---

*) Отрывокъ изъ разговора М. де Монталиве, на который здѣсь сдѣланъ намёкъ, есть выдержка изъ „Отчета о положеніи Имперіи“, представленнаго законодательному Корпусу 1-го декабря 1809 года; содержаніе его таково: „... Варшавское герцогство увеличилось частью Галиціи. Для Императора было бы легко присоединить къ этому государству всю Галицію; но онъ не хотѣлъ ничего дѣлать такого, что могло бы вселить безпокойство въ его союзника, Русскаго Императора. Галиція по прежнему раздѣлу почти цѣликомъ осталась подъ властью Австріи. Что Императоръ сдѣлалъ для новой Галиціи, было ему внушено скорѣе честью, чѣмъ политикой; онъ не могъ предать мести неумолимаго государя народъ, который выказалъ столько горячности къ интересамъ Франціи“.

и въ другихъ случаяхъ, я замѣтилъ, какъ Императоръ допускалъ себя обманывать во всѣхъ представляемыхъ ему докладахъ и, наконецъ, онъ имѣлъ неправильное понятіе о лицахъ, которыхъ назначалъ на мѣста.—Было также легко замѣтить, что Его Величество дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ и имѣлъ потребность въ популярности, пробужденной въ немъ недавнимъ путешествіемъ въ Москву.

Императоръ мнѣ сказалъ, смѣясь, что многіе, не отдавая себѣ отчета въ значеніи терминовъ, воображали, что будущая организація Совѣта будетъ учрежденіемъ народнаго представительства, какъ-будто бы могло существовать народное представительство, не выбранное страной и зависимое отъ царской власти.—Мое самое горячее желаніе, продолжалъ Его Величество, это стараться соблюдать миръ во внѣшней политикѣ и исключительно заняться внутренней: то, что собираются сдѣлать для Совѣта, служитъ первымъ шагомъ къ болѣе существеннымъ перемѣнамъ, на которыя мои взгляды ничуть не измѣнились.—Я выразилъ опасеніе относительно затрудненій при выполненіи, но Его Величество отвѣтилъ, что время и настойчивость сильно подвинутъ дѣло впередъ.—Не знаю, не имѣлъ ли Императоръ, можетъ быть, мысли привлечь меня этими словами и убѣдить согласиться на его предложенія съ удовольствіемъ, показавъ, что онъ держится прежнихъ взглядовъ, о которыхъ мы съ нимъ

такъ часто говорили; такъ какъ съ Императоромъ частенько случалось, что онъ не имѣлъ въ разговорахъ другихъ намѣреній, какъ только угостить каждаго, такъ сказать, тѣмъ, что ему могло бы понравиться; разговоръ затѣмъ самъ собой перешелъ на польскія дѣла; Императоръ сталъ меня разспрашивать.

— Событія, сказалъ я Его Императорскому Величеству, отнесли умы на пятнадцать лѣтъ назадъ; было время, когда обстоятельства нѣсколько затянули раны отъ нанесенныхъ полякамъ ударовъ и сгладили впечатлѣніе. Надежда на возстановленіе отечества показалась имъ на минуту менѣе достижимой, ихъ настоящее положеніе выяснилось, но теперь вышло такъ, какъ-будто наполовину зарубцевавшаяся рана случайно открылась. Полагаютъ, что надежды ослабли вслѣдствіе послѣдняго мира съ Австріей, послѣ поведенія французовъ и нѣкоторыхъ писемъ и депешъ Наполеона, сдѣлавшихся достояніемъ публики. Если бы это было правдой, то на это можно бы возразить многое, и нравственное состояніе мало бы разнилось съ бывшимъ пятнадцать лѣтъ назадъ. Кромѣ того существуетъ Варшавское герцогство, значительно увеличившееся послѣ послѣдней войны, которое способствуетъ поддержкѣ патріотическихъ чувствъ. Точно призракъ прежней Польши, обаятельно дѣйствующій на тѣхъ, которые считаютъ этотъ погубленный край своей настоящей родиной. Это подобно тому, какъ если бы

послѣ потери дорогой особы ея тѣнь явилась намъ, увѣряя, что она сама къ намъ лично скоро возвратится.

„Ваше Величество, продолжалъ я, не должны удивляться чувству, съ которымъ Вы столкнулись у всѣхъ поляковъ. Я говорю съ Вами не какъ съ монархомъ, я прошу Васъ этотъ санъ оставить въ сторонѣ, пребывая лишь тѣмъ, къ кому я еще съ самаго начала почувствовалъ привязанность. Ваше Величество, навѣрное, припомните мои чувства, когда я сюда пріѣхалъ; Вы соизволили ихъ тогда милостиво одобрить и можете судить, что я съ тѣхъ поръ не измѣнился. Вернувшись изъ Италіи, я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія вступить на службу; Ваше Величество объ этомъ можете вспомнить. Когда Вы пожелали меня назначить, я долго отказывался, основываясь, главнымъ образомъ на томъ, что, въ качествѣ поляка, мое положеніе могло сдѣлаться слишкомъ тяжелымъ и щекотливымъ. Я предчувствовалъ, что могутъ возникнуть такія обстоятельства, когда интересы моей родины могли оказаться противоположными интересамъ службы. Ваше Величество мнѣ отвѣтили, что въ данный моментъ ничего подобнаго не предвидится, но если бы даже это и случилось, то было бы можно это предугадать раньше, и что тогда я могъ бы поступить по своему усмотрѣнію. Я не скрываю теперь отъ Вашего Величества, что впечатлѣніе, произведенное повсемѣстно на моихъ соотечественниковъ обстоятельствами и существованіемъ

Варшавскаго герцогства, не преминуло оказать извѣстное вліяніе и на меня. Я не могу не принять самаго горячаго участія въ моей родинѣ.

„На мой взглядъ, сказалъ я, человѣкъ, совершенно не привязанный къ своему отечеству, достоинъ презрѣнія. Отречься отъ религіи, родныхъ или родины одинаково гнусно въ моихъ глазахъ. Эти понятія мнѣ свойственны, воспитаніе ихъ укрѣпило, и я пребуду въ нихъ неизмѣненъ. Сказать болѣе, въ этомъ новомъ краѣ находятся мои сестры, братъ, вся моя семья, и я сознаюсь Вашему Величеству, что это служитъ одной изъ причинъ, по которой я не желаю здѣсь мѣшаться въ какое-либо дѣло; мнѣ недостаточно быть честнымъ, справедливымъ и искреннимъ въ своихъ поступкахъ, я хочу того же въ своихъ чувствахъ и мысляхъ. Я счастливъ поэтому, что смогъ говорить съ Императоромъ совершенно свободно и безъ обиняковъ. Моя главная цѣль сохранить къ себѣ уваженіе; а еще сохранить уваженіе тѣхъ, кого я привыкъ любить и почитать. Соглашаюсь охотно, если дѣло когда-либо дойдетъ до этого, чтобы Ваше Величество приказали конфисковать мои имѣнія, а меня разстрѣлять; мнѣ это будетъ безразлично, принимая во вниманіе, что отдавая подобный приказъ, Ваше Величество по справедливости признаетъ, что я былъ все-таки порядочнымъ человѣкомъ, который его никогда не обманулъ, говоря лишь только правду“.

Императоръ казался удовлетвореннымъ и сказалъ, что онъ во мнѣ не сомнѣвался никогда и отдавалъ мнѣ всегда справедливость, что сегодня онъ сумѣлъ оцѣнить мои слова, и что мой способъ объясненія съ нимъ мнѣ дѣлалъ честь. Императоръ углубился на минуту въ размышленія; но, какъ бы внезапно пробудившись, произнесъ слѣдующія слова: „Чтобы уладить это, нѣтъ другого средства, какъ нашъ прежній проектъ, а именно дать конституцію и особое положеніе Польскому королевству, присоединивъ этотъ титулъ къ коронѣ Россіи. Нужно ожидать, продолжалъ Императоръ, что Австрія сдѣлаетъ глупость и вызоветъ новый разрывъ съ Франціей; тогда будетъ возможно найти средство сговориться съ Наполеономъ и дать компенсацію Саксонскому королю“. Императоръ прибавилъ, что было бы полезно приступить пока къ дѣйствіямъ въ этомъ смыслѣ въ провинціяхъ, принадлежащихъ въ дѣйствительности къ Имперіи, принявъ титулъ Великаго герцога Литовскаго, но, имѣя такого ловкаго соперника, какъ Наполеонъ, онъ боится возбудить его подозрѣнія и заставить его противодѣйствовать Россіи тѣмъ же способомъ; принимая во вниманіе смѣтливость противника, можно было рисковать остаться назади. Во время разговора я спросилъ у Его Величества, не случалось ли ему когда-либо во время частныхъ бесѣдъ съ Наполеономъ затронуть эту струну. Я часто предлагалъ этотъ вопросъ, чтобы уяснить себѣ разные носившіеся слухи. Императоръ избѣ-

галъ всегда опредѣленнаго отвѣта. На этотъ разъ онъ мнѣ сказалъ положительно, что эта тема между нимъ и Наполеономъ не была затронута, что Наполеонъ говорилъ въ Тильзитѣ очень поверхностно обо всемъ, касающемся Польши и поляковъ, а въ Эрфуртѣ довольно было дѣла и безъ этого. Я высказалъ Его Величеству сожалѣніе, что онъ никогда не пользовался случаемъ вывѣдать мнѣніе Наполеона по этому предмету. Въ сущности, я не могъ не удивляться, продолжалъ я, искусству Наполеона распространять одновременно самыя разнорѣчивыя мнѣнія и предположенія; несомнѣнно только то, что, произнося слова, которыя Его Величество мнѣ только что передалъ, и заставляя писать депеши и говорить рѣчи, способныя оскорбить и привести въ отчаяніе поляковъ, ему все-таки удалось вселить въ насъ убѣжденіе, что онъ не только принималъ къ сердцу интересы Польши, но кромѣ того питалъ еще особую любовь къ нашему народу. Въ то время, какъ предполагали, что ему чуждо всякое доброжелательное чувство, и что онъ доступенъ лишь тому, что можетъ послужить на пользу его честолюбивымъ планамъ, онъ сумѣлъ увѣрить Поляковъ, что онъ ихъ любитъ, желаетъ имъ добра и считаетъ за истинныхъ друзей.—Чтобы возбудить энтузіазмъ, ему только стоитъ издать газетную статью и послать въ Варшаву какого-нибудь польскаго адъютанта, который, будучи принятъ въ обществѣ, повторитъ нѣсколько словъ Наполеона или разскажетъ анекдотъ

въ духѣ патріотизма. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ это служитъ пищей для разговоровъ, а затѣмъ новый посланецъ опять возбуждаетъ умы.—Его Величество, какъ бы въ дополненіе моихъ доказательствъ, прервалъ меня слѣдующими словами: „Ахъ! Что вы мнѣ тутъ разсказываете! Это еще все ничего, потому что я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ ту минуту, какъ онъ заставилъ произнести рѣчь М. де Монталиве, онъ сказалъ вашимъ соотечественникамъ совершенно противное, стараясь изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное на нихъ отрывкомъ этой рѣчи, и воскресить ихъ надежды всякаго рода изъясненіями и обѣщаніями". Его Величество прибавилъ, между прочимъ, что это былъ человѣкъ крайне неразборчивый въ средствахъ, лишь бы они достигали цѣли. Такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ приходилось слышать въ петербургскомъ свѣтѣ тысячу намековъ на угрожавшее Наполеону психическое разстройство и на припадки эпилепсіи, которымъ онъ будто бы былъ подверженъ, я спросилъ Императора, такъ ли это было? Императоръ отвѣтилъ: „Наполеонъ никогда не сойдетъ съ ума, и кто это предполагаетъ, не знаетъ его совершенно. Это человѣкъ, который среди треволненій всегда сохраняетъ спокойствіе и хладнокровіе; всѣ его вспышки только на-показъ и большею частью разсчитаны. Все у него предусмотрѣно и скомбинировано. Самые его жестокіе и смѣлые поступки хладнокровно разсчитаны. Самая его любимая поговорка это, что во

всякомъ дѣлѣ надо прежде всего руководиться извѣстной системой, и что нѣтъ трудности, которую бы невозможно было преодолѣть, если только найденъ для этого вѣрный способъ; что главное—усвоить пріемы, а остальное пустяки, но что, съ другой стороны, не нужно браться даже за самое простое дѣло, если способъ его выполненія неизвѣстенъ, потому что тогда нельзя ничего добиться, а все можно лишь испортить. Что же касается до его здоровья, то это все сказки; у него рѣдкое здоровье, онъ никогда не болѣетъ и единственное, приписываемое ему нездоровье—это чесотка, отъ которой его лѣчили... Никто лучше его не переноситъ усталость и трудъ; но сонъ ему необходимъ, хотя не въ строго опредѣленные часы, но разсчитанный на то, чтобы въ итогѣ было можно спать восемь часовъ въ сутки. Онъ не краснорѣчивъ, ни на словахъ, ни на бумагѣ; я слыхалъ, какъ онъ диктуетъ письма отрывистымъ, довольно безсвязнымъ слогомъ..." Его Величество мнѣ говорилъ о разводѣ и Испанскихъ дѣлахъ, какъ о солидной школѣ, пройденной Наполеономъ, сдѣлавъ относительно развода замѣчаніе, что во Франціи имѣютъ особую способность придать всякому дѣлу спеціальную окраску и направить его на надлежащій путь.

Размышляя объ этомъ разговорѣ, я вывелъ заключеніе, что Императоръ пребывалъ ко мнѣ неизмѣнно благосклоненъ, не имѣя, однако, горячаго желанія

меня удержать и не вполнѣ искренно относясь къ моимъ словамъ; онъ казался всегда замкнутымъ и насторожѣ. Я думаю, что кромѣ особыхъ обстоятельствъ, заставляющихъ его со мной стѣсняться, это стало его обычнымъ состояніемъ. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ теперь открылъ свое сердце какому-либо сильному чувству, если бы онъ не испытывалъ потребности въ его существенномъ свойствѣ. Что же касается Наполеона, то ясно, что онъ его знаетъ лучше другихъ, увѣренъ, что на него положиться нельзя, и что тоже вполнѣ понятно, что Наполеонъ при умственномъ превосходствѣ внушалъ всѣмъ сильный страхъ. Императоръ пріучилъ всѣхъ окружающихъ находить въ его рѣшеніяхъ различныя мнѣнія тѣхъ, которыхъ онъ выдвинулъ впередъ. Я не могу не сказать того же о главныхъ постановленіяхъ относительно поляковъ, которыя онъ мнѣ только что объявилъ; такъ какъ довольно удивительно, что послѣ того какъ Императоръ, казалось, такъ мало удѣлилъ вниманія моимъ замѣчаніямъ въ предыдущихъ разговорахъ, онъ внезапно измѣнилъ свое мнѣніе, хотя у него было достаточно причинъ и прежде выразить свое великодушіе, и что я ему представилъ именно тѣ же мотивы, которые онъ мнѣ высказалъ самъ. Я былъ готовъ подозрѣвать, что къ смягчающимъ мѣропріятіямъ его привело не совершенное спокойствіе, а скорѣе то, что у него появились новыя причины для тревоги, отъ которой онъ надѣялся отдѣлаться

послѣ мира въ Вѣнѣ. Слово, вырвавшееся у Императора относительно рѣчи М. де Монталиве, могло служить въ данномъ случаѣ доказательствомъ; но я узналъ, кромѣ того, что французскій посланникъ, который до сихъ поръ высказывалъ полнѣйшее равнодушіе къ дурному обращенію съ лицами, вступившими на службу въ герцогствѣ, началъ проявлять болѣе интереса и горячности къ этому вопросу, вошелъ по этому поводу въ объясненія съ правительствомъ, что было, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ полученныхъ имъ новыхъ инструкцій. Весьма возможно, что пребываніе въ Москвѣ благотворно подѣйствовало на настроеніе Императора относительно польскихъ дѣлъ, который, противъ ожиданія, нашелъ общественное мнѣніе менѣе оппозиціоннымъ. Императоръ, безъ сомнѣнія, удивился словамъ, переданнымъ ему отъ стараго канцлера и графа Маркова, отъ послѣдняго въ особенности, который до сихъ поръ держался совершенно противоположнаго мнѣнія.

Сказать по правдѣ, нечего прибавить къ разговорамъ Императора по поводу этого вопроса и той выгоды, которую бы представляло для Россіи устройство польскихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи убѣжденіе Его Величества полное; но это дѣла не ускоряетъ, потому что, если только обстоятельства не сложатся такимъ образомъ, что правительству лишь останется согласиться,

дѣло не подвинется впередъ; при малѣйшемъ препятствіи, самый, повидимому, рѣшительный планъ будетъ отвергнутъ. Все неудобство и опасность здѣсь заключается въ томъ, что нельзя разсчитывать вполнѣ на того, кто призванъ играть главную роль.

III.

5 апрѣля 1810 г.

Приблизительно около трехъ недѣль тому назадъ, когда Его Величество, котораго я давно уже не видѣлъ, внезапно меня вызвалъ къ себѣ, я напомнилъ ему о нѣкоторыхъ дѣлахъ и въ то же время о данномъ мнѣ обѣщаніи даровать амнистію всѣмъ тѣмъ, съ которыми жестоко поступили въ польскихъ провинціяхъ. Что касается до дѣлъ, о которыхъ мнѣ было нужно поговорить, то Его Величество оказался очень податливымъ; относительно же амнистіи, онъ мнѣ сказалъ, что согласно обѣщанію, онъ ее даруетъ немедленно по полученіи нѣкоторыхъ отвѣтовъ изъ Парижа. Мнѣ не трудно было замѣтить, что Императоръ меня позвалъ не спроста, а именно, чтобы обсудить такой вопросъ, о которомъ мы много разъ и всегда безъ результата трактовали. Его Величество свернулъ быстро разговоръ на дѣла Польши и сказалъ, что даровать амнистію, это значило водворить въ странѣ людей, на которыхъ почти нельзя было разсчитывать, что его постояннымъ

желаніемъ было пріобрѣсти любовь жителей, но что самое трудное было найти къ этому вѣрный путь; такъ какъ, что бы ни дѣлалось, непостоянство характера поляковъ было таково, что было невозможно чему-либо довѣриться.—Я отвѣтилъ, что въ этомъ могла быть доля правды, но что объясненіе Императора было несправедливо, что не по непостоянству характера вовсе поляки были нерасположены принять предложенія русскаго правительства, но что, напротивъ, это было вслѣдствіе ихъ упорной привязанности къ родинѣ и желанія видѣть ее возсоединенной.—При этихъ словахъ, Императоръ заговорилъ о проектѣ соединить восемь польскихъ провинцій, учредивъ особую администрацію, и спросилъ меня при этомъ, что я объ этомъ думаю, и возможно ли разсчитывать на жителей этихъ провинцій.—Я отвѣтилъ, что сейчасъ еще ничего не могу сказать на это, но что мнѣ надо подумать. Я выразилъ однако, удивленіе, что Его Величество занимался еще этимъ предметомъ въ виду переговоровъ съ Франціей о конвенціи; въ сущности, я зналъ, что эта конвенція имѣла цѣлью разрушить всѣ надежды поляковъ, и я думалъ, что Наполеонъ отказался ее утвердить.—Его Величество отвѣтилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что это было совсѣмъ не такъ, что это М. де Шампаньи хотѣлъ внести въ трактатъ выраженія и статьи, въ которыхъ доходилъ до желанія уничтожить самое имя Польши, но что Императоръ исправилъ эти статьи,

и что договоръ въ измѣненномъ видѣ былъ снова отосланъ въ Парижъ.

Я хорошо замѣтилъ, что Императоръ не желалъ высказаться по этому вопросу; онъ отпустилъ меня, спросивъ, когда я смогъ бы отвѣтить на предложенный имъ мнѣ вопросъ. Это было право не легко. Съ одной стороны, развѣ можно было поручиться Императору за дѣйствительность принятыхъ мѣръ? Съ другой, сколько неудобства и опасности для себя лично, если принять участіе въ какихъ-либо проектахъ? Это значило произвести расколъ и рисковать междоусобіями въ своемъ краю. Если сдѣлать видъ, что раздѣляешь безсильныя и запоздалыя попытки Императора, то можно только со всѣхъ сторонъ наткнуться на препятствія безъ малѣйшаго проблеска надежды. Но, однако, отвѣчать слѣдовало, хотя бы изъ приличія, или еще потому, что въ виду сомнительнаго будущаго было невыгодно окончательно разорвать связь, которая въ извѣстныхъ обстоятельствахъ еще могла сдѣлаться драгоцѣнною.

Нѣсколько недѣль спустя, я опять зашелъ къ Императору и представилъ ему докладную записку, въ которой я изложилъ какъ можно лучше мой взглядъ на этотъ вопросъ. Я не скрылъ отъ Его Величества, какъ было велико мое смущеніе вслѣдствіе моей неосвѣдомленности о томъ, что происходило и готовилось въ политическомъ мірѣ. Я ему сказалъ, что не торо-

шился придти, разсчитывая, что въ этотъ промежутокъ времени могло быть получено какое-либо извѣстіе изъ Парижа, что, между прочимъ, мнѣ приходилось наблюдать, какъ Императоръ, смотря по обстоятельствамъ, измѣнялъ часто свой взглядъ на нужды Польши, а именно со времени моего пріѣзда сюда послѣ заключенія мира, такъ что меня бы не удивило, если бы подобная вещь случилась и теперь. Императоръ отвѣтилъ, что если бы даже казалось, что онъ перемѣнилъ мнѣніе, то единственно оттого, что въ соединеніи съ этими дѣлами въ его мозгу преобладала идея, трудная для осуществленія, и эта-то трудность всегда его и останавливала. Онъ не прибавилъ ничего положительнаго относительно конвенціи, но сказалъ, что онъ ее скоро получитъ въ измѣненномъ видѣ изъ Парижа. При этихъ словахъ, Императоръ съ разсѣяннымъ видомъ развернулъ лежавшую на столѣ депешу, не сознавая ясно, долженъ ли онъ еще мнѣ ее показать, и чувствуя, пока онъ вмѣстѣ со мной ее пробѣгалъ глазами, что содержаніе ея могло мнѣ дать только лишь слабое представленіе объ отношеніяхъ къ нему французскаго Императора. Въ дѣйствительности это была депеша отъ М. де Шампаньи къ М. де Колянкуръ, въ которой министръ писалъ посланнику, что онъ доложилъ своему государю о поздравленіяхъ, по поводу его бракосочетанія, которыя его уполномочилъ передать Русскій Императоръ; Наполеонъ благодарилъ за подобный знакъ памяти

своего союзника и друга и увѣдомлялъ, что немедленно вышлетъ офицера, чтобы объявить ему объ этомъ событіи. Слегка смутившись, Императоръ остановился и сложилъ депешу, замѣтивъ, что это пустяки; что, въ сущности, у него есть другія депеши отъ М. де Шампаньи, который продолжалъ въ томъ же духѣ обнадеживать его относительно Польши, но что извѣстно, насколько эти фразы заслуживали довѣрія, и что это не помѣшаетъ ему слѣдовать высказаннымъ мнѣ планамъ.—Тогда я принялся за чтеніе моей бумаги. Императоръ меня тотчасъ же прервалъ, сдѣлавъ замѣчаніе, что онъ старался помочь чѣмъ-нибудь совсѣмъ не въ виду войны, а чтобы снискать вообще любовь Поляковъ. Затѣмъ онъ сталъ молча и сосредоточенно слушать чтеніе записки. Только въ концѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ было сказано, что самое благопріятное время для оказанія Польшѣ покровительства было пропущено, Императоръ меня перебилъ. „Составляя эти записку, вы, безъ сомнѣнія, думали объ 1805 годѣ,— сказалъ онъ—и о моемъ пребываніи въ то время въ Пулави. Я теперь самъ прекрасно вижу, что тогда былъ самый благопріятный, даже единственный моментъ; тогда было легко провести то, что теперь могло бы быть сдѣлано съ большимъ трудомъ; но не нужно забывать, что вся прусская армія была противъ насъ“. Признаніе своей тогдашней ошибки, сдѣланное нѣсколько разъ Императоромъ въ теченіе этого разговора,

не позволило мнѣ ее болѣе подчеркивать. Я ограничился отвѣтомъ, что вторымъ благопріятнымъ случаемъ была война съ Австріей, когда Россія легко могла потребовать возстановленія Польши. „Это бы значило вызвать полное паденіе Австріи“, сказалъ Императоръ.

Все-таки достовѣрно извѣстно, прибавилъ я, что образъ дѣйствій того времени, былъ самый плохой, такъ какъ онъ отнюдь не спасъ Австріи, бросивъ ее въ руки Франціи, не возбудилъ неудовольствіе Наполеона и не доставилъ никакой серьезной выгоды для Россіи.

Окончивъ чтеніе записки, я еще разъ извинился, что могъ предложить только смутныя и незаконченныя мысли. Я не былъ въ состояніи въ данный моментъ сказать объ этомъ болѣе, потому что совсѣмъ не былъ освѣдомленъ о томъ, что происходило, и не зналъ какого рода мнѣніе было господствующимъ въ польскихъ областяхъ. Только именно тамъ, на мѣстѣ, можно бы было рѣшить, какого рода пріемъ ждалъ бы всякое предложеніе Россіи, и способно ли оно побороть всемогущее вліяніе Наполеона. „Ба!—сказалъ Императоръ,—не побывавъ даже въ тѣхъ краяхъ, нетрудно угадать, о чемъ думаютъ въ провинціяхъ и въ герцогствѣ; это можно сказать въ немногихъ словахъ. Поляки послѣдуютъ даже за дьяволомъ, если онъ ихъ приведетъ къ возстановленію родины“. Въ сущности,—продолжалъ Императоръ,—я доволенъ вашей запиской; она

мнѣ будетъ подспорьемъ въ размышленіяхъ о такомъ предметѣ, который меня занимаетъ давно. Я изыскивалъ всякія средства, чтобы добиться осуществленія моихъ желаній, и не дошелъ ни до чего удовлетворительнаго. Самое большое затрудненіе заключается въ вознагражденіи Саксонскаго короля; достичь этого можно, лишь отдѣливъ еще часть у бѣднаго Прусскаго короля.

Я замѣтилъ Его Величеству, что самая главная трудность—это получить согласіе Франціи, и, добившись этого пункта, все остальное станетъ мелкимъ. Императоръ сказалъ, что это-то и есть самое трудное, потому что Наполеонъ, гораздо менѣе озабоченный выгодой Польши, чѣмъ возможностію воспользоваться этой страной, какъ орудіемъ, въ случаѣ объявленія войны Россіи, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не измѣнять существующаго порядка вещей и имѣть на случай надобности подъ рукой подготовленныя имъ средства.—Что касается взглядовъ жителей Варшавскаго герцогства, Императоръ, впрочемъ, признался, что было вполнѣ ясно, что, принимая во вниманіе обоюдныя силы двухъ государствъ, талантъ и опытность генераловъ и армій, большую вѣроятность побѣды, которую Наполеонъ имѣлъ бы во всякой войнѣ, поляки не желали отдаться въ руки Россіи, рискуя лишиться плода долгихъ, напряженныхъ усилій.—Я совершенно раздѣлялъ эти взгляды. Императоръ довѣрилъ мнѣ

подробно свои мысли. Между прочими планами онъ мнѣ предложилъ вопросъ, нельзя ли затѣять фиктивную войну съ герцогствомъ, чтобы русскія войска, послѣ предварительнаго соглашенія, двинулись бы къ позиціямъ, гдѣ, соединившись съ польскими войсками, они могли бы съ твердостью противостоять французамъ; въ такомъ случаѣ всѣ желанія Польши могли бы исполниться.—Трудности, сопряженныя съ выполненіемъ этого проекта, были очевидны, не считаясь съ тѣмъ, что было въ немъ химерическаго, и во всѣхъ случаяхъ это была война противъ Наполеона съ весьма сомнительными шансами.

Разбираясь во всѣхъ этихъ планахъ, Императоръ внезапно мнѣ предложилъ вопросъ, нельзя ли добиться желаемой цѣли, если не противиться образованію королевства Польши, составленнаго изъ герцогства и Галиціи, и разрѣшить русскимъ подданымъ въ польскихъ областяхъ вступать тамъ на службу, какъ въ своемъ краю.—Такъ какъ я выразилъ удивленіе по этому поводу, то Императоръ прибавилъ, что у поляковъ, удовлетворенныхъ такимъ образомъ, не будетъ причины противиться Россіи, и они успокоятся; что Франція, потерявъ яблоко раздора между собой и Россіей, утратитъ поводъ къ войнѣ съ ней; что, однимъ словомъ, это значило произвести ампутацію и сразу избавиться отъ болѣзни, вмѣсто попытки ее вылѣчить. Тонъ Его Величества меня привелъ къ мысли, что

эта идея могла ему быть внушена французскимъ посланникомъ, что, однимъ словомъ, объ этомъ была рѣчь, и что Императоръ опасался самаго худшаго и не далекъ былъ отъ того, чтобы согласиться на это предложеніе, прикрывъ это благовидными предлогами. Во всякомъ случаѣ, это было только предложеніе.

Императоръ закончилъ разговоръ, сказавъ мнѣ, что онъ еще займется этими планами и желаетъ, чтобы я съ своей стороны искалъ бы путеводную нить, которая бы меня привела къ цѣли.—Я отвѣтилъ, что былъ далекъ отъ мысли охладить добрыя намѣренія Его Величества, но откровенно сознаюсь, что не знаю, какъ за нихъ взяться, что, на мой взглядъ, мѣры, предложенныя въ докладной запискѣ, поданной мной Императору, вмѣщали въ себѣ все, что надлежало немедленно сдѣлать; что я считаю, что этотъ годъ можетъ стать историческимъ, такъ какъ онъ не пройдетъ безъ важныхъ событій, болѣе важныхъ и рѣшительныхъ, чѣмъ мы до сихъ поръ видѣли.—Императоръ перебилъ меня и сказалъ съ оттѣнкомъ убѣжденія, что онъ не думаетъ, что это могло бы случиться въ этомъ году, потому что Наполеонъ занятъ всецѣло своей женитьбой; но что онъ готовится къ кризису на будущій годъ. „У насъ теперь апрѣль, продолжалъ онъ, все произойдетъ черезъ девять мѣсяцевъ“. При этихъ словахъ и вообще въ продолженіе всего этого разговора, глаза Императора сурово и твердо смотрѣли на меня, что мнѣ

напомнило его угрюмый видъ въ эпоху Аустерлица. Осанка его выражала изнеможеніе и уныніе. Было замѣтно, что онъ въ тревогѣ и сильно желаетъ уладить дѣла Польши какимъ бы то ни было способомъ, приложивъ къ этому съ своей стороны всѣ усилія. Онъ какъ бы неоднократно повинился передъ мной, сознавшись безъ вызова съ моей стороны, что 1805 годъ былъ самый благопріятный для выполненія проекта.—Не знаю, сложилось ли у него такое убѣжденіе, или онъ только такъ говорилъ, чтобы мнѣ сдѣлать пріятное. Я разстался съ Его Величествомъ въ большомъ сомнѣніи относительно грядущихъ событій.

Переписка.

II.

VIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Вильна 12 января 1810 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вернувшись въ Вильну, я не переставалъ заниматься Университетомъ и всѣмъ тѣмъ, что могло бы усовершенствовать преподаваніе всѣхъ отраслей наукъ. Ваше Императорское Величество знаете, что Училищный Совѣтъ изготовилъ проектъ, направленный къ тому, чтобы урегулировать окончательно управленіе опредѣленными фондами Университета и расширить его.—Проектъ этотъ, представленный болѣе полугода тому назадъ, лежитъ безъ движенія; онъ уже былъ на разсмотрѣніи Совѣта и теперь находится въ финансовомъ отдѣленіи. Одно слово Вашего Императорскаго Величества можетъ привести это дѣло къ благополучному концу.

Благоволите припомнить, Государь, что этотъ вопросъ помѣщенъ на ряду съ тѣми, которые могли бы

въ этомъ краю произвести благотворное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я еще болѣе убѣдился въ цѣлесообразности этой мѣры и въ возможныхъ дурныхъ послѣдствіяхъ, если бы всеобщія желанія и ожиданія по этому поводу были обмануты. Фонды, поддерживающіе Университетъ и провинціальныя школы, состоятъ изъ пожертвованій мѣстнаго дворянства, поступившихъ прежде, а также вновь. Ваше Императорское Величество торжественно соблаговолили назначить эти фонды въ общее пользованіе, и только на основаніи этой гарантіи они увеличились еще новыми дарами. Между тѣмъ, если по разсмотрѣніи, проектъ не будетъ утвержденъ, благія намѣренія Вашего Императорскаго Величества подвергнутся пересудамъ и потеряютъ обаяніе, дѣло общественнаго образованія и его усовершенствованіе въ этихъ провинціяхъ со всѣми относящимися къ нему полезными учрежденіями быстро погибнетъ.

Я только что получилъ письмо отъ министра народнаго просвѣщенія, который мнѣ объявляетъ, что министръ финансовъ желаетъ призводить уплату суммъ, слѣдуемыхъ Университету, ассигнаціями.—Если это постановленіе войдетъ въ законную силу, то это будетъ настоящимъ бѣдствіемъ, которое разоритъ всѣхъ профессоровъ и повлечетъ за собой пагубныя послѣдствія для провинціи. Наплывъ бумажныхъ денегъ, который бы наводнилъ Университетъ и городъ, заставилъ бы

банковые билеты упасть ниже своей теперешней стоимости; остатокъ серебра исчезъ бы въ оборотъ, который въ данный моментъ поддерживается единственно деньгами, расходуемыми университетомъ. Утвердительный актъ, подписанный Вашимъ Величествомъ, и одобренные Вами статуты обезпечиваютъ всѣмъ служащимъ въ Университетѣ выплату жалованья серебромъ. На этомъ основаніи были заключены контракты съ профессорами, которые, въ этой увѣренности, приняли на себя извѣстныя обязательства.—Банковые билеты здѣсь въ обыденной жизни не въ ходу, и на рынкѣ нельзя ничего купить, какъ только на звонкую монету; къ тому же денежный курсъ было бы трудно установить, такъ какъ онъ бы, по всему вѣроятію, падалъ при каждой уплатѣ ассигнаціями. Убытокъ слѣдовалъ бы за убыткомъ, все прогрессируя, отзываясь на служащихъ, на провинціи, на государствѣ, не считая того, что въ Университетѣ все бы навѣрное пришло въ безпорядокъ отъ подобной мѣры.

Между тѣмъ, какъ хотятъ наводнить провинціи ассигнаціями, государство требуетъ, чтобы подати уплачивались серебромъ.—Откуда его взять? Я могу удостовѣрить Ваше Величество, что нѣкоторые помѣщики уже продаютъ свои земли, такъ какъ имъ не хватаетъ на уплату налоговъ, втрое, вчетверо большихъ, чѣмъ въ остальной Имперіи.

У многихъ землевладѣльцевъ наложено запрещеніе на имѣнія за неуплату недоимокъ, которыя съ нихъ взыскиваютъ съ крайней строгостію.

Всѣ налоги, не исключая косвенныхъ, какъ-то: разноска писемъ, гербовая бумага, расходы по рекрутскому набору и другіе взимаются не деньгами по курсу, а по номинальной стоимости; что почти въ одинаковой пропорціи увеличиваетъ тяжесть повинностей, это то обстоятельство, что ассигнаціи падаютъ, а средства уменьшаются.

Злоупотребленія при отдачѣ въ рекруты въ особенности обременительны; чтобы выбрать одного человѣка, надо привести шесть, семь, даже до десяти, что значительно увеличиваетъ издержки; безъ крупной взятки чиновникамъ никого не принимаютъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, сумма серебра, пущеннаго въ оборотъ въ провинціи, не равна итогу по расцѣнкѣ налоговъ; несомнѣнно только то, что Литва въ плачевномъ состояніи и крайне нуждается въ томъ, чтобы Ваше Величество соизволили обратить на нее свое отеческое око.

Администрація по обложенію налогами урегулирована въ остальной Имперіи. Что касается народнаго образованія, то я осмѣливаюсь ходатайствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, умоляя Васъ о защитѣ противъ резолюціи министра финансовъ, ниспровергающей дарованныя Вами привилегіи и ми-

лости, а также объ утвержденіи проекта, представленнаго Училищнымъ Совѣтомъ.

Благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, быть защитникомъ страны, находящейся подъ Вашимъ собственнымъ управленіемъ, потому что въ ней навѣрное никто не приметъ участія, многіе захотятъ ей, напротивъ, вредить и ее притѣснять и, между тѣмъ, что бы ни принимали въ соображеніе, какой бы гороскопъ ни составляли на будущее, я не считаю, что это бы значило приносить пользу Вашему Императорскому Величеству, если давать Вамъ такіе совѣты, которые въ случаѣ ихъ выполненія могли бы погубить значительную часть государства и отнять у Васъ сердца Вашихъ подданныхъ.

Въ послѣднемъ разговорѣ, который я имѣлъ счастье вести съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, я забылъ Вамъ доложить, что во время моего пребыванія въ Пулави, я буду, вѣроятно, имѣть возможность отправиться въ Варшаву.

Благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, не лишать меня Вашей прежней милости и вѣрить въ мою ненарушимую привязанность, которую я съ давнихъ поръ питаю къ особѣ Вашего Императорскаго Величества и тѣмъ непрестаннымъ моленіямъ, которыя я возношу о Вашемъ благополучіи.

IX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Пулави 15/27 ноября 1810 г.

Извѣстіе о назначеніи Вашимъ Императорскимъ Величествомъ комиссіи въ гимназію, въ Кржемешцахъ, только что дошло до меня. Легко понять, какъ это меня глубоко огорчило. Эта мѣра направлена, кажется, противъ М. Чацкаго, стараніями котораго было создано и процвѣтало это учрежденіе: но, говоря откровенно, эта мѣра, въ дѣйствительности, относится также и ко мнѣ, какъ уполномоченному куратору, отвѣтственному за все, что происходитъ въ округѣ, который постоянно поддерживалъ проекты М. Чацкаго, представляя ихъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества и воздавалъ имъ всегда должную хвалу *). Я не

*) Графъ Ѳаддей Чацкій былъ тотъ, который въ эту эпоху способствовалъ вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ больше всѣхъ поддержкѣ и развитію національнаго чувства чрезъ народное образованіе въ польскихъ губерніяхъ, присоедп-

знаю, кто были лица, которыя въ своихъ доносахъ могли назваться Волынскими дворянами, но трудно сказать навѣрняка, что ихъ намѣренія чисты и ими руководитъ любовь къ правдѣ и добру. Неподкупный характеръ М. Чацкаго слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы его можно было оспаривать въ какомъ-либо отношеніи. Его неустанныя старанія увѣнчались удивительнымъ успѣхомъ. Онъ добился такихъ значительныхъ суммъ и создалъ учрежденіе, которое своими богатыми коллекціями, профессорами, входящими въ его составъ, различными присоединенными къ нему заведеніями, численностію учащихся, получающихъ тамъ образованіе, можетъ считаться одной изъ лучшихъ существующихъ школъ во всемъ краѣ; все это продѣлать въ такое короткое время, было возможно только чудомъ, и только М. Чацкій былъ въ состояніи добиться этого своею крайней настойчивостью, исключительной преданностью этому предмету и тѣмъ довѣріемъ, ко-

---

шенныхъ къ Россійской Имперіи. Это былъ, въ то же время, знаменитый ученый, высокаго ума, авторъ книги, сдѣлавшейся классической: — „Законы Литвы и Славоніи“ которая составляетъ сокровище науки, здоровой и основательной критики, авторъ другихъ разныхъ трудовъ по исторіи, политической экономіи, изъ ряда вонъ выходящихъ по достоинству. Графъ Ѳаддей Чацкій родился въ Порицкѣ въ 1765 г. и принадлежалъ къ старинному роду въ Волыни. Еще въ ранней молодости онъ былъ назначенъ польскимъ сеймомъ финансовымъ комиссаромъ и старостой Новогорода. Во время сейма 1788 г. онъ былъ вмѣстѣ съ Мостовскимъ,

торое вообще внушаютъ его характеръ и познанія. Ваше Императорское Величество увидите, что Волынь будучи далека отъ мысли прикрыть своимъ именемъ клевету, наоборотъ, захочетъ смыть съ себя пятно, которое могло бы на ней остаться, и поторопиться выдать блестящее удостовѣреніе своему согражданину, чьи услуги она еще недавно желала почтить медалью, которую Ваше Величество разрѣшили ей отчеканить по этому случаю.

Я не сомнѣваюсь, что М. Чацкій побѣдоносно оправдается во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Факты слишкомъ очевидно говорятъ въ его пользу. Но, Государь, имѣя отзывчивое сердце, Ваше Величество поймете, какъ прискорбно видѣть человѣка, думающаго лишь о пользѣ своихъ ближнихъ, посвятившаго ихъ благу свое существованіе до полнаго забвенія своихъ интересовъ, который подвергся доносамъ и несетъ тяготу и непріятности въ награду за такой образъ дѣйствій, который даетъ ему извѣстныя права, и этотъ

Колонтаемъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, Нѣмцевичемъ, однимъ изъ главныхъ виновниковъ конституціи 3-го мая 1791 г. Послѣ послѣдняго раздѣла въ 1796 г. онъ всецѣло посвятилъ себя тому, чтобы поднять въ Польшѣ торговлю, науки и образованіе. Онъ создалъ много школъ въ Славоніи (Волынь, Подолія и Украйна). Вышеупомянутый лицей въ Кржеменицахъ, основанный имъ въ 1809 г., былъ высшимъ учрежденіемъ, особаго рода университетомъ, и сдѣлался для Литвы средоточіемъ наукъ и патріотизма. Русскіе часто приписывали прочному и, конечно, дѣйствительному вліянію

человѣкъ вынужденъ давать отчетъ собранію лицъ, совершенно чуждыхъ тому предмету, который имъ придется обсуждать, при чемъ предсѣдатель собранія съ давнихъ поръ къ нему дурно относился и всегда старался ему во всемъ противодѣйствовать. Справедливость и намѣренія Вашего Императорскаго Величества мнѣ болѣе чѣмъ кому-либо извѣстны. Но повѣрьте, Государь, что на этотъ разъ, Вы были нечаянно введены въ заблужденіе и поступили въ разрѣзъ въ Вашими отеческими взглядами. — Волынская гимназія, основанная въ Кржеменицахъ, была утверждена грамотой, подписанной собственноручно Вашимъ Императорскимъ Величествомъ; съ тѣхъ поръ вопросъ о лучшемъ мѣстѣ для устройства гимназіи былъ исчерпанъ. Ваше Величество сдѣлали невозможнымъ возвратъ къ этому вопросу, даровавъ гимназіи гмину въ Кржеменицахъ и приказавъ тамъ со временемъ учредить экспериментальную ферму. Фонды первоначальнаго поступленія, истраченные на существующія уже учрежде-

---

этихъ общественныхъ образовательныхъ учрежденій тѣ затрудненія при объединеніи, съ которыми они столкнулись въ польскихъ областяхъ. Почти безполезно прибавлять, что лицей въ Кржеменицахъ и университетъ въ Вильно впослѣдствіи закончили свое существованіе, уничтоженные Императоромъ Николаемъ I послѣ 1831 г. Здѣсь можно видѣть, какимъ образомъ князь Адамъ въ своей перепискѣ съ Императоромъ Александромъ защищаетъ характеръ и дѣятельность графа Чацкаго, память котораго пользуется любовью и уваженіемъ въ Польшѣ.

нія въ Кржеменицахъ, расходы, произведенные по возведенію и приспособленію построекъ, были бы потеряны, если бы гимназію перевели въ другое мѣсто. Гдѣ же опять найти денегъ, чтобы, съ новой потерей времени, приняться за то же самое дѣло, и зачѣмъ начинать сызнова, когда все уже налажено и находится на хорошей дорогѣ? Какимъ образомъ могли бы заведенія достигнуть извѣстной степени совершенства, когда имъ не даютъ прочно устроиться, мѣняя ихъ мѣстонахожденія, едва они начинаютъ процвѣтать.

Будьте увѣрены, Ваше Величество, что, лишь только Вы пожелаете перевести въ другое мѣсто гимназію въ Кржеменицахъ или отнять у нея ея теперешняго начальника, учрежденіе это падетъ, не будучи болѣе въ состояніи функціонировать. Очень вѣроятно, что въ обоихъ случаяхъ большинство жертвователей возьмутъ свои вклады обратно, такъ какъ они были ими внесены подъ положительнымъ условіемъ, что гимназія останется въ Кржеменицахъ, и что распоряженіе этими деньгами будетъ поручено М. Чацкому, согласно спеціальнаго постановленія грамоты.

Что касается до меня лично, то я не могу не признаться, что комиссія для разслѣдованія о главной послѣ Университета школѣ Виленскаго округа была назначена безъ малѣйшаго участія куратора; что ей былъ представленъ на разсмотрѣніе образъ дѣйствій, имѣвшій мѣсто при учрежденіи гимназіи въ Кржеме-

нищахъ, что комиссія должна рѣшить, удачно ли выбрано мѣсто для школы, правильно ли распредѣлены занятія, должна слѣдить за порядкомъ, обученіемъ, отчетностью, подлежащими непосредственно вѣдѣнію и надзору куратора, имъ установленными, которыми онъ спеціально занимался съ вниманіемъ и тѣмъ усердіемъ, какъ они того заслуживали; что, наконецъ, вслѣдствіе недавняго посѣщенія этихъ мѣстъ, я представилъ самый удовлетворительный отчетъ о цвѣтущемъ состояніи этой школы, что этотъ докладъ, о которомъ упоминали мѣстныя газеты, оказывается уличеннымъ во лжи и не имѣющимъ значенія при томъ мѣропріятіи, о которомъ идетъ рѣчь.

Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, это еще единственный случай комиссіи подобнаго рода, назначенной надзирать за воспитательнымъ учрежденіемъ, реформировать его, и въ которой предсѣдательствуетъ мѣстный губернаторъ.— Изъ всего вышесказаннаго приходится обязательно вывести заключеніе, что Виленскій кураторъ по несчастію потерялъ довѣріе правительства, которое пожелало ему дать это почувствовать. На этомъ основаніи прошу Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, разрѣшить мнѣ напомнить въ данномъ случаѣ объ указѣ, прерванномъ на Базиліанахъ, а также о различныхъ проектахъ, относящихся къ Виленскому округу, которые я осмѣ-

лился представить и которые до сихъ поръ не имѣли успѣха.

Я полагаю, что поступлю добропорядочно въ подобныхъ обстоятельствахъ, если буду умолять Ваше Императорское Величество согласиться на мое полное увольненіе отъ службы.

Ваше Величество можетъ быть найдете, что я придаю слишкомъ много значенія предмету, считающемуся вообще второстепеннымъ; но Вамъ не безызвѣстно, что для меня онъ былъ всегда наиважнѣйшимъ; и кромѣ того это единственная дѣятельность, которою я уполномоченъ по службѣ.

Масса причинъ, мое до сихъ поръ не возстановившееся здоровье, привязанность къ семьѣ, ея крайне разстроенныя дѣла, взглядъ на политическія событія, при чемъ я всегда опасался осложненій, заставили меня давно желать покинуть службу, на которую я вступилъ вслѣдствіе моей личной преданности Вашему Величеству.—И это была единственная причина, руководившая мною. Чувства, побудившія меня къ тому, не исчезнутъ никогда. Я даже льщу себя увѣренностью, что Ваше Императорское Величество благоволите мнѣ сохранить въ частныхъ отношеніяхъ частицу милостей, которыми Вы меня прежде удостоивали. Но это не имѣетъ никакого отношенія къ общественной службѣ. У меня сложилось искреннее убѣжденіе, что я теперь рѣшительно безполезенъ Вашему Императорскому

Величеству. Слѣдовательно, я долженъ желать очутиться въ такомъ положеніи, изъ котораго никогда бы не захотѣлъ выйти, и Вы, Государь, довершите милости, которыми меня осыпали, если, не лишая меня ихъ, соизволите согласиться на мою отставку.

Простите меня, Государь, за это длинное посланіе и за ту скуку, которую оно доставитъ Вашему Императорскому Величеству. — Въ продолженіе столькихъ лѣтъ Вы не отказывались читать въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ моего сердца. Я не могу удержаться сегодня, чтобы не подѣлиться съ Вами моими волненіями и настоящимъ взглядомъ на вещи со всею искренностію, которую мнѣ внушили къ Вамъ непзмѣнныя чувства, привычка, долгъ и необходимость.

Если Вы, Всемилостивѣйшій Государь, при Вашей крайней добротѣ снизойдите къ моей просьбѣ о полной отставкѣ, то я позволю себѣ просить Васъ о выборѣ лица, которое займетъ мѣсто куратора въ Вильнѣ. Самымъ подходящимъ человѣкомъ былъ бы М. Чацкій. Если онъ оправдается въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то единственнымъ средствомъ загладить передъ нимъ свою вину явилось бы назначеніе его куратором. Если бы М. Чацкій не могъ получить мѣста, принадлежащаго ему по праву, вслѣдствіе его заслугъ по округу, то я предложилъ бы М. Огинскаго, которымъ Ваше Величество кажется были довольны, относясь къ нему благосклонно.

Прошло уже три мѣсяца, какъ я писалъ Вашему Императорскому Величеству, умоляя Васъ согласиться на продленіе моего отпуска. Хотя я еще не получилъ до сихъ поръ никакого отвѣта по этому поводу, тѣмъ не менѣе, полагаясь на слово, которое Вы, Всемилостивѣйшій Государь, соизволили мнѣ дать, я все не уѣзжалъ отсюда и готовился къ предполагаемому путешествію за-границу, которое мнѣ хочется совершить немедленно. Если Ваше Императорское Величество не пожелали продлить моего отпуска, то Вы бы приказали меня объ этомъ увѣдомить, прекрасно сознавая, что Ваше обѣщаніе, въ минуту моего отъѣзда, должно было внушить мнѣ громаднѣйшую увѣренность въ успѣхѣ, такъ что я могъ считать свой отпускъ обезпеченнымъ, даже не получая еще объ этомъ достовѣрнаго извѣстія.

Благоволите, Государь, увѣдомить меня о Вашемъ рѣшеніи, чтобы мнѣ по невѣдѣнію не оказаться виноватымъ.

Согласившись на мою просьбу, которую я нынѣ повергаю къ вашимъ стопамъ, Ваше Величество, однимъ почеркомъ пера положите конецъ моимъ заботамъ.

Я былъ бы въ отчаяніи, если бы это прошеніе не понравилось Вашему Императорскому Величеству.— Я былъ, дѣйствительно, сильно удрученъ Вашимъ рескриптомъ относительно Кржеменицъ. Вы сами бы меня осудили, если бы я этимъ не взволновался. Но,

Государь, благоволите взглянуть на мою просьбу не какъ на выраженіе досады, которой я бы себѣ не могъ простить. Сдѣлайте милость обратить вниманіе на совокупность вышеупомянутыхъ причинъ и на настоятельныя просьбы моихъ родныхъ о женитьбѣ, на мое одиночество въ Петербургѣ и на множество другихъ обстоятельствъ, извѣстныхъ Вашему Величеству.—Вы признаете поэтому, что мой поступокъ есть результатъ всякихъ отношеній и особыхъ соображеній, въ соединеніи съ искреннимъ убѣжденіемъ, что я болѣе ненуженъ и не могу принести никакой пользы на службѣ. Лишь только я буду освѣдомленъ о рѣшеніи Вашего Императорскаго Величества, которое, полагаю, будетъ для меня благопріятнымъ, я прямо отсюда поѣду въ Швейцарію и въ неизвѣстные еще мнѣ уголки Италіи, чтобы, наконецъ, побывать на водахъ и попользоваться купаньями, которыя мнѣ такъ необходимы и чего я не могъ добиться въ теченіе трехъ лѣтъ. Прошло почти десять дней, какъ я вернулся изъ Варшавы, гдѣ я провелъ около трехъ недѣль. Тамъ царитъ нужда, какъ въ деньгахъ, такъ и въ новостяхъ. Будущее здѣсь совершенно покрыто мракомъ неизвѣстности, живутъ день за днемъ, ощущая недостатокъ въ звонкой монетѣ и выжидая перемѣны къ лучшему, не вѣдая, когда и какимъ образомъ это случится.

Герцогъ Людовикъ Вюртембергскій, крайне неосторожно и вопреки общественному мнѣнію, остановился

въ Варшавѣ, чтобы дождаться тамъ своего сына, уѣхавшаго съ матерью на восемь дней въ Пулавп. Кредиторы герцога собрались, чтобы потребовать уплаты, дѣлу былъ данъ законный ходъ, и несмотря на всѣ усилія, герцогъ оказался вынужденнымъ не покидать города. Сынъ его поѣхалъ въ Дрезденъ и Штутгардъ, чтобы уладить это непріятное и несчастное дѣло.

Заканчивая это письмо, я не буду говорить Вашему Императорскому Величеству о чувствахъ, привязывающихъ меня къ Вашей особѣ; эта тема завела бы меня далеко, если бы я хотѣлъ послѣдовать своему влеченію, а это письмо и такъ слишкомъ длинно. Чувства мои остались тѣ же, какими они были въ то время, когда я имѣлъ счастье сблизиться съ Вашимъ Величествомъ, и они пребудутъ навсегда неизмѣнны. Благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Остаюсь, съ глубочайшимъ уваженіемъ, и т. д.

X.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Всемплостивѣйшій Государь!

Комиссія, назначенная ревизовать гимназію въ Кржеменицахъ, только что окончила свои разслѣдованія. Постановленія ея благопріятны для заведенія и почетны для М. Чацкаго.—Проектъ перенесенія гимназіи въ какое-либо другое мѣсто, который, кажется, комиссія не хотѣла всецѣло отвергнуть, признанъ ею все-таки неудобоспособнымъ. Сомнѣнія въ этомъ быть не можетъ, и если послѣдовать этому проекту, то тогда надлежало бы сдѣлаться врагомъ и разрушителемъ всего того, что было сдѣлано въ польскихъ областяхъ въ пользу народнаго образованія. Отчетъ объ этомъ, вѣроятно, будетъ представленъ на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Принимая это во вниманіе, соблаговолите, Всемилостивѣйшій Государь, дать волю Вашему сердцу, извѣстному своей справедливостію и

добротой. Опираясь на эти чувства, благоволите утвердить превосходное учрежденіе, что составитъ эпоху въ провинціи, гдѣ оно основано, и вознаградите добродѣтельнаго человѣка, несправедливо обвиненнаго, который достоинъ покровительства и поощренія Вашего Императорскаго Величества.

Знакъ Вашего благоволенія, Государь, всегда драгоцѣнный, былъ бы въ данномъ случаѣ особенно дорогъ, какъ удовлетвореніе за желаніе уронить М. Чацкаго въ Вашемъ мнѣніи и какъ возможность разсѣять опасенія публики относительно заведенія, которому она принесла столько дорого стоящихъ жертвъ. Мнѣ извѣстно, какъ Ваше Императорское Величество вынуждены экономить въ своихъ даяніяхъ; тѣмъ не менѣе, если бы была какая-либо возможность придти на помощь М. Чацкому, который разорился, такъ какъ думалъ не о собственныхъ дѣлахъ, а только о пользѣ созданныхъ имъ учрежденій, то, въ данный моментъ, это было бы болѣе чѣмъ кстати, чтобы дѣло общественной признательности и справедливости, было выполнено правительствомъ. Я говорю о справедливости, такъ какъ значительныя потери, понесенныя имъ во время секвестра его имѣній и конфискаціи Острога, даютъ право на это выраженіе, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ освобожденъ отъ ипотечныхъ долговъ, лежащихъ на этой землѣ.

Разрѣшите, Государь, снова обратить Ваше вниманіе на дѣло о фондахъ для образованія, такъ долго

Императоръ Александръ I.
1776–1825

L'Empereur Alexandre I.
1776–1825

залежавшееся въ Совѣтѣ. Особое управленіе этими фондами необходимо для ихъ сохраненія, увеличенія и употребленія по назначенію. Я доказывалъ въ представленной мною по этому поводу докладной запискѣ, что безъ особаго управленія не будетъ ни порядка, ни увѣренности въ администраціи фондовъ, ни возможности удовлетворить нуждамъ школъ и содѣйствовать желаемымъ улучшеніямъ. Вся провинція объ этомъ ходатайствуетъ, Государь: она желаетъ опредѣлить такимъ путемъ мнѣніе правительства на ея счетъ; помѣщики видятъ въ этомъ гарантію для вкладовъ, внесенныхъ ихъ предками, для пожертвованій, поступившихъ недавно, и для имѣющихся въ виду, которыя могутъ быть сдѣланы для блага настоящихъ и будущихъ. Благоволите, Государь, дать Ваше согласіе при такомъ обиліи доводовъ, когда общественная польза, благотворительность, справедливость и даже политика вкупѣ вопіютъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ.

Вотъ уже болѣе полутора года, какъ это дѣло находится все въ томъ же положеніи, не приходя къ концу. Скоро будетъ также годъ, какъ я послалъ къ министру въ Вильну проектъ спеціальныхъ постановленій для Университета, составленный на мѣстѣ съ особымъ стараніемъ и внимательностью. Другіе необходимые и полезные вопросы, какъ устройство библіотеки, учрежденіе коллегій для неимущихъ уча-

щихся въ Вильнѣ и Кржеменицахъ, остаются также безъ разрѣшенія.

Я никогда бы не осмѣлился утруждать Ваше Императорское Величество этими подробностями, если бы не боязнь, что мое отсутствіе повредитъ дѣламъ по округу, гдѣ я состою куратором. Эта боязнь вынуждаетъ меня покорно просить Ваше Величество взять, если возможно, эти заботы подъ свое особое покровительство, преимущества котораго уже давно имѣлъ счастье испытывать Дерптскій университетъ.

XI.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

Петербургъ, 25 сего декабря 1810 г. *).

Я получилъ Ваше письмо отъ 15/27 ноября и не скрою отъ Васъ, любезный другъ, что оно очень меня огорчило. Вы хотите порвать послѣднія оставшіяся между нами сношенія на почвѣ общественныхъ интересовъ, и послѣ пятнадцатилѣтней искренней дружбы, которую ничто не могло охладить, мы станемъ чуждыми другъ другу, если не по чувству, то по нашимъ общественнымъ отношеніямъ. Вотъ мысль, на которой мнѣ было бы прискорбно остановиться, и въ особенности въ тотъ моментъ, когда я полагалъ, что наша задушевная дружба и наши отношенія на самомъ дѣлѣ усиливаются. Но я не желаю смѣшивать вопросы и

---

*) Чтобы отдать себѣ отчетъ въ важномъ значеніи этого и послѣдующихъ писемъ, слѣдуетъ припомнить то, что было въ 1810 году. Повидимому, миръ царилъ между Франціей и Россіей, или скорѣе между Наполеономъ и Александромъ. Тѣмъ не менѣе обѣ

воздержусь далѣе отъ разговоровъ съ Вами по этому поводу. Сначала я хочу покончить съ этимъ несчастнымъ дѣломъ относительно гимназіи. У меня никогда не было ни малѣйшаго намѣренія причинить Вамъ безпокойства, и Вы взглянули на это дѣло съ совершенно противоположной точки зрѣнія тому, чѣмъ оно, въ сущности, было. Это Ваши соотечественники подали поводъ къ возникновенію этого дѣла, жалуясь, что мѣстность въ Кржеменицахъ не подходитъ для гимназіи, и что близость къ австрійской границѣ располагаетъ учащихся къ бѣгству и прочимъ безразсудствамъ. Между этими лицами находились даже предводители дворянства, и всѣ просили о разслѣдованіи по тѣмъ вопросамъ, на которые они жаловались. И только вслѣдствіе этихъ повторныхъ просьбъ и была назначена эта комиссія.

Въ сущности, я былъ далекъ отъ мысли сдѣлать какое-либо перемѣщеніе или измѣненіе въ организаціи этой гимназіи и, получивъ докладъ комиссіи, я намѣревался ничего не предпринимать, не посовѣтовавшись съ Вами. Вы теперь понимаете, что изъ-за этого дѣла Вамъ совсѣмъ не стоило огорчаться и приходить

стороны, подъ видомъ дружескихъ демонстрацій, начиная съ войны съ Австріей и съ мира въ Вѣнѣ, предчувствовали въ будущемъ столкновеніе между Франціей и Россіей и, какъ видно, къ этому готовились. Эти письма служатъ доказательствомъ, что Александръ тоже готовился къ борьбѣ подъ величайшимъ секретомъ.

къ рѣшенію, такъ мало подходящему къ теперешнимъ обстоятельствамъ. Мы теперь подошли къ темѣ, затронутой мною выше.

Настоящія обстоятельства мнѣ представляются крайне важными. Мнѣ кажется, что насталъ моментъ доказать полякамъ, что Россія имъ не врагъ, но, скорѣе, истинный и естественный другъ; что несмотря на то, что ихъ заставляютъ считать Россію единственнымъ существующимъ препятствіемъ къ возстановленію Польши, совсѣмъ не невозможно, что именно Россія и осуществитъ ихъ мечты. Васъ, вѣроятно, удивятъ мои слова; но, повторяю, ничего не можетъ быть правдоподобнѣе, и обстоятельства, кажется, благопріятствуютъ мнѣ отдаться идеѣ, взлелѣянной мною еще раньше, выполненіе которой я уже два раза былъ вынужденъ откладывать подъ давленіемъ обстоятельствъ, и которая тѣмъ не менѣе глубоко засѣла въ моемъ мозгу.

Никогда еще не было болѣе подходящаго момента; но прежде чѣмъ дѣйствовать, я хотѣлъ бы, чтобы Вы мнѣ отвѣтили по пунктамъ и какъ можно подробнѣе на вопросы, которые я считаю долгомъ предложить, прежде чѣмъ приступить къ выполненію своего плана.

1) Имѣются ли у Васъ достаточно вѣрныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ жителей Варшавскаго герцогства, и въ такомъ случаѣ:

2) Имѣете ли Вы основаніе полагать, что варша-

вяне жадно ухватятся за всякую увѣренность (не вѣроятность, но увѣренность) въ своемъ возрожденіи?

3) Схватятся ли они за нее, откуда бы она ни исходила, и присоединяться ли они, не разбирая, ко всякому государству, пожелавшему искренно и съ преданностью войти въ ихъ интересы? Само собой разумѣется, что провозглашеніе ихъ возстановленія будетъ предшествовать ихъ соединенію и докажетъ искренность принятаго по отношенію къ нимъ поведенія. Или же:

4) Не имѣете ли Вы основанія скорѣе предположить, что существуютъ различныя партіи и что вслѣдствіе этого,

5) Нельзя разсчитывать на общность намѣреній, чтобы съ поспѣшностію схватиться за первый представившійся случай къ возрожденію Польши?

6) Какія это партіи? Имѣютъ ли онѣ одинаковое значеніе, и кто тѣ лица, которыя могутъ считаться ихъ главами?

7) Существуютъ ли подобныя партіи въ арміи, или слѣдуетъ въ ней усматривать болѣе единства въ мнѣніяхъ и чувствахъ.

8) Кто то лицо между военными, руководящее больше всѣхъ взглядами въ арміи?

Вотъ самые важные вопросы, которые я считаю долгомъ предложить въ данный моментъ. Я буду еще

откровеннѣе съ Вами, какъ только получу отвѣты. Что касается до этого письма, то, если Вы вообразили себѣ, что оно написано съ намѣреніемъ повліять на умы и изъ желанія секретнаго распространенія, то Вы совершенно упустили бы изъ виду поставленную мною себѣ цѣль, и самая глубочайшая тайна должна быть соблюдена относительно его содержанія. Мнѣ кажется, достаточно извѣстны Ваши ко мнѣ чувства, чтобы я могъ съ довѣріемъ положиться на Вашу осторожность. Въ сущности, дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, должно имѣть для Васъ слишкомъ большое значеніе, и Вы, навѣрное, приложите всѣ старанія, чтобы не испортить работы, которой Ваша родина будетъ обязана возрожденіемъ, Европа своимъ освобожденіемъ, и Вы лично будете ей обязаны славою и радостнымъ сознаніемъ, что Вы этому дѣлу содѣйствовали, доказавъ этимъ, что Вашъ личный образъ дѣйствій былъ послѣдователенъ, и что Ваши соотечественники, разсчитывавшіе на Васъ прежде, не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Если Вы мнѣ поможете, и если характеръ сообщенныхъ Вами свѣдѣній позволитъ мнѣ надѣяться на единство намѣреній со стороны варшавянъ и въ особенности арміи относительно возстановленія, откуда бы оно ни исходило, въ такомъ случаѣ успѣхъ, съ помощью Божіей, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ онъ будетъ основанъ не на надеждѣ взять перевѣсъ надъ талантами Наполеона, а единственно

на возможности его обезсилить, въ соединеніи съ всеобщимъ ожесточеніемъ умовъ въ Германіи противъ него.

Я прилагаю здѣсь и большую таблицу союзныхъ войскъ, находящихся въ распоряженіи обѣихъ сторонъ.

Вотъ что я долженъ Вамъ сообщить; обдумайте хладнокровно всю значительность вышесказаннаго. Подобный моментъ представляется только однажды; всякая другая комбинація приведетъ лишь къ нескончаемой войнѣ на смерть между Россіей и Франціей, злополучнымъ театромъ которой будетъ Ваше отечество. И такъ какъ поддержка, на которую могутъ разсчитывать поляки, сосредоточивается на особѣ Наполеона, во всякомъ случаѣ не вѣчной, то, если его не станетъ, послѣдствія будутъ для Польши гибельны; между тѣмъ какъ положеніе Вашей родины можно считать упроченнымъ, если Россія совокупно съ государствами, которыя не преминутъ къ ней присоединиться, уничтожитъ нравственное вліяніе Франціи и освободитъ Европу изъ-подъ ея ига.

Въ данный моментъ мнѣ нужно только отъ Васъ:

1) Поспѣшный и подробный отвѣтъ на содержаніе моего письма.

2) Если мои намѣренія Вамъ кажутся достойными вниманія, то не можете ли Вы *войти въ переговоры* съ близкими Вамъ людьми, имѣющими значеніе, которыхъ Вы считаете дѣйствительно преданными родинѣ безъ всякихъ постороннихъ побужденій;

3) Чтобы Вы постарались *продѣлать это лишь* съ тѣми лицами, въ содѣйствіи которыхъ имѣлась бы *безусловная потребность.*

Въ виду этого Вы бы могли:

1) Сказать непринужденно, что Вы получили отъ Россіи безсрочный отпускъ для путешествія и поправленія своего здоровья;

2) Что это путешествіе будетъ совершено въ лучшее время года;

3) Что вы отправляетесь въ Варшаву для необходимыхъ приготовленій. Тамъ Вы сможете скорѣе рѣшить, какъ можно подѣйствовать на мнѣнія вліятельныхъ лицъ въ Вашей администраціи.

Все, на что я Вамъ здѣсь указываю, нѣсколько поважнѣе гимназіи и Вашего прошенія объ отставкѣ. Вотъ моментъ, когда Вы, дѣйствительно, въ первый разъ можете послужить Вашей родинѣ. Я жду съ сильнымъ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта. Чтобы не производить никакой тревоги, Вы можете его послать въ Пулави съ нарочнымъ въ Бржецкъ на имя губернатора въ Гродно, Ланского, который получилъ приказъ сохранять все, что придетъ для меня отъ Васъ; или какимъ-либо другимъ путемъ, который Вы признаете *за самый вѣрный.* Преданный Вамъ сердцемъ и душою.

Прошу пожелать отъ меня всего лучшаго Вашимъ родителямъ, сестрамъ, а также и брату.

Александръ.

Примѣчаніе о войскахъ, на которыя можно разсчитывать въ данное время.

Съ одной стороны:

100,000 Русскихъ.
50,000 Поляковъ.
50,000 Пруссаковъ.
30,000 Датчанъ.

Въ итогѣ 230,000 человѣкъ, которые тотчасъ же могутъ быть еще усилены 100,000 другихъ Русскихъ.

Съ другой стороны:

60,000 Французовъ (въ Германіи не насчитываютъ даже 46,000 человѣкъ, но я прибавляю туда то, что можетъ быть взято изъ Голландіи и внутренней Франціи).
30,000 Саксонцевъ.
30,000 Баварцевъ.
20,000 Вюртемберцевъ.
15,000 Вестфальцевъ и другихъ нѣмецкихъ войскъ.

Въ итогѣ 155,000 человѣкъ.

Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что нѣмцы послѣдуютъ примѣру поляковъ, и тогда останутся только 60,000 французовъ. И если Австрія, вслѣдствіе предложенныхъ ей выгодъ, приступитъ къ дѣйствіямъ противъ Франціи, то противъ Наполеона еще будутъ 200,000 человѣкъ.

XII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

18/30 января 1811 г.

Всемилостивѣйшій Государь,

Ваше Императорское Величество легко себѣ представите съ какимъ вниманіемъ и крайнимъ интересомъ я прочелъ и перечиталъ Ваше письмо отъ 25-го декабря, которое до меня дошло безъ всякихъ приключеній. Ваше Императорское Величество благоволили мнѣ написать о дѣлѣ гимназіи въ Кржеменицахъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя меня заставляютъ умолкнуть; позволю себѣ лишь высказать, Государь, что я глубоко растроганъ проявленіемъ съ Вашей стороны столь дорогихъ для меня чувствъ. Для меня отрадна и утѣшительна мысль, что, что бы ни случилось, въ какомъ бы положеніи я не очутился, самое лучшее, что я могъ бы сдѣлать, это поручить себя всецѣло Вашимъ милости и справедливости. Но я тороплюсь заняться самой сутью письма Вашего Величества.

Разрѣшите, Государь, повергнуть къ Вашимъ стопамъ мою глубокую благодарность за милостивыя намѣренія относительно моей родины, за добрую память, которую Вы ей сохранили посреди политическихъ комбинацій, и за доказательство особаго довѣрія, которымъ Вы меня удостоиваете въ данномъ случаѣ. Я постараюсь оправдать его, выполнивъ приказанія Вашего Величества какъ можно лучше и съ тѣмъ рвеніемъ и усердіемъ, на которыя я только способенъ. Я сознаю, Всемилостивѣйшій Государь, всю важность настоящаго момента и понимаю, что проекты, которые, кажется, занимаютъ Ваше Величество, въ случаѣ ихъ выполненія дадутъ Россіи, Европѣ огромные и рѣшительные результаты, которые будутъ имѣть еще болѣе значенія для моей несчастной родины въ общемъ и въ частности. Ваше Императорское Величество въ своемъ письмѣ, также хорошо написанномъ, какъ и задуманномъ, уже мудро разобрали главный вопросъ, который насъ занимаетъ, такъ что я считаю лишнимъ къ нему возвращаться; и, чтобы не терять времени, я буду тотчасъ же отвѣчать на особые вопросы, съ которыми Ваше Императорское Величество отнеслись ко мнѣ, поставивъ ихъ замѣчательно ясно и предусмотрительно. Мой отвѣтъ, какъ Вы это прекрасно угадали, можетъ быть въ настоящее время лишь предварительнымъ.

По наблюденіямъ, которыя я смогъ сдѣлать надъ

господствующимъ въ этой странѣ общественнымъ настроеніемъ умовъ, я вижу, что въ арміи и у жителей Варшавскаго герцогства существуетъ единомысліе въ намѣреніяхъ и въ цѣли. Ихъ желаніе и единственная цѣль, это возстановленіе Польши, соединеніе всѣхъ ея партій въ одно народное сословіе, подъ національнымъ и конституціоннымъ управленіемъ. Разность въ мнѣніяхъ, замѣчаемая въ большей или меньшей степени довѣрія къ тому или другому генералу, или значительному лицу, а также въ представленіи объ ихъ талантахъ и патріотизмѣ, не можетъ носить названія „партійности“, и эти оттѣнки были бы сглажены или, по всему вѣроятію, имѣли бы лишь ничтожное значеніе, если бы пришлось затронуть высшіе интересы отечества. Единодушіе, значитъ, существуетъ; но надлежало бы убѣдить всѣхъ, что спасеніе страны, реализація болѣе крупныхъ, болѣе прочныхъ и обезпеченныхъ преимуществъ требуютъ совершеннаго измѣненія образа дѣйствій и отказа отъ единственной, имѣющейся до сихъ поръ у герцогства поддержки.

Увѣренность въ возрожденіи Польши была бы, по моему мнѣнію, схвачена съ благодарностію и поспѣшностію, откуда бы она ни исходила, лишь бы только эта увѣренность существовала на самомъ дѣлѣ, я хочу сказать, лишь бы она была сообщена такимъ способомъ, который осуществилъ бы надежды болѣе обширныя, внушилъ бы болѣе довѣрія и гарантіи въ успѣхѣ,

чѣмъ надежды и увѣренность, которыя имѣютъ или полагаютъ, что имѣютъ, обитатели герцогства, вслѣдствіе ихъ союза съ Франціей. Я считаю долгомъ прежде всего упомянуть о затрудненіяхъ, усматриваемыхъ мною въ выполненіи плана Вашего Императорскаго Величества, и о тѣхъ, съ которыми придется столкнуться, такъ какъ они моментально возникнутъ въ управленіи, въ арміи и у жителей; это мое искреннее убѣжденіе, такъ какъ мнѣ кажется, что вся трудность вопроса въ этомъ и состоитъ. Какъ бы справедливы ни были жалобы, которыя поляки могутъ предъявить къ Наполеону, ему все-таки удалось держать ихъ въ увѣренности, что только лишь абсолютная невозможность, но отнюдь не недостатокъ доброй воли помѣшалъ ему подвинуть впередъ дѣло объ ихъ возрожденіи; что публичныя и дипломатическія удостовѣренія, идущія въ разрѣзъ съ ихъ надеждами, были имъ даны, чтобы лучше скрыть свои намѣренія, но что, при первой попыткѣ разрыва съ Россіей, Польша не можетъ не возродиться. Съ этой увѣренностью соединено чувство благодарности къ Наполеону за сдѣланное имъ до сихъ поръ; за пріобрѣтенное уже Польшей положеніе, созданное имъ, положеніе хотя временное, но которое, если ничто не придетъ ему на смѣну, тѣмъ не менѣе можетъ считаться первымъ, и поистинѣ крупнымъ шагомъ. Слѣдовательно, надо быть готовымъ къ тому, что въ силу признательности и вѣрности, люди, быть мо-

жетъ, болѣе благонамѣренные и честные откажутся выставить противъ Наполеона тѣ средства, которыми они ему обязаны, и покинуть его въ тотъ моментъ, который онъ сочтетъ болѣе безопаснымъ для кооперацiи Варшавскаго герцогства. Прибавимъ къ этому братство по оружiю, водворившееся между французскими и польскими войсками, среди которыхъ находится много лицъ всѣхъ степеней чиновничества, воевавшихъ вмѣстѣ, а также идею, что французы друзья поляковъ и что русскiе напротивъ, ихъ заклятые враги, какъ по политикѣ, такъ и по личной непрiязни,—мысль слишкомъ укрѣпившуюся, слишкомъ, вообще, распространенную, чтобы она не могла возбудить и въ армiи алогичныхъ чувствъ, еще болѣе усилившихся послѣ событiй минувшей войны и тѣхъ, которыя воспослѣдовали позже.

Еще одно затрудненiе пришло мнѣ въ голову,—это гвардiя и 20,000 человѣкъ польскаго войска въ Испанiи, гдѣ у каждаго имѣются друзья и родные, которыхъ было бы опасно принести въ жертву гнѣва Наполеона. Находясь постоянно въ ожиданiи войны съ Россiей, много лицъ даже изъ лучшихъ фамилiй рѣшились отправить своихъ дѣтей въ Парижъ, чтобы воспитать ихъ въ мѣстѣ, считающемся самымъ безопаснымъ въ Европѣ, гдѣ образованiе молодежи менѣе всего рискуетъ быть прерваннымъ. Это все заложники въ рукахъ Наполеона. Наконецъ, послѣднее и самое глав-

ное затрудненіе заключается въ необыкновенныхъ талантахъ Наполеона и въ составленномъ объ этомъ понятіи. Какъ до сихъ поръ, онъ всегда находилъ возможность, благодаря своей геніальности, побѣдоносно выпутаться изъ всякой съ нимъ случившейся бѣды, то всѣ убѣждены, что это такъ всегда и будетъ, и что, какъ бы дурно ни сложились для него обстоятельства, онъ все-таки, въ концѣ концовъ, одержитъ верхъ.

Вотъ главныя затрудненія, которыя, мнѣ кажется, встрѣтятся на пути при выполненіи плана Вашего Величества. Эти затрудненія, Всемилостивѣйшій Государь, вовсе не зависятъ отъ предубѣжденія, отъ котораго большинство націи свободно, но скорѣе происходятъ отъ прямодушія и чувства самосохраненія, такъ что Ваше Императорское Величество, несмотря на то, что эти чувства противорѣчатъ Вашимъ намѣреніямъ, признаете ихъ достойными и разумными. Чтобы преодолѣть подобныя затрудненія, надо было бы выставить на видъ болѣе вѣскія побудительныя причины. Я приступлю къ бѣглому обзору тѣхъ, которыя мнѣ пришли на мысль.

Послѣ всего вышесказаннаго, было бы недостаточно одного сохраненія преимуществъ, которыми герцогство уже пользуется, чтобы заставить правительство и начальниковъ армій вмѣстѣ съ жителями герцогства и войсками, которые обязательно поддались бы импульсу, покинуть ихъ союзника и дѣйствительнаго защит-

ника, создавшаго имъ положеніе, который до сихъ поръ только одинъ протянетъ имъ руку помощи и возродитъ ихъ. Чтобы они могли себя считать правыми въ своихъ глазахъ и по отношенію къ странѣ, по всему вѣроятію, слѣдовало бы, чтобы польза государства была слишкомъ очевидна, и благо родины казалось бы внѣ сомнѣнія. Конституція, законы, автономное правленіе, должностныя лица—всѣ выборныя отъ народа и національная армія, кажутся мнѣ необходимой предварительной сдѣлкой, такъ какъ герцогство уже имѣетъ эти преимущества, пришедшіяся болѣе всего народу по сердцу. Мысль, что ими будутъ править иностранцы, не имѣющіе ни доброжелательства, ни привязанности къ своимъ подчиненнымъ, относящіеся къ нимъ всегда высокомѣрно, какъ побѣдители къ побѣжденнымъ, которые будутъ ихъ обязательно притѣснять, мысль эта—самая нестерпимая для поляковъ, какъ и для всякаго другого народа.

Если бы сверхъ того пожелали имъ предложить еще болѣе увеличить ихъ благосостояніе, съ одобренія правительства, арміи и всей націи, то мнѣ кажется, что три слѣдующіе пункта были бы самыми подходящими для производства желаемаго результата: — 1) Конституція 3-го мая 1791 года запечатлѣлась неизгладимыми чертами въ сердцѣ каждаго поляка. Провозгласивъ ее, можно было бы надѣяться примирить всѣ желанія и намѣренія. 2) Соединеніе всего, что на-

зывается Польшею, подъ одну верховную власть, чтобы прекратить невозможное положеніе вещей, когда родственники, братья, люди, считающіеся согражданами, лица, имѣющія помѣстья, подъ различнымъ правленіемъ, дѣлаются другъ другу чужими, такъ какъ имъ приходится подчиняться различнымъ государямъ и выполнять противорѣчивыя обязанности; составляя часть одного и того же народа, одной и той же фамиліи, они гораздо болѣе разъединены между собою, чѣмъ если бы ихъ раздѣляли горы и моря. Повѣрьте, Государь, что подать надежду полякамъ другихъ государствъ на то, что они будутъ соединены навсегда, и упрочить ихъ судьбу вообще, было бы мыслью, наиболѣе способною повліять на убѣжденія поляковъ въ герцогствѣ. Предложить и обезпечить имъ торговый рынокъ, безъ котораго эта обѣднѣвшая и истощенная страна не могла бы никогда поправиться.

Я не буду вдаваться въ излишнія подробности по поводу этихъ различныхъ пунктовъ. Достаточно, что я указалъ на нихъ въ данный моментъ Вашему Императорскому Величеству. Когда желаютъ добиться извѣстныхъ результатовъ, то слѣдуетъ изыскивать средства, и эти средства лишь тогда могутъ быть удачны, когда они указаны всестороннимъ знакомствомъ съ тѣмъ предметомъ, къ которому они должны быть приложимы. Желающіе извлечь изъ поляковъ возможную выгоду должны удовлетворить ихъ единогласное, по-

стоянно высказываемое желаніе, которое сдѣлалось еще пламеннѣе, благодаря прошедшимъ невзгодамъ и нѣкоторому недавнему успѣху. Слѣдуетъ обходиться съ этимъ народомъ съ благородствомъ и величіемъ души, такъ какъ полякамъ, конечно, не чуждымъ недостатковъ, присущи всѣ качества, говорящія сердцу и воображенію. Они способны понять и оцѣнить самые великодушные поступки. Чѣмъ болѣе имъ окажутъ довѣрія, тѣмъ болѣе будетъ возможно на нихъ положиться. Чѣмъ болѣе они убѣдятся, что имъ желаютъ добра, тѣмъ болѣе они будутъ готовы пожертвовать собою, для блага тѣхъ, которые къ нимъ были хороши. Чтобы привязать къ себѣ поляковъ, слѣдовало бы къ нимъ отнестись, какъ къ націи, отъ которой ждутъ громадныхъ непосредственныхъ услугъ, и которой желаютъ довѣрить въ будущемъ безопасность и защиту главной линіи на границахъ Имперіи.

Однимъ словомъ, это не легкое дѣло, и не полумѣрами и упущеніями было бы возможно внезапно, какъ по мановенію волшебнаго жезла, превратить недовѣріе и вражду въ энтузіазмъ и преданность. Чтобы добиться результата совершенно противоположнаго существующему порядку вещей, противнаго установившимся идеямъ и усвоенной привычкѣ къ извѣстнымъ взглядамъ, чтобы взять перевѣсъ надъ угрызеніями совѣсти, вѣрою въ обѣщанія и счастье Наполеона, боязнью его превосходства, было бы необходимо пустить

въ ходъ все способное побѣдить разумъ, растрогать сердце и возбудить воображеніе.

Другая побудительная причина могла бы повліять на мнѣніе въ Варшавскомъ герцогствѣ, а именно, имѣющая отношеніе къ вѣроятности успѣха. Вашему Императорскому Величеству надлежало бы, насколько возможно, дополнить Ваши объясненія по поводу войскъ, которыми можно располагать съ той и съ другой стороны въ различное время, при выполненіи плана,—согласно, можетъ быть, случайно пріобрѣтеннымъ болѣе положительнымъ свѣдѣніямъ, относительно намѣреній націи и кабинетовъ Европы. Если по этому вопросу недоставало бы ясныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній, то было бы еще одной причиной болѣе, чтобы предложенныя преимущества были бы въ состояніи подѣйствовать на убѣжденія; лишь только громадная вѣра въ обѣщанія Вашего Величества и въ Ваши благія намѣренія, сдѣлавшіяся извѣстными, благодаря воззваніямъ и поведенію Вашихъ армій, могла бы противостоять глубокому впечатлѣнію, произведенному событіями и исходомъ всѣхъ минувшихъ войнъ. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мнѣ кажется, что по странному стеченію обстоятельствъ рѣшеніе, принятое правительствомъ и арміей герцогства, можетъ сильно повліять на успѣхъ всего предпріятія и значительно измѣнить положеніе вещей: что указываетъ на важность имѣть правительство и армію на своей сторонѣ и на цѣлесо-

образность примѣненія нужныхъ для этого средствъ. Его Величество были въ правѣ сказать: примѣръ, который подадутъ поляки со времени открытія дѣйствій, можетъ быть рѣшительнымъ, и ихъ поступки, смотря по тому, въ какомъ направленіи они обнаружатся, повлекутъ за собой различные инциденты, которые могутъ быть или крайне неудобными, или благопріятными. Если бы эта нація, единственно извѣстная на всю Европу своею честностью и преданностію Наполеону и по доброй волѣ оказывавшая ему услуги, которыя онъ навязывалъ всѣмъ данникамъ, покинула бы его, наконецъ, какъ человѣка погибающаго и не сдержавшаго своихъ обѣщаній, и въ видахъ спасенія соединилась бы съ остальной Европой, шествуя подъ флагомъ союзниковъ, то это не могло бы не произвести, безъ сомнѣнія, самаго глубочайшаго впечатлѣнія, какъ въ Германіи, такъ и повсюду.

Благоволите, кромѣ того, замѣтить, Всемилостивѣйшій Государь, что въ небольшомъ спискѣ обоюдныхъ военныхъ силъ, приложенномъ къ Вашему письму, 50,000 поляковъ, составляющихъ наличность войска въ герцогствѣ, именно и представляютъ собою излишекъ въ балансѣ. Если Вы отнимете съ одной стороны 50,000 человѣкъ и прибавите ихъ къ другой, то у союзниковъ въ началѣ окажется лишь 180,000 человѣкъ, а у французовъ ихъ будетъ 205,000. Нужно кромѣ того замѣ-

тить, что города Силезіи охраняются польскими войсками.

Такъ какъ слѣдуетъ коснуться общей вѣроятности успѣха плана, который Вы имѣете въ виду, то я позволю себѣ предложить Вамъ, Государь, на этотъ счетъ слѣдующіе вопросы:—Совершенно ли Вы увѣрены, Ваше Величество, что близость такой важной перемѣны въ системѣ всецѣло ускользнула отъ вниманія М. де-Голянкуръ? Такъ какъ онъ имѣетъ свободный доступъ къ Вашему Величеству и къ окружающимъ Васъ особамъ и находится въ такихъ условіяхъ, что, такъ сказать, можетъ постоянно видѣть все, что происходитъ за кулисами, то нужно дѣйствовать крайне ловко и осторожно, чтобы расчитывать отъ него скрыть подобную тайну, тѣмъ болѣе, что военныя приготовленія и движенія войскъ должны были бы ему уже дать на то указанія. Не въ интересахъ ли самого Наполеона желать разлада на континентѣ, что можетъ ему послужить предлогомъ къ отозванію своихъ войскъ изъ Испаніи, воодушевивъ ихъ надеждою на болѣе легкій успѣхъ? Не молчитъ ли онъ нарочно, чтобы вызвать этотъ разрывъ, который при всякой вспышкѣ былъ ему всегда выгоденъ?

Эта мысль только мое предположеніе, и я ей не придаю особаго значенія, такъ какъ на этотъ счетъ не имѣю данныхъ. Но, признаюсь, что мнѣ прискорбна мысль, что, если на сѣверѣ Германіи находятся 16,000

французовъ, то ихъ не наберется и 15,000 во всей Франціи, включая сюда и Голландію. Ваше Императорское Величество не могли добыть достовѣрныхъ извѣстій по этому поводу, и если Вы ихъ не имѣете только отъ берлинскаго кабинета, то, по-моему мнѣнію, ихъ слѣдовало бы провѣрить болѣе надежнымъ путемъ, такъ какъ Вы знаете по опыту, Всемилостивѣйшій Государь, что прусскія извѣстія не всегда точны и что французы иногда скрываютъ свои военныя силы. Какая участь постигла 115,000 только что набранныхъ рекрутовъ? Вашему Величеству не безызвѣстно, какъ ловко и скоро во Франціи умѣютъ почти изъ ничего организовать новые отряды.

Судя по тому понятію, которое я себѣ составилъ относительно плана, проектированнаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, мнѣ ясно, что, если начало будетъ удачно, то союзники найдутъ возможнымъ перейти Одеръ безъ кровопролитія и даже добраться до Эльбы. Пройдетъ около двухъ мѣсяцевъ, пока они туда прибудутъ; но къ концу этихъ двухъ мѣсяцевъ Наполеонъ, пробужденный отъ летаргіи, въ которую онъ былъ, казалось, погруженъ, воспользуется этимъ временемъ, чтобы собрать армію, вызвать изъ Испаніи большую часть своего войска, и по своему обыкновенію, прибудетъ форсированнымъ маршемъ къ намѣченному имъ пункту съ арміей, равной той, которую союзники могутъ противъ него выставить. Нужно предви-

дѣть особенно этотъ моментъ и быть къ нему готовымъ, такъ какъ онъ можетъ все разстроить, какъ это и было до сихъ поръ. Я заключилъ изъ этого, что кооперація Австріи имѣетъ громаднѣйшее значеніе и что, если судить по естественному ходу вещей, то кооперація ея укажетъ черезъ два или три мѣсяца, кто возьметъ дѣйствительный, а не призрачный перевѣсъ. Если Австрія, вслѣдствіе усвоенной государствами привычки послѣдовательно покидать другъ друга, возьметъ сторону союзниковъ по вышеуказанному вопросу, то это на много бы убавило вѣроятность окончательнаго успѣха. Соблаговолите, Государь, если возможно, высказать мнѣ Ваше мнѣніе по этому поводу.

Совершенно ли Вы увѣрены, Ваше Величество, что въ Вашемъ распоряженіи находится стотысячное войско? Я такъ часто наблюдалъ, что въ Россіи 100,000 человѣкъ, числящихся на бумагѣ, составляютъ въ сущности, по всеобщимъ отзывамъ, лишь 60,000 въ наличности! Дѣйствительно ли Вы увѣрены, Ваше Величество, что можете опять вскорѣ располагать 100,000 человѣкъ? Время, нужное на переходы, возможность отвлеченія войскъ отъ опасныхъ пунктовъ и вѣроятность приказа прибыть въ назначенный день въ указанную мѣстность, достаточно ли точно Вы все это расчитали? Ваше Императорское Величество будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, по отношенію къ которому нельзя безнаказанно ошибаться. Но вотъ что еще болѣе важно: если

планъ будетъ приведенъ въ исполненіе, то будутъ ли достаточно тверды рѣшенія Вашего Величества? Останутся ли они неизмѣнны, какъ относительно общаго предпріятія, такъ и тогда, когда Вамъ придется поступать искренно, благородно и великодушно съ цѣлой націей, которая должна отдаться на Ваше благоусмотрѣніе.

Простите, Государь, если я позволилъ себѣ увлечься различными, волнующими меня заботами. Я, можетъ быть, уклонился отъ прямой темы, подлежащей моему обсужденію, поэтому я къ ней возвращаюсь. Я, кажется, отвѣтилъ на главный вопросъ письма настолько хорошо, насколько это было возможно въ данный моментъ.

Ваше Величество спрашиваете еще, кто самая значительная личность между военными и кто больше всѣхъ руководитъ взглядами въ арміи? Это безспорно князь Понятовскій. Онъ совмѣщаетъ должность главнокомандующаго съ постомъ военнаго министра. Кромѣ того, его личный характеръ настолько ему гарантируетъ вліяніе на подчиненныхъ, что никто съ нимъ не можетъ сравниться.

Теперь мнѣ остается дать отчетъ Вашему Величеству въ томъ, что я собираюсь сдѣлать. Уже шесть дней, какъ прибылъ мой секретарь; надо еще выждать пять или шесть дней, чтобы не поднимать тревоги. Тогда я отправлюсь въ Варшаву и, только поживъ тамъ,

я смогу говорить съ большею увѣренностью съ Вашимъ Величествомъ. Ваше Величество, благоволите меня уполномочить войти обо всемъ этомъ въ переговоры съ лицами, признанными мною вліятельными, и съ которыми я имѣю дружескія связи. Я слишкомъ хорошо понимаю всю важность этой тайны, чтобы не быть крайне осмотрительнымъ при выборѣ лицъ, строго ограничивая его безусловной потребностью, и чтобы не принять всевозможныхъ предосторожностей, и, кромѣ того, я лично заинтересованъ въ этой тайнѣ, такъ какъ подвергаюсь опасности, которая можетъ отразиться на всей моей родинѣ. Между тѣмъ, высказаться необходимо; такъ какъ, если я буду молчать, то не смогу ничего прибавить къ неувѣреннымъ разсужденіямъ настоящаго письма.

Вотъ все, что я могу сказать въ данный моментъ; лишь только отправившись на мѣсто и хорошенько прозондировавъ почву, я нашелъ бы возможнымъ оріентироваться. Не скрою отъ Вашего Величества своего крайняго сожалѣнія, что Вы мнѣ не сообщили болѣе обстоятельно о подробностяхъ плана, т.-е. о способахъ его развитія и выполненія, не упомянули о преимуществахъ, на которыя поляки могутъ расчитывать, такъ какъ, имѣя въ распоряженіи болѣе положительныя данныя, я былъ бы въ состояніи Вамъ отвѣтить съ большей увѣренностью. Вы могли, Всемилостивѣйшій Государь, составить такую комбинацію, о которой я могъ

бы Васъ предупредить, если бы она была неподходящей, такъ какъ въ такомъ случаѣ, можно было быть заранѣе увѣреннымъ, что предложеніе ея не будетъ принято. Ваше Величество, между прочимъ, говорите довольно неопредѣленно о какомъ-то государствѣ, желающемъ возстановить Польшу, не указывая ясно, что это Россія. Благоволите, Государь, выразиться точнѣе и припомнить, что возсоединеніе всѣхъ частей Польши составляетъ одно изъ непремѣнныхъ условій, чтобы овладѣть общественнымъ мнѣніемъ въ герцогствѣ, и остальная Галиція, въ свое время, не должна быть забыта въ этомъ отношеніи. Удостойте сообщить мнѣ, Ваше Величество, если Вы признаете удовлетворяющими всѣ свѣдѣнія, способныя увеличить вѣроятность успѣха. Не нескромное любопытство побуждаетъ меня желать дальнѣйшихъ разъясненій, испрашивая ихъ какъ можно скорѣе у Вашего Императорскаго Величества. Быть можетъ, только эти подробности могли бы служить неопровержимыми аргументами, способными повліять на мнѣнія тѣхъ, которымъ придется выбирать между pro и contra. Во всякомъ случаѣ, только ясно выраженныя и опредѣленныя условія могли бы разсѣять сомнѣнія и скорѣе вызвать окончательный отвѣтъ.

Если этому дѣлу суждено имѣть благопріятный конецъ, то я желалъ бы, чтобы все было предусмотрѣно, условлено и опредѣлено такъ, чтобы Польшѣ было по-

ложительно извѣстно, чего она можетъ ждать отъ Вашего Императорскаго Величества, и чтобы, въ свою очередь, Ваше Величество были тоже освѣдомлены, чего Вы можете требовать отъ поляковъ, такъ, чтобы во всемъ этомъ не было обмана и вообще ничего, что было бы упущено или не соотвѣтствовало обоюднымъ ожиданіямъ.

Я еще не упоминалъ о Саксонскомъ королѣ. Этотъ государь пользуется уваженіемъ и могъ бы быть любимъ, если бы проявлялъ болѣе участія къ странѣ и ея интересамъ, и если бы всѣ не были увѣрены, что герцогство въ его рукахъ только вкладъ, отданный на храненіе. Тѣмъ не менѣе, это тоже препятствіе, вслѣдствіе признаваемыхъ къ нему обязанностей. Если бы была возможность предложить ему желаемыя компенсаціи и предложеніе это было бы сдѣлано въ свое время и съ вѣдома Варшавскаго правительства, или даже при помощи и его посредника, то съ этой стороны затрудненія могли бы считаться почти улаженными.

Вообще, чтобы имѣть возможность приступить къ дѣлу, надо было бы ему придать наизаконнѣйшую форму. Что касается до меня лично, то, если благодѣтельныя намѣренія Вашего Императорскаго Величества относительно Польши могли бы не осуществиться, и если бы Ваша политика потребовала обхожденія съ этой страной съ суровостью непріятеля, то Вы легко согласитесь, что при такомъ ужасномъ предположеніи, я по-

чти не могъ бы Вамъ быть полезенъ, и какъ сильно я долженъ желать освободиться отъ службы въ государствѣ, которое могло быть хотя невольной причиной паденія и окончательной гибели моей родины. Съ другой стороны, если планъ Вашего Величества удастся, то мнѣ кажется, что, какъ полякъ, я лучше бы сумѣлъ служить общественнымъ интересамъ, не состоя на русской службѣ. Такъ какъ Вашему Императорскому Величеству лучше всѣхъ извѣстны мои взгляды и мое положеніе, а также то, что можетъ случиться, то я умоляю Васъ соизволить принять во вниманіе эти двѣ альтернативы. Я забылъ спросить, не имѣете ли Вы, Ваше Императорское Величество, намѣренія сдѣлать попытку къ заключенію общаго мира и испробовать, нельзя ли добиться цѣли, не прибѣгая къ войнѣ.

Я не могъ бы выразить, Государь, того, что со мной происходитъ, какъ я постоянно волнуюсь при столькихъ надеждахъ и опасеніяхъ. Какое было бы счастье работать одновременно для освобожденія столькихъ страдающихъ народовъ, для благоденствія моей родины и для славы Вашего Величества! Какое было бы счастье видѣть примиренными разнородные интересы, которые, казалось, самой судьбой были разъединены на-вѣки! Но мнѣ часто представляется, что все это слишкомъ хорошо, чтобы могло осуществиться, и что духъ зла, который, кажется, зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы разрушить комбинаціи, сулящія слишкомъ много

благополучія человѣчеству, добьется того что разстроитъ также и этотъ планъ.

Согласно Вашимъ приказаніямъ, я отправляю мое письмо М. Ланскому. Если мои разностороннія разсужденія побудятъ Ваше Величество привести въ исполненіе этотъ планъ, то я льщу себя надеждой, что Вы соизволите меня извѣстить о Вашихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Въ свою очередь, я буду ихъ ждать съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Бржекъ мѣстечко, находящееся подъ бдительнымъ надзоромъ. Благоволите, Ваше Величество, приказать, чтобы курьеръ, которому будетъ поручено Ваше письмо, ѣхалъ бы до заставы Рюпъ, находящейся противъ Влодавы, города герцогства, въ десяти лье отъ Бржека, вверхъ по теченію Буга, вызвалъ бы М. Завадскаго, судью этого города, состоящаго со мной въ родствѣ, и передалъ бы ему письмо, адресованное на мое имя. Кромѣ того, я предлагаю еще не менѣе вѣрный путь, такъ какъ полезно имѣть возможность выбирать и разнообразить способы: а именно, чтобы курьеръ добрался до Училу и попросилъ бы таможеннаго чиновника Грознова отыскать въ Порикѣ М. Готембьевскаго, которому онъ и передастъ письмо. Завадскій и Готембьевскій люди надежные и оба предупреждены, что они должны направить пакетъ кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ въ Пулави. Курьеръ не долженъ говорить, что это письмо отъ Вашего Величества. Было бы лучше, если бы на немъ было штат-

ское платье, и кромѣ того, онъ не долженъ дѣлать огласки.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ:

PS.—Лица, только что пріѣхавшія изъ Варшавы, сообщили мнѣ, что тамъ много говорятъ о войнѣ, и что, по извѣстіямъ изъ Россіи, можно судить, что тамъ дѣлаютъ запасы оружія, что началось движеніе въ войскахъ внутри страны и что здѣсь это всѣхъ тревожитъ.

XIII.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

Третьяго дня вечеромъ, любезный другъ, я получилъ Ваше интересное письмо отъ 18—30 января и тороплюсь Вамъ тотчасъ же отвѣтить.

Согласенъ, что указанныя въ немъ затрудненія огромны; но такъ какъ я ихъ большею частію предвидѣлъ и результаты ихъ такъ важны, то останавливаться на полдорогѣ было бы крайне невыгодно.

Вникнувъ хорошенько въ содержаніе Вашего письма и ставъ на Вашу точку зрѣнія, я счелъ возможнымъ вывести изъ него, главнымъ образомъ, слѣдующія заключенія:

1. Неизвѣстность, въ которой вы находитесь относительно государства, которое должно реализовать воссоединеніе Польши.

2. Таковая же неизвѣстность по отношенію къ характеру этого возрожденія и боязнь, что не пойдутъ

на то, чтобы все, что нѣкогда составляло Польшу, было бы соединено въ одно цѣлое.

3. Необходимость вселить въ поляковъ увѣренность въ лучшее положеніе вещей, чѣмъ то, въ которомъ они находятся, для того, чтобы расположить ихъ въ свою пользу.

4. Испытываемый Вами страхъ по поводу недостаточности военныхъ силъ, имѣющихъ быть выставленными противъ Наполеона!

Вотъ пункты, на которые я считаю своей обязанностію отвѣтить сначала, оставляя за собой право затронуть другіе ниже.

1. Государство, о которомъ я хотѣлъ трактовать, желающее взяться за возстановленіе Польши—Россія.

2. Говоря о возрожденіи, я подразумѣваю соединеніе всего, что нѣкогда было Польшей, включая сюда русскія области, кромѣ Бѣлоруссіи, считая границами Двину, Березину и Днѣпръ.

3. Правительственные чиновники, начальство, а также войско должны всецѣло принадлежать къ польской національности.

4. Такъ какъ я не помню хорошо текста конституціи 3-го мая, то и не могу ничего рѣшить, не взглянувъ предварительно на него, и я прошу Васъ мнѣ его выслать. Во всякомъ случаѣ, жителямъ предоставлена либеральная конституція, способная удовлетворить ихъ желанія.

5. Чтобы убѣдить въ искренности моихъ предложеній, должны быть прежде всего обнародованы заявленія о возстановленіи Польши, и такимъ путемъ слѣдуетъ начать выполненіе плана.

6. Но необходимыя условія, при которыхъ возможны подобные результаты, таковы:

1. Чтобы королевство Польша была навсегда присоединена къ Россіи, Императоръ которой долженъ отнынѣ носить титулъ Русскаго Императора и короля Польскаго.

2. Форменное и положительное удостовѣреніе въ единствѣ намѣреній и чувствъ въ жителяхъ герцогства для производства подобнаго результата, гарантируемаго подписью выдающихся личностей. Теперь я попробую ослабить Ваши опасенія относительно недостаточности военныхъ силъ, готовыхъ къ выступленію.

Войско, которое должно подкрѣплять и сражаться вмѣстѣ съ поляками, совершенно организовано и состоитъ изъ восьми дивизіоновъ инфантеріи, каждый по 10,000 человѣкъ, въ полномъ комплектѣ. Это дивизіоны №№ 2, 3, 4, 14, 17, 23 и дивизіонъ гренадеръ. Четыре дивизіона кавалеріи, по 4,000 конницы каждый. Это дивизіоны №№ 1, 2, 3 и дивизіонъ 2-й кирасиръ; въ итогѣ 96,000 человѣкъ. Сверхъ того, пятнадцать казачьихъ полковъ, что составляетъ 7,500 конницы; въ общемъ 106,500.

Всѣ нестроевые въ счетъ не идутъ.

Эта армія будетъ подкрѣпляться другой, составленной изъ одиннадцати дивизіоновъ инфантеріи, №№ 1, 7, 9, 11, 12, 15, 18, 24, 26, изъ дивизіона гренадеръ, дивизіона гвардейцевъ и изъ четырехъ дивизіоновъ кавалеріи, а именно: №№ 4, 5, дивизіона 1-го кирасиръ и дивизіона гвардейской кавалеріи.

Всего семнадцать казачьихъ полковъ. Въ итогѣ — 134,000 человѣкъ.

Наконецъ, третья армія, сформированная изъ резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, состоитъ изъ 45,000 ратниковъ и можетъ быть усилена 80,000 рекрутъ, обмундированныхъ и уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ обученныхъ въ казармахъ.

Молдавская армія могла бы въ случаѣ необходимости также отдѣлить нѣсколько дивизіоновъ, и это не помѣшало бы ей остаться въ оборонительномъ положеніи; арміи же въ Финляндіи и Грузіи, а также отрядъ въ Крыму остаются цѣликомъ неприкосновенными.

Во-1-хъ возникаютъ два затрудненія:

1. Присоединеніе Галиціи представляетъ собою одно изъ нихъ, по отношенію къ Австріи. Положительно необходимо съ ней поступать осторожно, избѣгая задѣвать ее по пустякамъ. На этомъ основаніи, я рѣшилъ ей предложить Молдавію и Валахію до Серета, въ обмѣнъ на Галицію. Но присоединеніе Галиціи слѣдовало бы обязательно отложить до соглашенія съ Ав-

стріей, чтобы ей доказать, что относительно нея не питаютъ неблагопріятныхъ намѣреній.

Слѣдовательно, королевство Польша было бы въ началѣ составлено изъ Варшавскаго герцогства и русскихъ областей.

2. Дарованіе компенсаціи Саксонскому королю представляетъ собою второе затрудненіе, изъ котораго мнѣ будетъ тяжелѣе выпутаться. Въ сущности, я признаю себя обязаннымъ сдѣлать это лишь въ томъ случаѣ, если онъ перейдетъ на мою сторону.

Установивъ эти факты, я приступлю къ обсужденію моего плана.

Внѣ сомнѣнія, что Наполеонъ старается вызвать Россію на разрывъ, въ надеждѣ, что я сдѣлаю промахъ и буду зачинщикомъ. Это было бы, дѣйствительно, ошибкой въ настоящихъ обстоятельствахъ, и я рѣшился ее не совершать. Но положеніе мѣняется, если поляки пожелаютъ ко мнѣ присоединиться. Усиленный 50,000 человѣкъ, которыми я былъ бы имъ обязанъ, а также 50,000 пруссаковъ, которые тогда безъ риска могутъ къ намъ примкнуть, и возбужденный нравственнымъ переворотомъ, неизбѣжно бы тогда совершившимся въ Европѣ, я могъ бы безъ кровопролитія добраться до Одера.

Соглашаюсь съ Вами, и полагаю, что предложеніе мира здѣсь умѣстно. Если оно даже не будетъ принято и война должна быть неминуемо, то разсмотримъ вни-

мательно и безпристрастно оба положенія и происходящія изъ нихъ для поляковъ выгоды.

Первое предположеніе, въ которомъ я предполагаю, что поляки связаны съ Франціей и дѣйствуютъ съ ней сообща.

Оно подраздѣляется на два случая:

1. Россія принимаетъ рѣшеніе не производить атаки, Наполеонъ, можетъ быть, тоже не желаетъ дѣлать перваго шага, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока онъ занятъ дѣлами Испаніи, гдѣ находится большая часть его войска. Тогда положеніе вещей останется такимъ же, какъ и теперь, и, слѣдовательно, возстановленіе Польши окажется отложеннымъ на болѣе отдаленное и неопредѣленное время.

2. Если же, напротивъ, Наполеонъ сдѣлаетъ наступленіе и въ то же время провозгласитъ возстановленіе Польши, при чемъ подъ Польшей слѣдуетъ подразумѣвать Варшавское герцогство, такъ какъ русскія области придется добывать силою оружія, — то Варшавское герцогство и польскія провинціи сдѣлаются театромъ войны и всевозможныхъ опустошеній. Такъ что можно утверждать съ увѣренностію, что послѣ подобной войны, каковъ бы ни былъ ея результатъ, Польша будетъ представлять изъ себя обширную пустыню, и ея жители станутъ несчастнѣйшими жертвами послѣдствій этой войны.

Таковъ вѣроятный результатъ провозглашенія Польши Франціей.

Второй случай, въ которомъ я усматриваю поляковъ, соединенныхъ съ Россіей для совмѣстныхъ дѣйствій.

Непзбѣжныя послѣдствія таковы:

1. Возстановленіе Польши, вмѣсто отсрочки, состоится прежде всего.

2. Подъ возстановленіемъ Польши будетъ подразумѣваться Варшавское герцогство вмѣстѣ съ русскими провинціями, а также довольно положительная надежда на присоединеніе къ Польшѣ и Галиціи.

3. Театръ войны, вмѣсто того, чтобы находиться въ глубинѣ Польши, будетъ перенесенъ на Одеръ.

Таковы неизбѣжные результаты, между тѣмъ какъ вѣроятными послѣдствіями могутъ быть:

1. Полный переворотъ во взглядахъ Европы.

2. Довольно значительная убыль въ войскахъ Наполеона и черезъ это еще шансъ на успѣхъ, такъ какъ Наполеону будетъ очень трудно отозвать свои войска изъ Испаніи, имѣя тамъ дѣло съ озлобленной противъ него націей, насчитывающей болѣе 300,000 ратниковъ, и которая не удовольствуется его отступленіемъ, но проникнетъ во Францію, воспользовавшись новой войной, свалившейся на голову Наполеона.

3. Освобожденіе отъ гнета, отъ котораго изнемогаетъ Европа.

4. Польша, ставшая снова королевствомъ, государствомъ, присоединеннымъ къ сильной Имперіи, войска которой изъ собственнаго интереса будутъ всегда готовы къ ея защитѣ.

5. Возстановленная торговля, уничтоженная нищета, либеральная конституція, налоги, идущіе на потребности страны, а не такъ, какъ теперь, вымогаемые единственно для того, чтобы содержать слишкомъ многочисленное войско, назначенное служить честолюбивымъ планамъ Наполеона.

6. Наконецъ, даже высказываемая Вами боязнь, относительно 20,000 человѣкъ, находящихся на службѣ Наполеона, кажется мнѣ лишенной основанія, потому что самое худшее, что съ ними могло бы случиться, это то, что въ продолженіе нѣкотораго времени они будутъ считаться плѣнниками. Не слѣдуетъ ли еще прибавить ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, что успѣхъ Франціи зависитъ единственно отъ личности Наполеона и что, если бы онъ погибъ, участіе, принимаемое Франціей въ Польшѣ, угасло бы вмѣстѣ съ нимъ. Между тѣмъ какъ, напротивъ того, войны съ Россіей, какъ результатъ возстановленія Польши Франціей, сдѣлаются нескончаемыми и послѣ смерти Наполеона возобновятся съ новой силой. Какой источникъ страданій для бѣднаго человѣчества и для потомства!

Такова представляющаяся мнѣ картина; и вотъ ея резюме:

1. Я рѣшился до тѣхъ поръ не начинать войны съ Франціей, пока не буду увѣренъ въ содѣйствіи Польши.

2. Если союзъ поляковъ съ Россіей долженъ состояться, то слѣдуетъ, чтобы я въ этомъ получилъ удостовѣренія и несомнѣнныя доказательства; лишь тогда я могу дѣйствовать вышеупомянутымъ образомъ. И въ такомъ случаѣ надлежитъ, чтобы Вы мнѣ прислали всѣ нужныя для этой цѣли бумаги, какъ-то: прокламаціи, конституцію и всѣ другіе необходимые акты. Они могутъ быть составлены только въ Варшавскомъ герцогствѣ и должны заключать въ себѣ множество неизвѣстныхъ здѣсь подробностей. Мнѣ остается лишь упомянуть о высказанныхъ Вами опасеніяхъ, какъ бы Коленкуръ не проникъ въ тайну, о которой идетъ рѣчь. Проникнуть въ нее невозможно, такъ какъ даже канцлеру ничего неизвѣстно о нашей перепискѣ. Не одинъ разъ обсуждали мы съ нимъ этотъ вопросъ, но я не хотѣлъ, чтобы кто-либо зналъ, что я уже занятъ этими мѣропріятіями. Что касается до военныхъ приготовленій, то я придалъ имъ характеръ обороны, нисколько ихъ не скрывая. Франція сама мнѣ подала къ этому поводъ, непрерывно усиливая свое сѣверное войско. Я говорилъ объ этомъ откровенно съ Коленкуромъ, и Чернышевъ отвезъ въ Парижъ письмо, гдѣ я даже высказалъ это Императору, утверждая постоянно, что мои дѣйствія обусловлены мѣрами предосторожности, но что я твердо

рѣшился придерживаться моей системы и, конечно, не быть зачинщикомъ. Но вотъ въ чемъ я долженъ сознаться. Мнѣніе, что мнѣ слѣдовало бы принять на себя титулъ Польскаго короля, все болѣе и болѣе распространяется въ Петербургскомъ обществѣ. Если это, съ одной стороны, внушаетъ увѣренность, что къ этому поступку отнесутся одобрительно, то, съ другой стороны, подобные разговоры въ настоящій моментъ скорѣе вредны, чѣмъ полезны и я, насколько возможно стараюсь, чтобы они затихли, утверждая, что это невозможная вещь.

Я долженъ Васъ также предупредить, что мнѣ изъ вѣрнаго источника извѣстно, что Вы находитесь подъ надзоромъ министра парижской полиціи; поэтому удвойте Вашу бдительность и осторожность, даже по отношенію къ Вашимъ приближеннымъ. Назначеніе Биньона вмѣсто Серра представляетъ собою еще новое затрудненіе; его считаютъ очень безпокойнымъ человѣкомъ.

Я воспользуюсь для нашей переписки указанными Вами путями и прилагаю при семъ два подписанныхъ бланка, для пропуска черезъ наши границы, если Вамъ встрѣтится надобность мнѣ выслать нарочныхъ.

Я буду ждать съ величайшимъ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта. Весь Вашъ сердцемъ и душою на всю жизнь.

Прошу Васъ передать отъ меня тысячу пожеланій Вашимъ роднымъ, брату и сестрамъ.

XIV.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

С.-Петербургъ, 1-ое апрѣля, 1812 г.

Не знаю, любезный другъ, поняли ли Вы причину моего молчанія.

Ваши предыдущія письма оставили мнѣ слишкомъ мало надежды на удачу, чтобы я имѣлъ право дѣйствовать, на что я бы могъ лишь тогда сознательно рѣшиться, если бы предвидѣлъ хотя нѣкоторую вѣроятность успѣха. Я, слѣдовательно, былъ долженъ безропотно примириться съ ходомъ событій и не вызывать своими поступками борьбы, все значеніе и опасности которой я сознаю прекрасно, не вѣря, однако, въ возможность отъ нихъ избавиться.

Къ этому присоединяется еще другая причина: я узналъ изъ вѣрнаго источника, что за каждымъ Вашимъ шагомъ слѣдятъ и что Васъ окружаютъ самые ловкіе шпіоны. Не желая Васъ подвергать малѣйшей опасности, я полагалъ, что, если я прекращу съ Вами вся-

кія отношенія на довольно значительное время, то возникшія противъ Васъ подозрѣнія улягутся, и что тогда, приложивъ къ этому болѣе осторожности и осмотрительности чѣмъ прежде, мы можемъ возобновить нашу переписку безъ вреда для Васъ.

Наконецъ, занимавшіе насъ проекты, можетъ быть, по своему правдоподобію, не ускользнувшему отъ вниманія всѣхъ здравомыслящихъ существъ, или вслѣдствіе нескромности нѣкоторыхъ Вашихъ соотечественниковъ, которые, съ добрыми намѣреніями, неосторожно распространили свои собственныя мысли, проекты эти, говорю я, пріобрѣли гласность, которая могла быть для нихъ только очень невыгодной, такъ какъ объ этомъ заговорили въ Дрезденѣ и Парижѣ. Всѣ эти соображенія заставили меня хранить долгое молчаніе, но ни интересъ, внушенный мнѣ занимавшими насъ мечтами, ни рѣшеніе осуществить ихъ на дѣлѣ, когда этому будутъ благопріятствовать обстоятельства, не покинули меня ни на минуту. Прилагаемыя при семъ бумаги могутъ Васъ убѣдить лучше, чѣмъ бы я это сдѣлалъ на словахъ.

Разрывъ съ Франціей кажется неизбѣжнымъ. Цѣль Наполеона уничтожить или, по меньшей мѣрѣ, унизить послѣднее государство, пользующееся уваженіемъ въ Европѣ, и, чтобы этого добиться, онъ выдвигаетъ впередъ непріемлемыя требованія, которыя несовмѣстимы съ достоинствомъ Россіи.

1. Онъ желаетъ, чтобы были прерваны всякія торговыя сношенія съ нейтральными державами. Это значитъ, лишить насъ единственной торговли, которая намъ остается.

2. Въ то же время онъ требуетъ, чтобы лишившись всякой возможности вывоза за-границу нашихъ собственныхъ произведеній, мы не дѣлали бы никакихъ препятствій для ввоза предметовъ французской роскоши, что было у насъ запрещено, такъ какъ мы стали не такъ богаты, чтобы ихъ оплачивать.

Такъ какъ я бы никогда не могъ согласиться на подобныя предложенія, то весьма вѣроятно, что слѣдствіемъ этого будетъ война, несмотря на то, что Россія сдѣлала все, чтобы ея избѣжать. Она заставитъ кровь литься ручьями, и эти бѣдные люди будутъ опять принесены въ жертву ненасытному честолюбію человѣка, казалось, созданнаго лишь для ихъ несчастія. Вы слишкомъ освѣдомлены, чтобы не видѣть, насколько ему чужды либеральныя идеи по отношенію къ Вашему отечеству. Наполеонъ имѣлъ по этому поводу конфиденціальные разговоры съ австрійскимъ и прусскимъ посланниками и тонъ, въ которомъ онъ высказался, рисуетъ прекрасно его характеръ и недостатокъ привязанности къ Вашимъ соотечественникамъ, которыхъ онъ считаетъ лишь орудіемъ своей ненависти къ Россіи.

Эта война, которой, какъ кажется мнѣ, не придется избѣжать, освобождаетъ меня отъ всякихъ предосторожностей, соблюдаемыхъ мною относительно Франціи, и позволяетъ мнѣ свободно заняться моими любимыми мечтами о возрожденіи Вашего отечества.

Слѣдовательно, надо лишь опредѣлить наиболѣе выгодный путь для обезпеченія успѣха нашимъ планамъ и, чтобы у Васъ было болѣе основаній для Вашихъ сужденій, то я считаю полезнымъ дать Вамъ нѣкоторыя указанія, относительно военныхъ операцій.

Хотя не невозможно, чтобы мы могли съ нашими войсками добраться до Вислы, даже перейти ее и, такимъ образомъ, вступить въ Варшаву, все-таки будетъ благоразумнѣе не строить нашихъ расчетовъ на столь выгодныхъ шансахъ; изъ-за этого рождается необходимость сообразовать наши поступки съ тѣмъ, чтобы не расчитывать на помощь и преимущества, которыя бы намъ могло доставить обладаніе Варшавой. Слѣдовательно, намъ нужно будетъ сосредоточить нашу дѣятельность въ нашихъ областяхъ.

Изъ этого вытекаютъ нѣсколько крайне важныхъ для рѣшенія вопросовъ.

Какой самый удобный моментъ, чтобы провозгласить возстановленіе Польши?

Совпадаетъ ли онъ съ моментомъ разрыва?

Будетъ ли это послѣ того, какъ военныя дѣйствія доставятъ намъ извѣстныя высшія преимущества?

Если предпочтеніе можетъ быть оказано второму условію, то будетъ ли полезно успѣху нашихъ плановъ, если учредить Великое герцогство Литовское, какъ предварительное мѣропріятіе, и даровать ему одну изъ памѣченныхъ конституцій?

Или слѣдуетъ отложить это мѣропріятіе, присовокупивъ его къ возрожденію Польши въ полномъ составѣ?

Я прошу Васъ выяснить мнѣ откровенно Ваше мнѣніе на эти существенные вопросы; я также желаю, чтобы Вы мнѣ изложили Вашъ взглядъ на прилагаемыя бумаги; и которая изъ двухъ заслуживаетъ предпочтенія; не найдете ли Вы, быть можетъ, болѣе полезнымъ присоединить къ нимъ третій проектъ, и я уполномочиваю Васъ руководиться лишь собственнымъ убѣжденіемъ.

Я не буду здѣсь болѣе заниматься разсужденіями о двухъ шансахъ, представляющихся Россіи въ этой борьбѣ. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ уже исчерпанъ въ моихъ предыдущихъ письмахъ; удовольствуюсь единственно лишь тѣмъ, что напомню объ огромномъ пространствѣ земли, которое имѣетъ за собою русское войско на случай отступленія и чтобы не позволить разстроить свои ряды, а также о затрудненіяхъ, которыя увеличатся по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ будетъ удаляться отъ своихъ вспомогательныхъ войскъ. Если война будетъ объявлена, то здѣсь рѣшено

не складывать оружія. Собранные военные рессурсы очень велики; общественное настроеніе превосходно и существенно разнится отъ бывшаго прежде, чему Вы были уже дважды свидѣтелемъ. Нѣтъ болѣе того хвастовства, заставлявшаго презирать своего врага. Напротивъ того, дѣлаютъ надлежащую оцѣнку его силѣ и вѣрятъ, что перемѣна счастья очень возможна; но несмотря на это, принято рѣшеніе поддерживать честь Имперіи до послѣдней крайности.

Какой эффектъ произвело бы присоединеніе поляковъ въ подобномъ случаѣ? Громадный, и масса нѣмцевъ, подчиняясь симъ обстоятельствамъ, конечно, послѣдовали бы примѣру первыхъ. Нельзя ли вызвать этотъ крупный результатъ?

Швеція заключила съ нами оборонительный и наступательный союзы. Наслѣдный принцъ сгораетъ отъ желанія стать противникомъ Наполеона, къ которому онъ питаетъ давнишнюю личную непріязнь, и, идя по стопамъ Густава-Адольфа, только и стремится быть полезнымъ такому дѣлу, какъ дѣло угнетенія Европы.

Я не сомнѣваюсь, что Вы сами, выказывая всегда столько рвенія къ этому дѣлу, почувствуете скоро тѣ огромныя выгоды, которыя послѣдуютъ для Европы и для человѣчества вообще, если она восторжествуетъ, и, какъ полякъ, Вы не можете обманываться насчетъ тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергается Ваша родина, если, шествуя подъ знаменами Франціи, она тѣмъ са-

мымъ дастъ Россіи право отмстить ей за все содѣянное зло.

Я желаю, чтобы Вы мнѣ дали списокъ личностей, на которыхъ мы могли бы расчитывать при выполненіи нашихъ плановъ. Было бы крайне выгодно, если бы въ томъ числѣ находились военные, изъ арміи герцогства.

Сообразуясь съ Вашими совѣтами, я до сихъ поръ былъ очень сдержанъ съ Вашими соотечественниками въ нашихъ областяхъ, считающимися крайне злонамѣренными по отношенію къ Россіи, надѣясь, что эта сдержанность будетъ оцѣнена. Но, между тѣмъ, она скорѣе породила мысль, что особаго рода страхъ принуждаетъ насъ съ ними скрытничать. Если война начнется, то было бы крайне необходимо опредѣлить свое къ нимъ послѣдующее поведеніе. Отъ этого зависитъ общественная безопасность, и я бы очень желалъ, чтобы Вы мнѣ высказали по этому поводу Ваши мысли.

Я прошу Васъ, любезный другъ, адресовать Вашъ отвѣтъ въ Вильну, направивъ его черезъ Гродненскаго губернатора М. Ланского, или какимъ-либо совершенно другимъ путемъ, который Вамъ покажется самымъ надежнымъ и быстрымъ. Это письмо Вамъ доставитъ Клушинскій.

Я замѣчаю, что не отвѣтилъ Вамъ на постскриптумъ Вашего послѣдняго письма, отъ 25 января; идея

заставить Наполеона по доброй волѣ возстановить Польшу, подчинивъ ее королю, Русскому Императору, есть плодъ воображенія. Онъ никогда не согласится на такой выгодный для Россіи результатъ и въ особенности въ тотъ моментъ, когда онъ занятъ составленіемъ гибельныхъ для нея плановъ. Онъ никогда не сочтетъ угодливостью со стороны Россіи, что она не помѣшала ему овладѣть Пруссіей только благодаря невозможности, явившейся слѣдствіемъ полнаго недостатка энергіи Прусскаго короля, который признавалъ Берлинъ и дворецъ за свое государство.

Прощайте, любезный другъ, одному только Провидѣнію извѣстенъ исходъ, уготованный всѣмъ грядущимъ великимъ событіямъ. Мнѣ было бы очень пріятно Васъ опять увидѣть въ Вильнѣ, куда я черезъ три дня отправляюсь, хотя бы не на долго, въ такіе интересные моменты; но я не отваживаюсь Вамъ это предложить, такъ какъ прекрасно сознаю опасность, которую представляла бы для Васъ эта поѣздка. Руководитесь во всемъ этомъ лишь Вашей собственной осторожностію и вѣрьте, что я Вамъ преданъ сердцемъ и душою на всю жизнь.

Мое почтеніе всему Вашему семейству, къ которому я питаю искреннюю привязанность.

XV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

4 іюля (22 іюня) 1812 *).

Съ первой минуты, когда я имѣлъ счастье сблизиться съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, моя крайняя привязанность къ родинѣ сдѣлалась Вамъ достовѣрно извѣстной, и въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи, мои неизмѣнныя чувства по этому поводу всегда Вамъ были ясны, такъ какъ во многихъ случаяхъ они даже передъ Вами обнаруживались.

---

*) Легко понять, что между этимъ письмомъ и предыдущими событія сдѣлали шагъ впередъ. Война между Франціей и Россіей уже больше не была предположеніемъ, но совершившимся фактомъ. Кампанія уже началась. Въ Варшавѣ, 26 іюня 1812 года, подъ предсѣдательствомъ князя Адама-Казиміра Чарторижскаго, отца князя Адама, собрался сеймъ, который открылся провозглашеніемъ возстановленія королевства Польши; этотъ сеймъ созывалъ собранія и побудилъ все народонаселеніе къ всеобщему союзу. Всѣмъ полякамъ, находящимся на службѣ Россіи, было

Полякъ по рожденію, воспитанный въ принципахъ истиннаго патріотизма, свидѣтель счастья, которое, казалось, въ теченіе короткихъ моментовъ улыбалось моей несчастной родинѣ, я раздѣлялъ энтузіазмъ, воодушевлявшій всѣ сердца, и поднялъ оружіе для его защиты въ дѣлѣ, по своей справедливости, равномъ ея несчастью. Эти впечатлѣнія моей молодости, начертали въ моей душѣ неизгладимыми буквами тѣ обязанности, которыя каждый человѣкъ при рожденіи принимаетъ на себя по отношенію къ родинѣ.

Когда Ваше Императорское Величество сонзволили заставить меня принять активное участіе въ дѣлахъ, я сначала умолялъ Васъ меня отъ этого уволить, напоминая Вамъ, что въ будущемъ, при возможныхъ случайностяхъ, упованія Польши и извѣстные Вамъ мои

приказано ее оставить. Изъ этого видно, какъ щекотливо и тяжело было положеніе князя Адама, которому пришлось выбирать между обязанностями патріота, что онъ ставилъ превыше всего, и задушевной дружбой, связывавшей его съ Александромъ, еще болѣе укрѣпившейся съ тѣхъ поръ, какъ ему подъ секретомъ были довѣрены недавніе проекты Императора. Въ сущности, чтобы закончить характеристику поведенія князя Адама въ этихъ обстоятельствахъ, слѣдовало бы помѣстить на ряду съ этими письмами къ Императору, прекрасное письмо, написанное имъ съ другой стороны М. Матусевичу, министру герцогства, чтобы объяснить почему онъ не могъ отправиться въ Варшаву. Письмо это было опубликовано въ „Взглядѣ на политическое положеніе королевства Польши подъ русскимъ владычествомъ“. Парижъ 1832.

взгляды на этотъ вопросъ могли сдѣлаться противными благу Вашей службы, и что я долженъ избѣгать подобнаго опаснаго осложненія своихъ обязанностей. Когда же я, наконецъ, подчинился Вашей волѣ и занялъ мѣсто въ министерствѣ, то эти же самыя соображенія и эти главныя обязанности поставили, по Вашему собственному признанію, извѣстныя границы въ моей служебной дѣятельности. Горя желаніемъ совмѣстить эти обязанности съ внушенными мнѣ преданностію къ особѣ Вашего Императорскаго Величества и довѣріемъ, которымъ Вы меня удостоили, я предложилъ Вамъ семь лѣтъ тому назадъ пойти навстрѣчу Польшѣ въ ея начинаніяхъ и расположить навсегда въ свою пользу мнѣнія и стремленія моихъ соотечественниковъ, пріобщивъ ихъ интересы къ интересамъ своей славы. Было бы излишне разсуждать здѣсь о представлявшемся тогда Вашему Императорскому Величеству удобствѣ послѣдовать этому плану. Мнѣ точно также не слѣдуетъ распространяться о причинахъ, помѣшавшихъ его осуществленію. Въ позднѣйшее время случай нѣсколько разъ благопріятствовалъ его исполненію; но время безполезно протекало, а затрудненія при попыткѣ приступить снова къ его выполненію пропорціонально увеличивались.

Ваше Императорское Величество соблаговолили снизойти къ моимъ неотступнымъ просьбамъ и разрѣшить мнѣ, начиная съ лѣта 1806 года, оставить тотъ постъ,

который Вы мнѣ соизволили довѣрить въ министерствѣ. Что было лишь смутнымъ безпокойствомъ, въ началѣ моей общественной карьеры, становилось боязнью, имѣвшей основаніе. Эта боязнь возрастала съ каждымъ днемъ вслѣдствіе политическихъ событій, послѣдовательно наступавшихъ, которыя указывали, чего еще слѣдовало ожидать; вслѣдствіе учрежденія Варшавскаго герцогства, въ чемъ каждый полякъ усматривалъ зачатокъ своей родины; по причинѣ войны 1809 года, которая собрала во едино всѣхъ членовъ моей фамиліи въ герцогствѣ, сдѣлавшемся ихъ мѣстопребываніемъ, когда мои соотечественники, находившіеся подъ двумя различными владычествами, соединились и выказали безграничное самоотверженіе относительно своей общей родины.

Съ тѣхъ поръ я почувствовалъ, что во многихъ случаяхъ я болѣе не могъ согласовать своихъ обязанностей, которыя неизбѣжно сталкивались, и я предвидѣлъ приближавшійся моментъ, когда онѣ станутъ прямо противоположными другъ другу.

Ваше Императорское Величество имѣли возможность часто судить о моемъ безпокойствѣ. Презирая всякое двусмысленное поведеніе, и не будучи въ состояніи его выдерживать, я старался держаться подальше отъ Петербурга; скоро будетъ два года, какъ я хлопоталъ даже о чистой отставкѣ, позволивъ себѣ, Всемилостивѣйшій Государь, напомнить Вамъ о моемъ про-

шеніи въ двухъ послѣдующихъ письмахъ. Ваше Величество, отказавъ мнѣ въ увольненіи отъ службы, соблаговолили мнѣ разрѣшить продлить мое пребываніе среди родныхъ, въ единственномъ, подходящемъ для меня убѣжищѣ, гдѣ я могъ на нѣкоторое время укрыться отъ внушавшихъ мнѣ страхъ столкновеній.

События, непосредственно предшествовавшія настоящему кризису, побудили меня въ моихъ послѣднихъ письмахъ, отъ 22 мая (4 іюня) и отъ 1-го (13 іюня), повторить мою просьбу о полной отставкѣ съ настойчивостію, равной возрастающимъ затрудненіямъ въ моемъ положеніи.

Насталъ моментъ, Государь, когда мои разностороннія обязанности не могутъ быть болѣе совмѣстимы. Какъ бы я ни былъ преданъ моей странѣ, какія бы моленія ни возносилъ о ея счастьѣ, я все-таки съ тревогой и грустью заявляю объ этомъ рѣшеніи Вашему Императорскому Величеству. Какой бы то ни было выборъ становится неизбѣжнымъ. Я глубоко чувствую всю трудность и щекотливость этого выбора въ моемъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, лишь только онъ сдѣлался неминуемымъ, то колебаться въ немъ стало невозможно въ виду строжайшаго человѣческаго суда, а именно суда совѣсти, тщательно взвѣшивающей всѣ обязательства, которою полно великодушное сердце Вашего Императорскаго Величества, способное чувствовать и признавать ея законы.

Всеобщій союзъ, во главѣ котораго стоитъ мой отецъ, торжественно провозгласилъ Польшу. Имя Польши, произнесенное его устами, имѣетъ для меня рѣшающее значеніе. Жестокій произволъ, уже къ несчастію начавшійся, всякаго рода бѣдствія, гибельнаго хода которыхъ не могло бы остановить даже Ваше великодушіе, чего я и боюсь, доведутъ до крайности закоренѣлую вражду между двумя націями, отношенія которыхъ должны бы быть отношеніями сестеръ. Кровопролитная война упрочитъ положеніе моей родины или же покроетъ ее трауромъ и, сдѣлавъ изъ нея пустыню, довершитъ ея несчастія. Какая бы участь ни была уготована моей родинѣ, я долженъ ее раздѣлить. Мои родственники и друзья, во главѣ съ моимъ отцомъ, уже послѣдовали призыву, сдѣланному имъ отъ имени родины. Одинъ только я отъ этого отказался. Растроганный тѣмъ, что мнѣ внушаютъ честь и непрестанныя милости Вашего Императорскаго Величества, я даже теперь удаляюсь со сцены, гдѣ готова рѣшиться судьба всего, что меня привязываетъ къ жизни. Я отправляюсь для поправленія здоровья на воды въ Венгрію и Богемію. Но при отъѣздѣ я долженъ возобновить свои неотступныя ходатайства и еще разъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мое формальное прошеніе объ отставкѣ. На основаніи пункта 6-го акта конфедераціи, всѣ поляки, занимающіе воен-

ныя и гражданскія должности въ Россіи, получили приказъ оставить службу въ этомъ государствѣ.

Я полагаю, Всемилостивѣйшій Государь, что уже доказалъ Вамъ свою преданность; Вамъ были посвящены мои лучшіе годы. Пока я занималъ свой постъ, я съ пламеннымъ усердіемъ служилъ Вашему Императорскому Величеству. Позднѣе, я отвѣчалъ всегда по совѣсти на всѣ вопросы; я не переставалъ говорить сущую правду, рискуя часто даже Васъ прогнѣвить. Меня нельзя ни въ чемъ упрекнуть; никакое общественное или частное несчастіе не будетъ мнѣ поставлено въ вину. По мѣрѣ возможности, я выполнялъ свои обязательства съ рвеніемъ и честностью не только въ отношеніи особы Вашего Императорскаго Величества, но даже относительно Вашего государства. Моимъ единственнымъ желаніемъ было выполненіе своего долга при всякомъ случаѣ; оно мнѣ предписываетъ теперь освободиться отъ узъ, связывавшихъ меня со службой въ Россіи. Принимая это въ соображеніе и заклиная Ваше Императорское Величество не отказывать мнѣ болѣе въ чистой отставкѣ, я ощущаю болѣе чѣмъ когда-либо въ своемъ сердцѣ къ Вамъ преданныя чувства. Но я не былъ бы способенъ на такія неизмѣнныя чувства и на поведеніе, до сихъ поръ безупречное, если бы я могъ теперь хранить молчаніе и презрѣть свои прежнія обязанности.

Соблаговолите, Всемилостивѣйшій Государь, войти

на минуту въ мое положеніе; разсудите, что происходитъ въ моей душѣ, и удостойте меня увѣдомить о Вашихъ рѣшеніяхъ.

Если мое поведеніе возбуждало гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, то я не прошу у Васъ ни малѣйшаго снисхожденія, какъ у монарха, который долженъ руководиться лишь пользой государства. Я Васъ прошу единственно припомнить извѣстный Вамъ мой неизмѣнный образъ мыслей и побужденія, бывшія причиной моихъ дѣйствій, и не лишать меня тѣхъ личныхъ чувствъ, которымъ я придаю громаднѣйшую цѣну.

Милости, которыми Ваше Императорское Величество меня осыпали, не изгладятся изъ моей памяти никогда. Удостойте принять увѣреніе въ преданности, которой лишь долгъ могъ начертать границы.

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и т. д.

XVI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Изъ Карлсбада 4-го (16) сего августа 1812 г.

Оставшись безъ отвѣта на послѣднее письмо, отъ 4-го минувшаго іюля, съ которымъ я позволилъ себѣ обратиться къ Вашему Императорскому Величеству, умоляя Васъ согласиться на мою полную отставку, я принужденъ повергнуть на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества ту крайность, въ которую я буду поставленъ, потерявъ надежду на отвѣтъ, если мнѣ придется изъ-за этого до извѣстной степени откладывать мое вступленіе въ польскую конфедерацію.

Вступивъ въ этотъ союзъ, я буду сознавать себя полякомъ и объявлю, что не отдѣляю себя отъ единенія со всей націей. Мнѣ будетъ невозможно отказаться отъ подобнаго заявленія. Будущее до сихъ поръ совершенно неизвѣстно; но что бы ни случилось, нація ни на что болѣе не можетъ уповать, какъ на всеобщій союзъ; и что сталось бы съ человѣкомъ, разставшимся при

подобныхъ обстоятельствахъ съ своимъ народомъ и объявившимъ себя не имѣющимъ родины?

Въ продолженіе довольно короткаго времени, вотъ уже третій разъ, какъ я не поддаюсь повторяющимся неотступнымъ просьбамъ, которыми меня все съ большей настойчивостью по этому поводу непрестанно осыпаютъ. Я жду, что онѣ скоро возобновятся; ни путешествіе, ни уединеніе, не могутъ меня отъ нихъ оградить. Положимъ, что я желалъ бы отдѣлить особу Вашего Императорскаго Величества отъ русскаго правительства, или я былъ бы поставленъ въ необходимость соединить ихъ, то все-таки всевозможные аргументы и причины, наиболѣе способные оказать на меня давленіе, были бы поставлены на видъ, чтобы помѣшать мнѣ прибѣгнуть къ увертkамъ.

Удержать поляка нельзя, и съ его стороны было бы непростительно жертвовать собой для русскаго правительства, которое было главной причиной бѣдствій и гибели его родины, и которое, оставивъ на произволъ судьбы большую часть польскихъ областей, и при удаленіи проявивъ по отношенію къ нимъ крайнюю жестокость, сняло съ этихъ провинцій временныя оковы, въ началѣ на нихъ несправедливо наложенныя. Если причина устраняется, то послѣдствія тотчасъ же уничтожаются и люди становятся независимыми съ того момента, какъ освобождаются провинціи. Всякій свободный человѣкъ, подавъ въ отставку, считаетъ ее уже по-

лученной. Упорно выжидать отставку въ той формѣ, на которую, быть можетъ, никогда не согласится русское правительство, значитъ искать предлога прикрыться неблагопріятными случайностями, чтобы съ беззаботностію впослѣдствіи воспользоваться результатами, добытыми усиліями и опасностями цѣлой націи.

Что касается до привязанности и благодарности, то если эти чувства громко заявляютъ о себѣ съ одной стороны, то они не слабѣе звучатъ и съ другой, когда имъ придаютъ значеніе столько старинныхъ друзей, уважаемыхъ родныхъ и любимая семья. Кромѣ того, всѣми признано, что личныя чувства, какъ бы они ни были почтенны, должны всегда уступить пальму первенства чувствамъ, требуемымъ родиной. Достовѣрно извѣстно, что главный долгъ есть долгъ по отношенію къ своей родинѣ, и что самое крупное изъ несчастій, это навлечь на себя презрѣніе своихъ соотечественниковъ и не имѣть возможности показаться на своемъ пепелищѣ съ поднятой головой.

Сознаюсь, что я не могъ бы вынести даже мысли о подобномъ несчастіи, ни обречь себя на роль эмигранта, что недостойно поляка и не имѣетъ теперь для него смысла. Слѣдовательно, я долженъ буду высказаться. Мнѣ это предписываетъ властный голосъ долга, связывающій меня прочнѣе самыхъ крѣпкихъ узъ, и безусловная необходимость будетъ имѣть для меня силу закона.

Я льстилъ себя надеждой, что Ваше Императорское Величество, зная мое положеніе и мой образъ мысли и вслѣдствіе Вашихъ прежнихъ милостей, соблаговолите мнѣ отвѣтить хотя въ нѣсколькихъ словахъ, прежде чѣмъ я дойду до подобной крайности. Что бы то ни было, но я долженъ считать это абсолютное молчаніе за согласіе и именно этотъ пунктъ я и хотѣлъ прежде всего представить на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Могу ли я желать чего-либо другого, какъ только того, чтобы не манкировать ни долгомъ, ни благоприличіемъ въ томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, и чтобы не пренебречь тѣмъ, что въ настоящее время Васъ можетъ увѣрить, Всемилостивѣйшій Государь, въ тѣхъ неизмѣнныхъ чувствахъ, которыми я проникнутъ.

Остаюсь, и т. д.

XVII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Вѣна, 9-го октября 1812 г.

Всемилостивѣйшій Государь,

Довѣривъ весьма надежнымъ лицамъ два письма, направленныя мною одно за другимъ Вашему Императорскому Величеству, и помѣченныя 22 іюля (4 іюня) и 4—16 минувшаго августа, я не могу сомнѣваться въ томъ, что они оба давно Вами получены. Въ первомъ изъ нихъ я умолялъ Васъ согласиться, Государь, на мою чистую отставку, о которой я уже ходатайствовалъ прежде, и я осмѣлился изложить въ немъ причины, обязывающія меня повторить Вамъ самолично эту просьбу; во второмъ письмѣ я отважился представить на разсмотрѣніе Вашего Величества, что при настоящихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, и не получая никакого отвѣта, я могъ бы считать Ваше молчаніе, Государь, равносильнымъ согласію. Но я утѣшалъ себя надеждой, что прежде чѣмъ я былъ бы вынужденъ взгля-

нуть на мое положеніе съ этой точки зрѣнія, Вы соблаговолили бы мнѣ объявить Ваше милостивое рѣшеніе. Но я еще ничего не получилъ до сихъ поръ.

Я понимаю, что у Вашего Императорскаго Величества слишкомъ много другихъ заботъ, чтобы еще думать объ отвѣтахъ на мои письма. Тѣмъ не менѣе, если Вы еще не лишили меня всецѣло тѣхъ милостей, которыми Вы меня удостоивали прежде, и если Вы еще принимаете во мнѣ нѣкоторое участіе, то соблаговолите обратить вниманіе на то, что возвращеніе въ свою отчизну и соединеніе съ своей семьей (не говоря о томъ, что къ этому меня обязываетъ долгъ) единственное счастье, которымъ я бы могъ насладиться въ жизни. Это счастье было бы жестоко отравлено, если бы я могъ имъ пользоваться противъ воли Вашего Величества, подвергая себя Вашему гнѣву, или былъ бы вынужденъ довольствоваться мнимымъ или безмолвнымъ согласіемъ. Въ настоящую минуту я желаю пользоваться покоемъ, но не разлучаться болѣе со своими. Каковы бы ни были событія, которыя намъ готовитъ будущее, но отчего Вы, Ваше Императорское Величество, не могли бы согласиться на мою просьбу, вновь повергаемую на Ваше усмотрѣніе съ самой глубокой и благоговѣйной убѣдительностью?

Не значитъ ли это злоупотреблять Вашимъ великодушіемъ, если позволить себѣ къ Вамъ обратиться съ просьбой? Или претендовать на милость, на которую я

рѣшительно не имѣлъ никакого права, и которая была бы слишкомъ крупнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, установленнаго Вашимъ правительствомъ? Даже въ этомъ случаѣ, у меня нашлись бы доводы, на которыя я могъ бы сослаться въ свою пользу и въ пользу Вашего особаго согласія, чему я придаю невыразимую цѣну, вслѣдствіе чувствъ, испытываемыхъ мною въ теченіе столькихъ лѣтъ.

Съ другой стороны, безусловный отказъ даровать мнѣ такъ долго испрашиваемую отставку, отнимающій у меня надежду на полученіе ея, не даетъ ли мнѣ этимъ права считать себя освобожденнымъ отъ всякихъ обязательствъ? Меня увѣряли, что подобнаго рода отказъ находился въ одномъ изъ адресованныхъ мнѣ Вашимъ Величествомъ писемъ. Между тѣмъ, оно до меня не дошло и, если это письмо на самомъ дѣлѣ существуетъ, то мнѣ не извѣстно ничего положительнаго относительно его содержанія.

Что бы то ни было, но если я въ теченіе еще шести недѣль не получу никакого отвѣта, то мнѣ неизбѣжно придется считать столь продолжительное молчаніе за доказательство того, что Ваше Величество обо мнѣ болѣе не вспоминаетъ, что Вы отнынѣ станете совершенно равнодушны къ ожидающей меня участи и, предавъ меня забвенію, предоставите мнѣ полную свободу держаться того образа дѣйствій, къ которому меня принудятъ обстоятельства и вытекающія изъ нихъ обязанно-

сти? Впрочемъ, даже при этомъ исходѣ, который я постараюсь отдалить, насколько мнѣ позволятъ эти обязанности, отвѣтъ съ Вашей стороны, Всемилостивѣйшій Государь, будетъ объектомъ всѣхъ моихъ желаній; если онъ будетъ благопріятенъ, то станетъ самымъ крупнымъ благодѣяніемъ, которое Вы мнѣ могли бы оказать; въ противномъ случаѣ я буду считать его за одно изъ несчастій въ моей жизни.

Когда, лишившись всякой возможности отсрочить неизбѣжный шагъ, я сочту себя обязаннымъ уступить польской конфедераціи, то я буду постоянно повторять своимъ соотечественникамъ, что Вашему Императорскому Величеству были всегда извѣстны мои убѣжденія, что я и поспѣшилъ высказать въ двухъ письмахъ, которыя я позволилъ себѣ Вамъ адресовать. Они заключаютъ въ себѣ актъ присоединенія, въ силу чего я буду себя сознавать полякомъ. Я полагалъ, что долженъ былъ вручить его сначала въ Ваши собственныя руки и предать себя всецѣло Вашему справедливому рѣшенію и тѣмъ послѣдствіямъ, которыя могли произойти изъ этого въ такой моментъ, когда военные шансы пребывали въ полной неизвѣстности. Собственно говоря, мнѣ было нечего прибавить къ этимъ двумъ письмамъ, но вслѣдствіе представившейся оказіи въ Россію, я не хотѣлъ пропустить случая напомнить объ ихъ содержаніи Вашему Императорскому Величеству и представить Вамъ эти строки, которыя я набрасываю съ печалью и трево-

гой; уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ими полно мое существованіе. Постоянное безпокойство, испытываемое мною по отношенію къ Вашей особѣ и безопаспости, Государь, составляетъ большую часть мученій всякаго рода, которыя меня преслѣдуютъ. Къ несчастію я поставленъ между столькими соображеніями и противоположными обязанностями, когда одни должны неизбѣжно уступать, а другія брать перевѣсъ, чему я покоряюсь вполнѣ, что мнѣ поневолѣ приходится испытывать всякія ощущенія и сдѣлаться жертвой безпокойства, внушаемаго мнѣ первыми.

Остаюсь и т. д.

P.S. Если Вы, Всемилостивѣйшій Государь, когда-либо помышляли о мирѣ, котораго Вы не могли бы иначе добиться, какъ только съ помощью огромныхъ жертвъ, то не могло ли бы Вамъ это облегчить, сдѣлать заключеніе этого мира болѣе почетнымъ и даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ это бы казалось съ перваго взгляда, превосходное и основательное заведеніе въ Польшѣ для младшаго изъ Великихъ Князей? Я полагаю также, что въ данный моментъ легче заключить всеобщій миръ, чѣмъ перемиріе. Вслѣдствіе всеобщаго мира, благотворныя послѣдствія котораго были бы для континента неисчислимы, хотя бы онъ продолжался и недолго, затрудненіе при закрытіи портовъ отпало бы само собой, а это затрудненіе мнѣ представляется однимъ изъ наиболѣе тягостныхъ.

Въ случаѣ, если Ваше Императорское Величество соблаговолите удостоить меня отвѣта, то я умоляю направить Ваше письмо М. Беньковскому, въ Мисчибоцъ, съ приказомъ найти способъ доставить мнѣ его надежнымъ путемъ; или же, если имѣются безопасныя сношенія между Россіей и Вѣной, адресовать его въ этотъ городъ, на имя моей тетки, княгини Любомирской, поручивъ ей доставить мнѣ это письмо точно также съ вѣрной оказіей.

XVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

6-го декабря 1812 г.

Кажется, побѣда рѣшительно увѣнчаетъ старанія Вашего Императорскаго Величества. Если Вы вступите въ Польшу побѣдителемъ, то займетесь ли Вы снова, Всемилостивѣйшій Государь, прежними проектами относительно этой страны? Покоривъ ее, пожелаете ли Вы еще покорить сердца ея жителей? Имѣете ли Вы также намѣреніе сдѣлать союзъ между двумя націями неразрывнымъ и добровольнымъ и водворить такой порядокъ вещей, который не могъ бы быть подорванъ никакой превратностью судьбы, такъ какъ онъ осуществилъ бы желанія и счастье покоренной націи. Если воля Вашего Величества осталась неизмѣнной, то благоволите меня объ этомъ предувѣдомить и сообщить мнѣ Ваши мысли. Присланныя мнѣ бумаги могутъ пригодиться и послужить основой дѣйствій. Мы, можетъ быть, приближаемся къ моменту, когда Ваши военныя

успѣхи позволятъ Вамъ, наконецъ, приступить къ выполненію этого плана. Въ такомъ случаѣ, я осмѣлился бы покорно просить Ваше Величество меня объ этомъ не медленно увѣдомить. Опасаюсь, не желаютъ ли Австрія и Пруссія отвлечь Васъ своими внушеніями отъ Вашей идеи. Между тѣмъ Вамъ болѣе не нужно соблюдать осторожности относительно этихъ государствъ и Вы съ ними не связаны никакими обязательствами, и тѣ же самыя политическія причины, законы чести и милости, внушившіе Вамъ начертать этотъ проектъ, могутъ лишь Васъ побудить къ его осуществленію, какъ только Вы это найдете возможнымъ. Нужно обратиться къ всеобщей конфедераціи и именно съ ней слѣдуетъ обсудить эти факты. Это единственный и настоящій образъ дѣйствій, ведущій прямо къ цѣли, чтобы совершить доброе дѣло и примирить всѣ умы и желанія. Я это повторяю, Государь, судя по событіямъ, которыя будутъ слѣдствіемъ военныхъ операцій, и прошу Васъ сообщить мнѣ Ваши намѣренія по этому поводу, Ваши желанія и Вашъ будущій образъ дѣйствій; такъ какъ я предвижу, что настанетъ день, когда я буду имѣть въ данномъ случаѣ возможность послужить своему отечеству и Вамъ.

Это не мѣшаетъ мнѣ еще разъ повторить съ убѣдительностію мою покорнѣйшую просьбу о чистой отставкѣ, о которой я уже три раза ходатайствовалъ пе-

редъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Соблаговолите простить мнѣ, Государь, ту форму, которую я придаю этому письму; позиція войска настолько необыкновенна, что я не осмѣливаюсь его подписать.

XIX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

15—27 сего декабря 1812.

6-го числа текущаго мѣсяца я отправилъ Вашему Императорскому Величеству письмо безъ подписи, которое, по всему вѣроятію, до Васъ дошло, но всетаки я прилагаю при семъ съ него копію.

Такъ какъ военныя событія, кажется, приняли рѣшительный оборотъ, то я боюсь, что никто теперь не пожелаетъ защищать интересовъ моей родины передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и я рѣшился отправить М. К... съ прилагаемыми бумагами. Если бы онѣ были способны повліять на Ваши мысли, Государь!

Съ одной стороны, я боюсь внушеній европейскихъ государствъ, которыя пожелаютъ отвлечь Васъ отъ идеи, возбуждающей ихъ недовѣріе, которая слишкомъ хороша, чтобы ее могли понять ихъ кабинеты. Что меня успокаиваетъ, такъ это то, что Англія, принимая во вни-

маніе свои очевидныя выгоды и образъ мысли принца-регента, не приминетъ ее одобрить. Съ другой стороны, я опасаюсь совѣтовъ окружающихъ Васъ лицъ, которыя, быть можетъ, вслѣдствіе различныхъ соображеній, будутъ противъ проекта, или же, опьяненные Вашими успѣхами, забудутъ, что это будетъ наиболѣе выгодный и достойный способъ, чтобы ихъ упрочить.

Вся моя надежда, въ сущности, на Ваши личныя чувства, Государь; Вы болѣе, чѣмъ кто-либо—господинъ положенія. Было бы безполезно входить въ излишнія подробности и предугадывать возраженія, чтобы на нихъ отвѣчать.

Я не могъ бы себѣ представить, чтобы Ваше Императорское Величество, пожелавъ чего-либо недостижимаго, потеряли бы теперь къ этому охоту, когда всѣ Ваши желанія осуществимы. Подобные моменты не повторяются въ жизни.

Если Ваше Императорское Величество протянете руку польской націи въ ту минуту, когда она ждетъ мести завоевателя и предложите ей добровольно то, что было для нея предметомъ спора, то это произведетъ магическій эффектъ, за что я Вамъ ручаюсь, Государь; онъ превзойдетъ Ваши ожиданія, Вы будете изумлены и тронуты.

Если бы Вы нашли цѣлесообразнымъ послѣдовать идеѣ, относящейся къ Великому Князю Михаилу, то я взялся бы все подписать безъ промедленія и пору

чился бы, что всѣ Ваши требованія были бы исполнены.

Я считаю своею обязанностію не скрывать отъ Вашего Императорскаго Величества, что Великій князь Константинъ, Вашъ очевидный преемникъ, составляетъ источникъ постоянныхъ заботъ и тревоги для поляковъ. И вотъ почему они бы предпочли другую линію. На самомъ дѣлѣ, король Польши, имѣющій въ своемъ распоряженіи 300,000 русскихъ, будетъ всегда тамъ властелиномъ, лишь только онъ не захочетъ уважать законы, держать свои обѣщанія и пожелаетъ уничтожить все, установленное его предшественникомъ. Вотъ это-то будущее и заставитъ поляковъ настаивать на полученіи строго опредѣленной конституціи, хотя, въ сущности, самыя тщательныя мѣры предосторожности не могутъ ихъ оградить отъ рѣшительнаго насилія, ни даже отъ перемѣны принциповъ и воли будущаго Русскаго монарха.

Впрочемъ, какой бы сдѣлкѣ Вы ни отдали предпочтеніе, Государь, я полагаю, на основаніи представленныхъ Вамъ мною данныхъ, что съ моей стороны не будетъ преждевременнымъ, если я выражу увѣренность, что эта сдѣлка закончится къ Вашему полному удовольствію.

Теперь Вашему Императорскому Величеству надлежитъ оказать давленіе, выяснить Ваши желанія, указать средства къ соглашенію; однимъ словомъ, довер-

шить начатое дѣло. Я думаю, что, какъ полякъ, я сдѣлалъ все, чтобы подготовить почву.

Что касается до меня лично, Всемилостивѣйшій Государь, то, въ ожиданіи Вашего отвѣта, я все до сихъ поръ отказывался дать свое согласіе на вступленіе въ конфедерацію; но, между тѣмъ, я солидаренъ съ ней во взглядахъ и связанъ обѣтами, данными моей родинѣ, что доказываютъ три письма, посланныя мною Вашему Императорскому Величеству. Но отъ своихъ словъ я, конечно, не отступлюсь, между тѣмъ, какъ мои соотечественники полагаютъ, что близка минута, когда ихъ самыя благія намѣренія, самыя геройскія жертвы и чувствительнѣйшія потери, будутъ сопровождаться еще большими несчастіями; когда всѣ надежды моей родины готовятся рухнуть, я не стану, говорю я, отрекаться передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ отъ священнаго и правдиваго дѣла, которое таковымъ же и останется, если его даже и будутъ преслѣдовать неудачи. Если Вы намъ протянете руку помощи, Государь, то я желаю всецѣло насладиться восторгомъ моихъ соотечественниковъ; если Вы насъ оттолкнете, я раздѣлю ихъ скорбь и отчаяніе.

Я снова умоляю Ваше Императорское Величество даровать мнѣ чистую отставку, о которой я вслѣдствіе особыхъ основаній хлопоталъ еще передъ войной, и о чемъ меня теперь побуждаетъ ходатайствовать совокупность причинъ. У Вашего Императорскаго Величе-

ства не найдется болѣе повода отказать мнѣ въ моей просьбѣ, какой бы оборотъ ни приняли дѣла. Если же мнѣ, однако, слѣдуетъ отправиться къ Вамъ, Государь, для защиты интересовъ моей родины и если мое присутствіе ей можетъ быть полезно, то я готовъ предпринять это путешествіе.

Не отправитесь ли Вы, Ваше Императорское Величество, ближе къ аренѣ дѣйствій, чтобы имѣть возможность ими руководить? Не желаете ли Вы, Государь, чтобы я вошелъ въ переговоры съ конфедераціей и съ Варшавскимъ правительствомъ; или Вамъ угодно назначить для этого кого-либо другого. Не входитъ ли въ Ваши соображенія, чтобы они уполномочили меня на заключеніе съ Вами сдѣлки. Въ такомъ случаѣ, я тотчасъ же отправлю свое согласіе конфедераціи и, облеченный ея довѣріемъ, пріобрѣту ей скоро Ваше!

Если Ваши намѣренія будутъ милостивы, Государь, то благоволите меня объ нихъ какъ можно скорѣе увѣдомить, но въ особенности и прежде всего, отдайте соотвѣтствующій приказъ Вашимъ генераламъ.

Я совѣтовалъ бы Вашему Императорскому Величеству поскорѣе дать войску инструкціи, аналогичныя съ содержаніемъ приложенія А., и въ то же время доставить мнѣ предварительныя статьи, которыя Вы найдете возможнымъ дать мнѣ за Вашей подписью. Другіе вопросы, требующіе дальнѣйшаго обсужденія,

могли бы быть опредѣлены вслѣдъ за первымъ шагомъ.

Во всякомъ случаѣ, будучи далекъ отъ мысли взять на себя задачу не по силамъ, я полагаю, что на этотъ разъ никто не могъ бы лучше меня сообразить положеніе вещей и быстро разрѣшить его согласно съ желаніемъ обѣихъ сторонъ. Благоволите меня только о Вашихъ желаніяхъ увѣдомить.

Если Ваше Величество прикажете призвать подателя сего пакета, то онъ будетъ въ состояніи отвѣтить на Ваши вопросы и дать Вамъ разъясненія на многіе пункты.

XX.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

Лейпунп, 13-го января 1813.

Уже два дня, какъ я получилъ Ваше интересное письмо, отъ 15-го декабря 1812 и копію письма отъ 6-го, со всѣми приложеніями. Мнѣ ихъ передалъ въ Мезельмѣ М. Ключевскій. Оригиналъ же письма отъ 6-го мнѣ до сихъ поръ еще не доставленъ.

Я получилъ сегодня черезъ армейскій корпусъ Чичагова бумагу, подписанную министромъ внутреннихъ дѣлъ Мостовскимъ, въ конвертѣ на мое имя. Прилагаю здѣсь съ нея копію.

Отвѣчаю Вамъ, не теряя ни минуты, и пусть это также послужитъ отвѣтомъ на бумагу М. Мостовскаго.

Предложенія, заключающіяся во всѣхъ этихъ бумагахъ, и выраженныя мнѣ личныя чувства, пробудили во мнѣ живѣйшій интересъ. Успѣхи, которыми было угодно Провидѣнію благословить мои старанія и по-

стоянство, никоимъ образомъ не измѣнили ни моихъ чувствъ, ни намѣреній относительно Польши. Пусть улягутся опасенія Вашихъ соотечественниковъ. Чувство мести мнѣ незнакомо, и воздаяніе добромъ за зло, мое величайшее наслажденіе. Моимъ генераламъ отданъ строжайшій приказъ, дѣйствовать соотвѣтствующимъ образомъ и обходиться съ поляками по-дружески и братски.

Я буду съ Вами совершенно откровененъ; чтобы осуществить мои любимыя мечты относительно Польши, мнѣ придется преодолѣть извѣстныя затрудненія, несмотря на мое настоящее блестящее положеніе.

Во-первыхъ, мнѣніе въ Россіи. Образъ дѣйствій польскаго войска среди насъ, разграбленіе Смоленска и Москвы, опустошеніе всей страны, воскресили старинную вражду.

Во-вторыхъ, въ настоящую минуту, мои намѣренія касательно Польши, получившія гласность, предали бы цѣликомъ въ руки Франціи Австрію и Пруссію, чему крайне необходимо помѣшать, тѣмъ болѣе, что эти государства уже высказали мнѣ лучшія намѣренія.

Умомъ и осторожностію эти затрудненія будутъ побѣждены. Но для достиженія этого слѣдуетъ, чтобы Вы и Ваши соотечественники мнѣ оказали содѣйствіе. Нужно, чтобы Вы сами помогли мнѣ заставить рус-

скихъ проникнуться моими планами и нашли оправданіе оказываемому мною полякамъ предпочтенію и всему, что касается ихъ излюбленныхъ идей. Имѣйте нѣкоторое довѣріе ко мнѣ, моему характеру и принципамъ, и Ваши надежды не будутъ болѣе обмануты. По мѣрѣ того, какъ будутъ обнаруживаться военные результаты, Вы увидите, до какой степени мнѣ дороги интересы Вашего отечества и насколько я вѣренъ своимъ прежнимъ идеямъ. Что касается до порядковъ, то Вамъ извѣстно, что я всегда отдавалъ предпочтеніе либеральнымъ.

Я долженъ Васъ, однако, предупредить и даже довольно рѣшительнымъ образомъ, что идея моего брата Михаила не можетъ быть принята къ руководству. Не забывайте, что Литва, Подолія и Волынь считаются русскими провинціями, и что никакая логика въ мірѣ не сможетъ убѣдить Россію признать надъ ними власть другого государя, а не Русскаго царя. Что касается до принадлежащаго имъ наименованія, то договориться съ ними объ устраненіи этого затрудненія гораздо легче. Итакъ, я прошу, чтобы съ своей стороны, Вы сообщили лицамъ, содѣйствіемъ которыхъ Вы разсчитываете воспользоваться, выдержки изъ моего письма, признанныя Вами цѣлесообразными, и чтобы Вы побудили Вашихъ соотечественниковъ выразить русскимъ и Россіи добрыя чувства, чтобы сгладить впечатлѣнія этой кампаніи и такимъ путемъ мнѣ облегчить задачу.

Съ своей стороны, чтобы доказать Полякамъ искренность моихъ намѣреній на ихъ счетъ, я отдалъ арміи приказъ не занимать Варшавы; но взамѣнъ этого слѣдовало бы, чтобы тамъ не оставалось никакого иноземнаго войска, а польскаго какъ можно меньше, чтобы избавиться отъ безпокойства имѣть позади себя лагерь.—Убѣдите отъ моего имени членовъ конфедераціи и правленія спокойно остаться въ Варшавѣ и обѣщайте, что въ этомъ раскаяваться не придется.

Вотъ все, касающееся военныхъ операцій и моихъ военныхъ силъ. Кромѣ армій, находящихся теперь въ походѣ, каждый полкъ всякой арміи уже сформировалъ въ тылу по 1000 человѣкъ на пѣхотный полкъ, вполнѣ обмундированныхъ, имѣющихъ верховыхъ лошадей и снабженныхъ ротами резервной артиллеріи, чтобы весною вступить въ ряды дѣйствующихъ армій.—Независимо отъ этой массы, находящейся въ резервѣ, въ настоящее время заканчивается рекрутскій наборъ въ 180,000 человѣкъ, который послужитъ для новаго состава полковыхъ резервовъ, лишь только они будутъ перечислены въ дѣйствующія арміи. Сверхъ того будутъ поставлены на ноги всѣ милиціи, какъ пѣхота, такъ и конница, и артиллерія разныхъ губерній; 75,000 человѣкъ изъ нихъ подъ командой графа Петра Толстого уже двинулись для занятія обсерваціоннаго поста въ Волыни.—Энергія народа превышаетъ всякую похвалу, и я рѣшился продолжать войну не только въ

теченіе этой зимы, но до заключенія всеобщаго прочнаго мира, обезпечивающаго безопасность Россіи и Европы.

Что касается до Васъ лично, то я бы не медля исполнилъ Ваши желанія по поводу отставки; но меня удерживаютъ два соображенія. Первое, что объ этомъ нельзя довести до свѣдѣнія Вашего народа, чтобъ это въ его глазахъ не явилось результатомъ того, что мои намѣренія насчетъ Польши измѣнились; второе, чтобы Вы, освободившись отъ сношеній со мною, не приняли личныхъ рѣшеній, способныхъ произвести самое плохое впечатлѣніе въ Россіи и повредить той огромной пользѣ, которую Вы бы могли оказать успѣху моихъ плановъ относительно Вашего отечества.—Какъ и Вы, я безусловно убѣжденъ, что Ваше присутствіе тамъ, гдѣ Вы находитесь, безконечно полезнѣе, чѣмъ если бы Вы присоединились ко мнѣ, несмотря на удовольствіе и крайнее нетерпѣніе, которыя я бы испыталъ въ виду возможнаго свиданія съ Вами, при настоящихъ условіяхъ въ особенности.

Вотъ въ сжатой формѣ изложенные выводы, которые мнѣ слѣдуетъ Вамъ сообщить. Полькѣ и полякамъ нечего бояться какой-либо мести съ моей стороны.—Мои намѣренія на ихъ счетъ остались неизмѣнны.

Чтобы доказать имъ это, всѣ власти въ герцогствѣ сохранены вездѣ. Конфедераціи и правительству предложено спокойно оставаться въ Варшавѣ. Этотъ городъ не будетъ занятъ моимъ войскомъ съ тѣмъ, чтобы

всѣ иностранныя войска были бы оттуда выведены и количество остающихся тамъ польскихъ войскъ было бы сокращено до минимума.

Всѣ русскіе генералы получили приказъ относиться къ полякамъ какъ друзья и братья. По мѣрѣ того, какъ будутъ увеличиваться и упрочиваться успѣхи русскихъ арміи, точно также и реализація моихъ намѣреній и плановъ насчетъ Польши станетъ несомнѣннѣе.—Зато безспорно, лишь перемѣна счастья могла бы мнѣ служить помѣхой.

Итакъ, все, что Поляки совершатъ для содѣйствія этимъ успѣхамъ, повліяетъ въ то же время на осуществленіе ихъ надеждъ.

Но что еще болѣе могло бы скрѣпить неразрывную связь между поляками и мной послѣ оккупаціи страны, такъ это трактатъ о заключеніи союза между правительствомъ герцогства и мною.—Съ того времени я бы считалъ себя уполномоченнымъ со стороны Россійской Имперіи принять на себя священное обязательство до тѣхъ поръ не складывать оружія, пока не сбудутся надежды Польши, потому что поляки доказали бы передъ лицомъ Россіи и Европы, что они возложили все свое упованіе на меня, а на мою честность никто еще не полагался напрасно. Въ концѣ концовъ, такой посредникъ, какъ Вы, подходитъ мнѣ лучше всего во всѣхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе моего къ Вамъ полнѣйшаго довѣрія; чувства моей неизмѣнной дружбы навсегда отданы Вамъ.

Александръ.

Краснополь, 3-го сего января 1813.

P. S. Я писалъ это письмо въ теченіе двухъ дней; дѣла арміи и другія отняли у меня много времени. Такъ какъ мое письмо носитъ извѣстный офиціальный характеръ, то я не могу его отправить, любезный другъ, не прибавивъ къ нему нѣсколькихъ дружескихъ словъ для Васъ. Удачи не измѣнили ни моихъ взглядовъ на ваше отечество, ни моихъ принциповъ вообще, и Вы меня найдете всегда такимъ же, какимъ узнали. Пожелайте отъ меня всего лучшаго Вашимъ родителямъ и милымъ сестрамъ. Если бы на исходѣ всѣхъ событій, я на минуту могъ бы очутиться среди Вашей семьи, то это бы мнѣ доставило безумную радость. Весь Вашъ сердцемъ и душою.

XXI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

27-го сего марта (8 апрѣля) 1813 изъ Калиша.

Я только что узналъ, что Ченстоховъ сдался, и позволяю себѣ еще замѣтить Вашему Императорскому Величеству, что если Вы не отдадите повелѣній, что бы военныя дѣйствія не были направлены на польскую команду, то событія ускорятся, такъ что предложеніе, которое собираются сдѣлать Кракову, и сдѣлка, имѣющая быть послѣдствіемъ этого, будутъ запоздалыми, или совершенно безполезными.—Тогда бы это имѣло видъ обмана и казалось бы, что дѣйствія не были вызваны честными и искренними намѣреніями. Я предполагаю, что Ваше Императорское Величество просто отложили выполненіе своихъ намѣреній, которыя ненарушимы, и что, слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени Вы хотите избѣжать всякой катастрофы, всякаго несчастія и излишняго кровопролитія и, не желая возбуждать тревоги въ сосѣднихъ государствахъ,

Вы собираетесь дѣйствовать такимъ путемъ, чтобы внушить полякамъ довѣріе и преданность и заставить ихъ предугадать уготованную имъ Вами счастливую судьбу. Таковыми мнѣ представляются Ваши намѣренія. Ваше Императорское Величество отдалитесь отъ нихъ совершенно, если Поляки будутъ подвергнуты сильной атакѣ, между тѣмъ, какъ съ другой стороны ихъ увѣряютъ въ желаніи покончить съ ними полюбовно. Могло ли у нихъ возникнуть довѣріе при такихъ условіяхъ? Получилось бы только сильное противорѣчіе между фактами и словами!—Истребленіе польскаго отряда будетъ ничтожной побѣдой; но я считалъ бы это ошибкой и весьма значительнымъ политическимъ зломъ.

Невозможность получить лошадей удерживаетъ меня еще здѣсь.

Остаюсь и т. д.

P. S. Такъ какъ Ваше Императорское Величество ничего мнѣ не отвѣтили на записку, посланную Вамъ наканунѣ Вашего отъѣзда изъ Калиша, то я думаю, что поступаю согласно Вашей волѣ, позволяя княгинѣ Р... надѣяться, что у ея сына не будутъ конфискованы имѣнія, и госпожѣ П... что ея племянникъ получитъ разрѣшеніе нагнать свою семью.

XXII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 23 апрѣля (4 мая) 1813.

Всемилостивѣйшій Государь,

Здѣсь распространились тревожные слухи о вымышленной революціи, которая будто бы должна вспыхнуть на этихъ дняхъ въ Польшѣ, и въ Варшавѣ особенно. Я полагаю, что Ваше Величество уже объ этомъ освѣдомлены. Мы увѣряли здѣсь всѣ М. Ланского о ложности этихъ толковъ. Онъ вложилъ крайнюю умѣренность и мягкость въ тѣ мѣры предосторожности, которыя онъ счелъ нужнымъ примѣнять, что заслуживало бы всеобщаго подражанія для пользы службы. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я былъ пораженъ огромнымъ умѣніемъ съ честью выйти разъ навсегда изъ положенія, которое, сколько бы ни продолжалось, всегда будетъ источникомъ постояннаго

безпокойства. Причина его слишкомъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ поляковъ и будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе; если бы она когда-либо могла быть близкой къ исчезновенію, то принципы, проповѣданные нѣмцамъ и вооружающіе ихъ всѣхъ въ настоящее время были бы способны ее вновь возбудить.

Возвращаясь изъ Калиша, я встрѣтилъ въ Ниборовѣ князя Антона Радзивилла. Онъ мнѣ сообщилъ подробности, которыя было бы недурно узнать Вашему Императорскому Величеству. Король Прусскій совсѣмъ не противъ существованія Польши. Онъ сознаетъ необходимость удовлетворить желаніямъ этой націи, которыя находитъ справедливыми и разумными. Онъ былъ удивленъ, что Ваше Императорское Величество еще ничего не сдѣлали опредѣленнаго для поляковъ; онъ сожалѣлъ, что, всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ затронуть этотъ вопросъ, Вы казались крайне смущеннымъ и переводили рѣчь на другое.—Онъ склонялъ князя Антона къ поѣздкѣ въ Варшаву, чтобы разузнать тамъ объ общественномъ мнѣніи и переговорить со мной. Наконецъ, Государь, мнѣ кажется, на основаніи сихъ данныхъ, что Прусскій король согласился бы на всякое мѣропріятіе, подходящее въ этомъ смыслѣ Вашему Императорскому Величеству.

Развѣ два государя не могли бы по взаимному

согласію обратиться съ воззваніемъ къ полякамъ, какъ они это сдѣлали съ нѣмцами? Подпись Прусскаго короля заставила бы молчать всѣхъ Вашихъ генераловъ и Петербургъ.—Это воззваніе могло быть составлено въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобы дать право всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ, каковы бы онѣ ни были, и людямъ, обладающимъ фантазіей, обрѣсти въ немъ то, что они желали бы найти. Оно бы повліяло на менѣе спокойные умы въ Польшѣ и сдѣлало бы ихъ болѣе безпристрастными и, смотря по содержанію, могло бы заставить войско принять извѣстное рѣшеніе. Результатъ его былъ бы достаточно выгоденъ, чтобы взять перевѣсъ надъ многими другими соображеніями. Чтобы вѣрнѣе этого добиться, слѣдовало бы предупредить тотъ моментъ, который можетъ быть удачнымъ для Наполеона. Тревога относительно исхода войны и есть именно то, что заставляетъ Прусскаго короля ощущать необходимость въ такомъ шагѣ, который бы соединилъ всѣхъ поляковъ къ всеобщей защитѣ.

Вообще кажется, что Ваше Императорское Величество преувеличиваете затрудненія этого предпріятія со стороны Прусскаго короля; они не существуютъ; напротивъ того, этотъ государь самъ будетъ дѣятельно хлопотать о томъ, чтобы избавить отъ нихъ русскую армію, чье мнѣніе всегда будетъ преобладающимъ надъ мнѣніемъ Петербурга; мнѣ кажется, что такимъ обра-

зомъ препятствія будутъ устранены. Я знаю, что находящіеся здѣсь русскіе офицеры говорятъ большею частью въ этомъ смыслѣ по убѣжденію или, чтобы угодить жителямъ. Князь Антонъ говорилъ мнѣ, что Витгенштейнъ рѣзко высказалъ свое мнѣніе и не давалъ ему покоя, настаивая, чтобы онъ пошелъ въ главную квартиру и старался укрѣпить тамъ эти взгляды, принимая во вниманіе, что наступалъ моментъ, когда Вашему Императорскому Величеству надлежало выразить свои мысли. Что касается Австріи, то она охотно разрѣшитъ Наполеону создать Польшу, и если бы Ваше Императорское Величество и Прусскій король обратились бы теперь съ воззваніемъ къ полякамъ, то было бы легко выяснить Австріи, что Вы удаляетесь въ данный моментъ отъ границъ со всѣмъ Вашимъ войскомъ, только лишь для усмиренія толпы безпокойныхъ умовъ. Надо было бы дать понять этими объясненіями, что это только кратковременное мѣропріятіе, и что, оставаясь повелителями въ этой странѣ, три государя могли бы придти къ соглашенію, что съ ней имъ слѣдовало предпринять. Нѣсколько дней спустя послѣ моего прибытія были разосланы циркуляры, чтобы созвать представителей округовъ. Прежде чѣмъ эти циркуляры будутъ получены, и пока сюда соберутся представители, пройдутъ недѣли двѣ. Я крайне опечаленъ этой неизбѣжной задержкой, которая отсрочиваетъ отправку депутаціи въ главную

квартиру и въ армію. Ваше Императорское Величество соизволите вникнуть въ причины этого промедленія и не поставите его въ вину ни польскому отряду, ни тѣмъ лицамъ, которыя защищаютъ его интересы и интересы націи. Цѣлесообразность расположить общественное мнѣніе въ пользу Вашего Императорскаго Величества не только здѣсь, но также въ Литвѣ и Украйнѣ, подала мнѣ мысль, что не было ли бы возможно также собрать въ Вильнѣ представителей, избранныхъ отъ каждой губерніи, чтобы выяснить нужды, налоги страны и выработать способъ ихъ облегченія. Этому собранію, которое бы соотвѣтствовало съѣзду въ герцогствѣ, можно было бы дать желаемое направленіе, и оно послужило бы Вашимъ планамъ по мѣрѣ ихъ развитія; между тѣмъ это сулило бы умамъ надежду, которая ихъ отвлекала бы отъ всякой другой мысли. Все, что произошло до войны,— обѣщанія поляковъ, бывшихъ въ Петербургѣ, попытки М. Чичагова,—вселило такую надежду на Ваши предначертанія, что уже болѣе не возникало сомнѣнія въ томъ, что съ Вашей стороны послѣдуетъ непремѣнно воззваніе сначала въ Минскѣ, а потомъ въ Вильнѣ.

Обманутыя ожиданія, уныніе и недовѣріе смѣнили эту иллюзію и было бы весьма кстати пробудить въ сердцахъ надежду, тѣмъ болѣе, что населеніе тамъ подвергается всякаго рода злоупотребленіямъ, самымъ

мучительнымъ притѣсненіямъ, и губернаторы, вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ Вашими намѣреніями, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру назначенныхъ сюда Вами лицъ, допускаютъ самое грубое и жестокое обращеніе и находятъ удовольствіе въ примѣненіи ненужной и преувеличенной строгости.—Въ этомъ отношеніи восемь прежнихъ губерній совсѣмъ далеки отъ того, чтобы наслаждаться дарованнымъ Вами благодѣяніемъ Варшавскому герцогству; ихъ положеніе достойно сожалѣнія и должно бы обратить на себя Ваше вниманіе.

Что касается до высказанной мною мысли, то если ее нельзя выполнить въ данный моментъ, можно бы было это сдѣлать позже, но тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ быть принятой въ соображеніе. Сожалѣю, что за массой вопросовъ, которыми я Вамъ досаждалъ, я забылъ Вамъ объ ней упомянуть.—Я равно упустилъ изъ виду заручиться Вашими приказаніями на случай моего возвращенія въ главную квартиру, чтобы имѣть возможность доложить Вамъ о выдающихся результатахъ, способныхъ вызвать извѣстное рѣшеніе, и о предложеніяхъ и планахъ, которые бы потребовали серьезнаго обсужденія.—Долго ли еще долженъ продолжаться запретъ, наложенный на меня Вашимъ Величествомъ? Физическій и нравственный покой моя единственная потребность; но я такъ убѣжденъ въ правотѣ дѣла моей родины и въ

заключающемся въ немъ благѣ для человѣчества, что не вынесъ бы сожалѣнія, если бы чѣмъ-либо пренебрегъ, что могло бы служить его интересамъ. Соблаговолите, Государь, научить меня, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, и разрѣшите мнѣ сдѣлать попытку, когда Вы это признаете возможнымъ, чтобы я былъ въ состояніи имѣть успѣхъ и принести извѣстную пользу.

Я съ горестью узналъ, что приказъ главной квартиры касался конфискаціи имуществъ всѣхъ служащихъ въ польской арміи; этотъ приказъ мнѣ кажется безцѣльнымъ и совершенно несправедливымъ; нельзя наказывать людей, служащихъ своему отечеству и повинующихся приказаніямъ своей верховной власти, признанной Вашимъ Величествомъ.—Главный совѣтъ администраціи старался смягчить этотъ приказъ при выполненіи и, кажется, М. Ланской подалъ объ этомъ рапортъ князю Кутузову. Опасаясь, что предводитель рѣшитъ дѣло, не повергая его на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, я осмѣливаюсь Васъ объ этомъ предувѣдомить, умоляя, чтобы Вы приказали представить Вамъ эти бумаги.

Сознаюсь, что для меня источникъ сильной скорби, когда я замѣчаю подобныя противорѣчія въ избранной Вами благой части смѣлой справедливости, самой славной и наиболѣе полезной изъ всѣхъ, когда-либо избранныхъ даже изъ корыстныхъ видовъ, которую Ваше Императорское Величество такъ достойны защищать

и блюсти вполнѣ нераздѣльно и неприкосновенно. Въ тотъ моментъ, когда здѣсь соберется особаго рода представительство, уполномоченное выразить Вамъ благодарность и благоговѣніе всей страны, Вы убѣдитесь, что это мѣропріятіе будетъ представлять крайне прискорбный диссонансъ.

Разрѣшите мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, напомнить Вашему Императорскому Величеству о представленной мною на Ваше благоусмотрѣніе статьѣ, касающейся разнородныхъ подданныхъ, которые должны бы составить исключеніе и не подчиняться объявленнымъ Вами мѣрамъ строгости, такъ какъ имъ было дозволено и никогда не запрещалось служить въ герцогствѣ, гдѣ они имѣли свое мѣстожительство. Я позволяю себѣ также возобновить ходатайство въ пользу военноплѣнныхъ; заблуждаются, не дѣлая никакой разницы между людьми безразсудными и вздорными, или еще худшими и тѣми, которые ведутъ себя благоразумно и прилично. Я осмѣливаюсь приложить здѣсь проектъ приказа по этому вопросу, соотвѣтствующаго предложенной мною сдѣлкѣ въ Калишѣ, который лучше выразитъ мои мысли.—Такимъ образомъ уладятся затрудненія и уменьшатся издержки по переѣзду и содержанію, и увеличится число лицъ и семействъ, благословляющихъ Вашу благотворительность, при чемъ въ этомъ не представляется ни неудобствъ, ни опасности. Я точно также напоминаю

Вашему Императорскому Величеству о князѣ Людовикѣ Радзивиллѣ и М. Альфредѣ Потоцкомъ; Ваше Величество позволили первому надѣяться, что его имѣнія не будутъ конфискованы; второму, что ему будетъ разрѣшено соединиться съ своимъ семействомъ.

XXII.

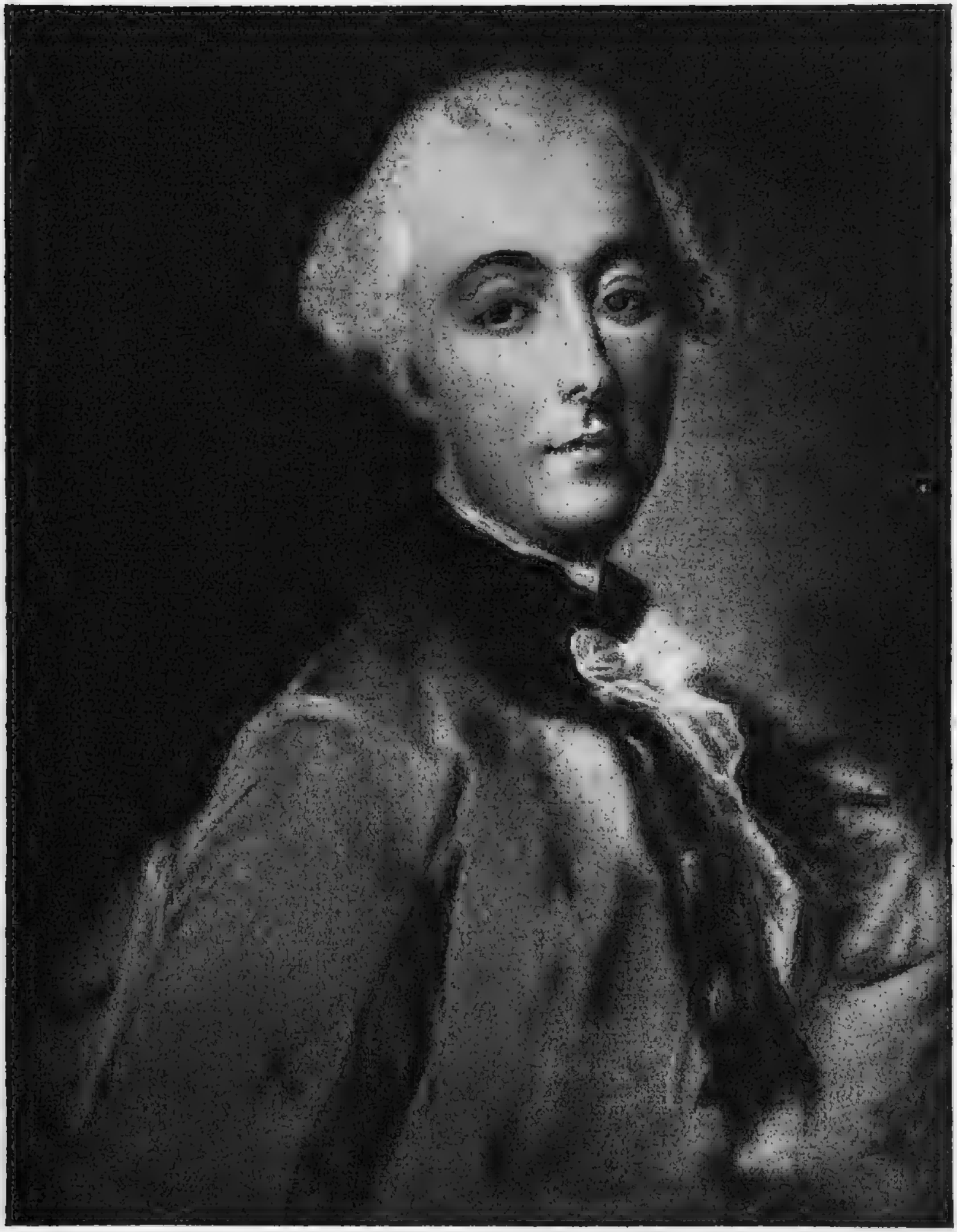
Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 27 апрѣля 1813.

Послѣ письма, которое я имѣлъ счастье послать Вашему Императорскому Величеству нѣсколько дней тому назадъ, я получилъ положительныя извѣстія изъ Литвы, между прочимъ, отъ М. Закоржецкаго; то, что онъ мнѣ сообщаетъ и что подтверждаетъ свидѣтельство достойныхъ личностей, меня глубоко опечалило и вмѣняетъ мнѣ въ обязанность болѣе распространиться о статьяхъ, на которыя я лишь указалъ въ предыдущемъ письмѣ. Кто знаетъ близко Ваше Императорское Величество, тотъ не могъ бы допустить ни малѣйшаго подозрѣнія относительно благородства Вашихъ воззрѣній, или хотя на минуту опасаться того, что, подавая полякамъ надежду на болѣе счастливое будущее, Вы не имѣли бы намѣренія ее осуществить. Но каковы бы ни были Ваши мысли по этому поводу, которыми не сумѣлъ проникнуться народъ, въ данный

моментъ достовѣрно и несомѣнно то, что Вы намѣреваетесь обнадежить и привлечь къ себѣ польскую націю не только справедливостью Вашего правительства, но и знаками Вашего великодушія и милосердія, заставивъ ее даже надѣяться, что возносимыя ею къ Вамъ мольбы будутъ услышаны. Въ Вашемъ положеніи, Всемилостивѣйшій Государь, всякій царь, бывшій лишь политикомъ и не имѣвшій никакихъ нравственныхъ качествъ, поступилъ бы точно также; такова принятая Вами система, такова выраженная Вами воля; но между тѣмъ, такая мудрая воля не даетъ результатовъ, она пропадаетъ въ ошибочномъ и недоброжелательномъ исполненіи; тѣ, которымъ надлежитъ ее выполнить, нарушаютъ ее самымъ вопіющимъ образомъ.

Пять литовскихъ губерній, вмѣсто того, чтобы пользоваться благодѣяніями, которыми Вы желали, чтобы онѣ наслаждались, изнемогаютъ подъ бременемъ режима суроваго, несправедливаго и произвольнаго до такой степени, которая еще до сихъ поръ не существовала. Никто, такъ сказать, тамъ не можетъ ручаться ни за свое положеніе, ни за жизнь и честь. Каждый негодяй, въ которыхъ нѣтъ нигдѣ недостатка, всякій еврей и человѣкъ, котораго на это толкаетъ желаніе мести, или корыстолюбивая приманка, можетъ причинить несчастіе самому неповинному гражданину и его семьѣ. Система доносовъ тамъ въ полной силѣ;



Князь АДАМЪ ЧАРТОРИЖСКІЙ.

возможно ли, чтобы въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества могла существовать подобная система, которая считалась главнымъ источникомъ громаднѣйшихъ бѣдствій въ Римѣ, во время самыхъ тираническихъ Императоровъ? Слѣпое и жадное ожесточеніе, которое даже не даютъ себѣ труда скрывать, оскорбительное презрѣніе, приправленное горчайшей ироніей, составляютъ сущность поведенія русскихъ чиновниковъ; они стараются увеличить число конфискацій всякаго рода придирками. Однимъ словомъ, правительство и все начальство, вмѣсто того, чтобы покровительствовать и защищать жителей, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ, полагаютъ, что они призваны ихъ мучить, унижать, строить имъ козни, сдирать съ нихъ шкуру и губить.

Вы понятія не имѣете, Государь, о томъ злѣ, которое дѣлается Вашимъ именемъ, такъ какъ иначе Вы заставили бы его прекратить. Если поведеніе мародеровъ послѣ французской арміи послужило къ пользѣ Вашего Императорскаго Величества, то, если русскія власти въ Литвѣ будутъ и впредь поступать точно такъ же, если на нихъ не наложатъ узды, то онѣ добьются того, что будутъ работать къ Вашему вреду. Силы и терпѣніе истощаются, смертельное отчаяніе овладѣло населеніемъ; и между тѣмъ какъ до сихъ поръ не было даже подобія волненія въ этомъ краю, весьма возможно, что теперь при-

бѣгнуть къ какому-нибудь возстанію, не по убѣжденію, или надѣясь на успѣхъ, но единственно отъ чрезмѣрнаго отчаянія, чтобы лучше погибнуть, чѣмъ выносить настоящее положеніе вещей. Я не былъ бы удивленъ, если бы русскіе чиновники не имѣли бы этой цѣли даже въ виду и, весьма вѣроятно, что большинство порадуется такому пагубному результату, разсчитывая, что, вслѣдствіе частныхъ безпорядковъ, усилятся бѣдствія всего края и что Ваше Величество устанете защищать страну отъ лихоимства и откажетесь отъ своихъ благихъ проектовъ.

Впрочемъ, если жестокій и произвольный режимъ долженъ привести къ такимъ послѣдствіямъ, то этому не помѣшаетъ никакая жестокость, тѣмъ болѣе, что она и такъ доведена до крайности. Нужно предупреждать зло управленіемъ мудрымъ, справедливымъ, мягкимъ и успокаивающимъ, которое позволило бы вздохнуть и воспрянуть духомъ.—Русскія войска, побуждаемыя тѣми же мыслями, позволяютъ себѣ насилія и жестокости, строго имъ запрещенныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, увеличиваютъ тревогу и отчаяніе и лишь тогда становятся болѣе сдержанными, когда переступаютъ границу. Вотъ факты, требующіе серьезнаго вниманія и быстрыхъ мѣръ. Я признаю, если я смѣю выразиться, только одну ошибку за Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, а именно, что выборъ Вами лицъ не всегда хорошъ и часто падаетъ

на тѣхъ, чьи недостатки и бездарность Вамъ уже были давно извѣстны.

Одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, на которыя я указываю Вашему Императорскому Величеству, это М. Эртель. Это человѣкъ, не имѣющій ни души, ни здраваго смысла, представляющій изъ себя нѣчто вродѣ бѣсноватаго, безъ малѣйшаго понятія о томъ, что справедливо, благопристойно и необходимо, въ настоящую минуту хозяинъ жизни, благосостоянія и репутаціи каждаго несчастнаго поляка; крайне несчастенъ народъ, преданный въ подобныя руки. Онъ имѣетъ власть содрать шкуру съ каждаго человѣка, сослать его, куда ему вздумается, безъ суда и слѣдствія, такъ какъ что же значитъ слѣдствіе, произведенное М. Эртелемъ? Граждане исчезаютъ изъ семьи, и никому невѣдомо, что съ ними сталось и въ чемъ ихъ вина; М. Эртель имѣетъ въ своемъ распоряженіи множество офицеровъ, которые рыскаютъ по всему краю, чтобы ему привести жертвъ, и Ваше Императорское Величество легко поймете, что, желая придать себѣ болѣе вѣсу и понравиться своему начальнику, они не ставятъ границъ доносамъ, заточеніямъ и побоямъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, чтобы вынудить сознаніе въ преступленіи. Если бы пришлось собирать голоса относительно М. Эртель, то это было бы однимъ изъ пунктовъ, на которомъ сошлись бы русскіе и поляки; всѣ единственно подали бы голоса

противъ него и признали бы вѣрнымъ нарисованный мною портретъ. Повсюду, гдѣ онъ ни служилъ, онъ только сѣялъ зло и по своей натурѣ онъ только на это единственно и способенъ. Подобный слуга недостоинъ Вашего Императорскаго Величества.

Вторая причина плачевнаго состоянія Литвы, о которой я не считаю себя въ правѣ умолчать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, это назначеніе губернаторомъ М. Ловицкаго, извѣстнаго рѣшительной враждой къ полякамъ, дать волю которой онъ имѣетъ всѣ средства и случаи. Почему Вы, Ваше Императорское Величество, назначаете на мѣста лицъ, которыя лишь умѣютъ противодѣйствовать Вашимъ желаніямъ, вредятъ задуманному Вами благому дѣлу, измѣняя его сущность, и вмѣсто того, чтобы проникнуться Вашими достоинствами и качествами, достигаютъ лишь ничтожныхъ результатовъ, или вслѣдствіе своихъ недостатковъ, или по нежеланію?

Князь Корсаковъ, имѣющій тысячу достоинствъ, увлеченъ на тотъ же путь, въ невѣдѣніи, что ему слѣдовать не нужно. Не признаете ли Вы, Ваше Императорское Величество, за благо дать ему предписаніе, равно какъ и другимъ главнымъ губернаторамъ, избрать образъ дѣйствій примиряющій, справедливый, умѣренный, способный успокоить и привлечь къ себѣ умы, строго воспретить безпорядки, производимые войсками, однимъ словомъ, дать ему инструкціи, аналогичныя

съ тѣми, которыми Ваше Императорское Величество снабдили Ланского и генераловъ, командующихъ въ герцогствѣ. Если бы Литовскіе губернаторы, или М. Эртель находились бы въ Варшавѣ, со всѣми смутами, ропотомъ, доносами, безпрерывно продолжавшимися здѣсь въ послѣдніе дни и не имѣвшими никакого основанія, то мы были бы свидѣтелями казней, возмущеній, вызванныхъ преувеличенной и вредной строгостью. Прикажите, Государь, чтобы не обращали вниманія на доносы, не имѣющіе законныхъ причинъ и не подвергавшіеся нелицепріятному слѣдствію. Никто не выскажетъ упрека при наказаніи подстрекателя, или преступника, лишь бы онъ былъ только судимъ законно и всенародно. Заставьте присутствовать на этомъ судѣ гражданъ, и они первые обвинятъ тѣхъ, которые желали смутить общественный покой и злоупотребить милостію Вашего Императорскаго Величества; но зато также слѣдуетъ наказать съ примѣрной строгостію доносчика, позволяющаго себѣ играть слезами и гибелью невиннаго. Все, что предшествовало амнистіи и было въ нее включено, уже болѣе не подлежитъ никакому доносу, ни гоненію, потому что амнистія уничтожаетъ все.

Права супруговъ и кредиторовъ на имущества, находящіяся подъ запрещеніемъ, о которыхъ я уже бесѣдовалъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и объявленныя въ моемъ присутствіи княземъ Куту-

зовымъ, должны бы были быть поручены разслѣдованію безпристрастной комиссіи, состоящей изъ уважаемыхъ гражданъ.—Такъ какъ всѣ чиновники, одержимые враждой, могутъ лишь натворить много зла, въ которомъ они себя не только не упрекаютъ, но считаютъ его дозволеннымъ и даже заслуженнымъ, то надо въ отношеніи ихъ соблюдать достаточно предосторожности, если желаютъ, чтобы справедливость восторжествовала; приходится постоянно ограждать себя отъ непрерывнаго напора ненависти и алчности.

Я узналъ, что Ваше Императорское Величество возстановили центральный комитетъ въ Вильнѣ для распредѣленія повинностей; чтобы онъ сдѣлался насколько возможно полезнѣе, слѣдовало бы, чтобы каждая изъ пяти губерній, находящихся въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ, прислала бы туда извѣстное лицо.—Если бы этому комитету придали значеніе и увеличили его полномочія, то онъ могъ бы соотвѣтствовать той идеѣ, о которой я упоминалъ въ предыдущемъ письмѣ Вашему Императорскому Величеству.—Три южныхъ губерніи менѣе достойны сожалѣнія, такъ какъ судьба ихъ избавила отъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ во время войны; но имъ также приходится терпѣть отъ правителей, поскольку тѣмъ доступно проявлять свой произволъ.—Такой же комитетъ, какъ въ Вильнѣ, тамъ былъ бы необходимъ; ихъ

было бы можно соединить вмѣстѣ въ тотъ моментъ, который былъ бы признанъ своевременнымъ.

Позволяю себѣ напомнить Вашему Императорскому Величеству о словахъ, сказанныхъ мною относительно М. Корберлэй и, я полагаю, что Вашему Императорскому Величеству невыгодно заставлять управлять Вашимъ народомъ людей, которые ненавидятъ и ненавидимы сами на протяженіи Вашихъ границъ.— Дальнѣйшія подробности были бы излишни въ этомъ и безъ того длинномъ письмѣ; дошедшія до меня свѣдѣнія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ подлинности фактовъ, повергнутыхъ мною на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества; прилагаемый при семъ переводъ отрывка изъ письма М. Вакоропецкаго, послужитъ доказательствомъ и подтвержденіемъ моихъ увѣреній. Повелите ему Всемилостивѣйшій Государь, представить Вамъ обстоятельную и правдивую докладную записку о положеніи провинціи. Чтобы какъ комитетъ въ Литвѣ, такъ и комитетъ въ Волыни, который Вы, быть можетъ, создадите, были бы обязаны Вамъ представлять свои запросы и взгляды. Я повторяю, что крайне необходимо, чтобы Ваше Императорское Величество убѣдились въ дѣйствительномъ существованіи столькихъ несчастій и подали бы жителямъ быструю помощь. Я крайне опасаюсь, чтобы подобныя бѣдствія не обрушились бы также на Вар-

шавское герцогство; зло начинаетъ распространяться все дальше и дальше.

Если Ваше Императорское Величество соизволите на это обратить вниманіе, то поспѣшите приказать, чтобы центральный совѣтъ былъ единственнымъ дѣйствующимъ началомъ какъ для гражданскаго порядка, такъ и для потребностей страны; лица, назначенныя въ совѣтъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, заслуживаютъ Вашего довѣрія. Учрежденіе совѣта не принесетъ никакой пользы, если другія лица и другія власти начнутъ вмѣшиваться въ его права и обязанности, отдавая приказанія въ краю, сами по себѣ и безъ разбору.—Благоволите припомнить, Государь, что въ Вашей Имперіи между лицами, вліяющими на образъ дѣйствій правительства, лишь только особа Вашего Императорскаго Величества нѣсколько благосклонна къ полякамъ. Ваша мысль, Всемилостивѣйшій Государь, и Ваше слово теряютъ характеръ и вліяніе по мѣрѣ удаленія и приведенія ихъ въ исполненіе.—Отъ этого происходятъ крайняя нескладность и постоянныя противорѣчія, замѣчаемыя въ мѣрахъ, принятыхъ противъ поляковъ. Между тѣмъ, какъ Ваше Императорское Величество, кажется, желаете ихъ успокоить, обнадежить и привлечь ихъ къ себѣ, большинство губернаторовъ стараются ихъ ожесточить, оттолкнуть и вывести изъ терпѣнія. Нельзя ли имѣть въ главной квартирѣ на опредѣленномъ посту какого-

нибудь поляка, который, такъ сказать, былъ бы адвокатомъ, представителемъ отъ народа и уполномоченнымъ управлять дѣлами, касающимися страны? Я полагалъ бы, что могу исправлять эту должность; но всякій другой депутатъ, присланный изъ Вильны, угодный Вашему Величеству, могъ бы ее исправлять точно также хорошо; лишь бы только это было для Васъ подходящимъ дѣломъ, Государь, а затрудненій въ выборѣ не будетъ.

Девять милліоновъ людей заслуживали бы особаго вниманія. Въ данный моментъ нѣтъ никого, кто защищалъ бы наши интересы, отвѣчалъ бы на тысячи обвиненій и неопредѣленныхъ предложеній, заставляющихъ часто прибѣгать къ ошибочнымъ мѣрамъ; нѣтъ никого, кто имѣлъ бы понятіе о краѣ и его жителяхъ, могъ бы дать о нихъ вѣрныя свѣдѣнія и предложить проектъ, основанный на знаніи мѣстности; никого, чье присутствіе близъ особы Вашего Императорскаго Величества внушало бы довѣріе и надежду народу. Васъ окружающіе, Ваше Императорское Величество, или совершенно несвѣдущи въ дѣлахъ Польши, или, наоборотъ, къ нимъ равнодушны.

Выводъ изъ всего того, что я осмѣлился повергнуть на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, заключается въ томъ, что настоящій моментъ требуетъ, чтобы Вы рѣшились на извѣстное мѣропріятіе, на

какое-нибудь дѣйствіе, благопріятное для поляковъ, котроое бы положило конецъ или оказало бы помощь въ посыпавшихся на насъ бѣдствіяхъ.

Общественное настроеніе и мнѣніе мѣняются и не могутъ поддерживаться, если ими не дорожатъ, и когда все происходящее способно ихъ только взбудоражить. Если Ваше Императорское Величество еще не можете открыть своихъ намѣреній, то сдѣлайте, по крайней мѣрѣ, что-либо другое, чтобы успокоить умы и снова привлечь ихъ къ себѣ. Содержаніе настоящаго и предыдущаго писемъ указываетъ Вамъ на то способы.

Я только что перечелъ все мною написанное и опасалось, что, сильно желая убѣдить Ваше Императорское Величество, не подвергъ ли я себя риску Васъ оскорбить; между тѣмъ, все мною написанное истинная правда, и хорошо, что Вашему Императорскому Величеству она извѣстна, разъ я уже рѣшился о ней написать; я отправляю это письмо такимъ, какъ оно есть.—Пока Ваше Императорское Величество разрѣшаете мнѣ вести съ Вами переписку, я буду Вамъ говорить все, что мнѣ диктуютъ совѣсть и сердце, не сообразуясь болѣе ни съ чѣмъ. Если бы я не былъ полякомъ, то точно также бы старался по гуманности, любви къ правдѣ обратить Ваше вниманіе, затронуть Вашу справедливость, Вашу отзывчивость къ страданьямъ, прекратить или значительно облегчить кото-

рыя зависитъ отъ васъ.—Заклинаю Ваше Императорское Величество не пренебрегать тѣмъ, что я Вамъ высказалъ вслѣдствіе преданности, избытка усердія и чистосердечія. Если Вы не обратите на это никакого вниманія, то настоящее мучительное положеніе, постепенно прогрессируя, вызоветъ самыя печальныя послѣдствія для страны, ея обитателей и для блага службы Вашему Императорскому Величеству.

Генералъ Эртель только что внезапно вступилъ въ городъ съ многочисленной свитой и со всею пышностью великаго инквизитора.—Геральдика въ С.-Петербургѣ прислала сюда массу чиновниковъ всѣхъ ранговъ.—Для нихъ будутъ нарочно созданы мѣста въ различныхъ правительственныхъ дикастеріяхъ и въ департаментахъ.—Ваше Императорское Величество отгадаете впечатлѣніе, производимое на общество этими появленіями и мѣропріятіями, и поймете, что надежда на будущее счастье должна ослабнуть и исчезнуть.—Генералъ Зажацекъ семидесяти лѣтъ и безъ ногъ; генералъ Дзивановскій почти тѣхъ же лѣтъ и съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, оба честные люди, были отправлены изъ Вильны во внутренность Россіи.—Что могли предпринять эти два искалѣченные старца и зачѣмъ ихъ заставили путешествовать? Множество изувѣченныхъ плѣнниковъ, лишенныхъ возможности когда-либо служить, находящихся внутри Имперіи, которые даютъ честное слово и представляютъ пору-

чительство почтенныхъ родственниковъ, должны бы были быть выпущены на свободу съ разрѣшеніемъ присоединиться къ своей семьѣ.—За нихъ говорятъ основныя правила гуманности и экономіи.

XXIV.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

Вѣна, 13|25 мая 1815.

Въ теченіе времени, проведеннаго Вами около меня, Вы имѣли случай узнать мои намѣренія относительно учрежденій, которыя я хочу основать въ Польшѣ, и по поводу улучшеній, которыя я желаю ввести въ этомъ краѣ. Вы позаботитесь о томъ, чтобы ихъ никогда не терять изъ виду при совѣщаніяхъ Совѣта и обратить на нихъ вниманіе Вашихъ коллегъ, для того, чтобы образъ дѣйствій правительства и реформы, которыя ему поручено произвести, согласовались бы съ моей точкой зрѣнія. Вы не пропустите срока, если въ этомъ явится необходимость, и возьмете на себя по этому поводу иниціативу, чтобы ускорить результаты и представить проекты, соотвѣтствующіе принятой системѣ.

Такъ какъ Вы не менѣе меня освѣдомлены относительно моихъ взглядовъ на направленіе, которымъ должны обязательно руководствоваться при выборѣ

различныхъ чиновниковъ, то Вы не преминете позаботиться, чтобы онъ былъ сдѣланъ въ этомъ смыслѣ. Для края, уже давно расшатаннаго столькими безпорядками и революціями, крайне важно, если тамъ преслѣдуется образъ дѣйствій равномѣрный и хорошо разсчитанный. Вотъ о чемъ я хотѣлъ еще разъ Вамъ напомнить этимъ письмомъ, которое я Вамъ даже разрѣшаю показать, чтобы придать болѣе вѣры тому, что Вамъ придется сказать для выполненія моихъ желаній.

Александръ.

XXV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

1815.

Такъ какъ основы конституціи, допуская военное министерство между развѣтвленіями администраціи, соединенными подъ одинъ и тотъ же главный надзоръ, составляютъ ансамбль правительства, то мы считаемъ своей обязанностью вызвать по этому вопросу высшее рѣшеніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.

Присутствіе Его Высочества Великаго Князя въ этомъ краѣ и особенныя полномочія, которыми Ваше Императорское и Царское Величество соизволили снабдить Его Императорское Высочество, воспретили временному правительству всякія сношенія съ военной администраціей, что было исключительно возложено на особый комитетъ.—Эта совершенная разобщенность между гражданской и военной администраціями страны даетъ поводъ къ самымъ серьезнымъ затрудненіямъ.

Она поставила правительство въ невозможность представить Вашему Величеству общій докладъ относительно состоянія и будущихъ надобностей государства, изъ которыхъ войско является однимъ изъ существенныхъ элементовъ.—Пока самая значительная и дорого стоящая часть администраціи пребываетъ всецѣло независимой и изолированной, она не можетъ быть подчинена никакому контролю, и расходы края не могутъ равняться его доходамъ.

Правительство, постоянно задерживаемое во всякомъ дѣйствіи, имѣющемъ какое-либо отношеніе къ военной части, считаетъ себя часто вынужденнымъ отказаться отъ полезныхъ мѣропріятій, выполненіе которыхъ лишь доступно при вѣрномъ и ревностномъ союзѣ съ военной администраціей.

Экономія, которую стараются ввести во всѣ расходы края и въ гражданскую администрацію въ особенности, убавляя до крайности число служащихъ и уменьшая размѣръ ихъ жалованья до того, что жалованья этого можетъ доставать лишь на самое необходимое, не будетъ имѣть успѣха, если тотъ же духъ бережливости и суровости не будетъ руководить администраціей арміи и если не будетъ введена извѣстнаго рода соразмѣрность между окладами военными и гражданскими. Кромѣ того, собственно говоря, администрація арміи въ столькихъ пунктахъ соприкасается съ гражданской администраціей, что онѣ обѣ не могли

бы быть ни организованы, ни управляемы иначе, какъ по общей системѣ.

Эти причины, увѣренность, что польская армія не преминетъ перейти немедленно на иждивеніе края, и рѣшительное соображеніе, что въ такомъ случаѣ средствъ государства не хватило бы на настоящую администрацію арміи, побуждаютъ временное правительство повергнуть этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества, не признаете ли Вы цѣлесообразнымъ повелѣть учредить военное министерство, которое бы замѣнило военный комитетъ и было бы организовано на тѣхъ же началахъ и съ тѣмъ же направленіемъ, какъ и два другихъ существующихъ министерства.

Главной заботой этого министерства было бы предложеніе проекта своего внутренняго устройства, и правительство, если на это послѣдуетъ соизволеніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества, предоставитъ себѣ право представить на Ваше благоусмотрѣніе, Всемилостивѣйшій Государь, свои наблюденія относительно отчета, поданнаго военнымъ комитетомъ, и экономіи, которую было бы можно ввести въ штаты арміи.

XXVI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, іюнь 1815.

День 21-го *) можетъ считаться однимъ изъ тѣхъ, воспоминаніе о которыхъ для великодушнаго сердца Вашего Императорскаго Величества станетъ наградой за Ваши труды, Государь, для блага человѣчества.

Гражданская и военная церемоніи прошли точно также прекрасно. Различные доклады, представляемые графомъ Озаровскимъ, и донесеніе которое онъ сдѣлаетъ лично Вашему Императорскому и Царскому Величеству, позволятъ Вамъ самимъ судить о происшедшемъ.

Я ограничусь добавленіемъ, что всеобщее впечатлѣніе не оставляло желать ничего лучшаго: безграничная благодарность за столько благодѣяній, въ которыя уже болѣе не вѣрилось, и чувства преданности,

---

*) День провозглашенія царства Польскаго.

запечатлѣвающія клятву вѣрности въ душѣ Вашихъ новыхъ подданныхъ.

Основы конституціи увлекли въ особенности всѣ сердца; но онѣ были необходимы, чтобы произвести подобный эффектъ послѣ долгаго ожиданія, часто обманутыхъ надеждъ и поведенія Великаго Князя. Сожалѣли объ орлѣ на гербѣ, бывшемъ до сихъ поръ; къ новому образцу оружія и къ вмѣшательству русскихъ въ образъ правленія отнеслись съ прискорбіемъ, но основы конституціи заставили все забыть.

Присутствовавшіе на столькихъ предыдущихъ церемоніяхъ въ этомъ краѣ замѣтили, что настоящая носила совершенно иной характеръ, въ ней было что-то спокойное и реальное, и ничего театральнаго и притворнаго. Можно было бы сказать, что этотъ народъ послѣ столькихъ страданій не имѣлъ болѣе силъ для проявленія безумнаго восторга; глубокій интересъ и увѣренность были написаны у всѣхъ на лицахъ и поражающе характеризовали этотъ день...

XXVII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 1-го сего іюля 1815.

Правительство начинаетъ организоваться; прежде чѣмъ каждый будетъ на своемъ мѣстѣ и пойметъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, машина будетъ испытывать нѣкоторыя затрудненія при движеніи; эти трудности постепенно устранятся; наша главная цѣль заключается въ томъ, чтобы ни въ чемъ остановки не было.

Я льщу себя надеждой, что, когда эти первоначальныя трудности будутъ побѣждены, то администрація усовершенствуется во всѣхъ своихъ отрасляхъ сообразно съ основами конституціи.—Эта страна будетъ обязана Вашему Императорскому Величеству общественнымъ строемъ и образомъ правленія, которые послѣдовательно приблизятся къ совершенству.

Общественное настроеніе прекрасно и становится лучше съ каждымъ днемъ.—Русская и польская гвардіи воздаютъ другъ другу должное; между ними

царитъ полнѣйшее согласіе. Его Высочество Великій Князь поддерживаетъ его усиленной любезностью, войска, кажется, очень довольны Его Императорскимъ Высочествомъ.

Такъ какъ по недостатку времени церемонія приведенія къ присягѣ не могла быть уже выполнена во всѣхъ вѣдомствахъ, то это обстоятельство отсрочило отправку депутаціи, которую страна желала послать своему Государю и благодѣтелю для выраженія ему своихъ вѣрноподданническихъ и благодарныхъ чувствъ.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ и трудныхъ вопросовъ для разрѣшенія является Варшава. Ея настоящій общественный строй дѣлаетъ невозможнымъ учрежденіе всякаго контроля и порядка.—Связь, которая должна существовать между правительствомъ и военной администраціей совсѣмъ отсутствуетъ и будетъ крайнѣ трудно ее осуществить съ русскимъ Великимъ Княземъ; этой связи, упрочить которую посредствомъ указа... поручено Его Императорскому Высочеству, еще до сихъ поръ совершенно не имѣется.

Говорятъ, что гвардія уже находится вблизи Вильны. Если Ваше Императорское Величество придерживаетесь своего прежняго рѣшенія, чтобы Великій Князь шествовалъ къ Рейну, во главѣ своего отряда, то Ваше Императорское Величество отдадите безъ сомнѣнія приказъ, на кого будетъ возложено командованіе и

какъ оно будетъ установлено. Моментъ для его организаціи будетъ благопріятный.

Главный вопросъ, подлежащій рѣшенію, состоитъ въ томъ, что будутъ ли польскія войска находиться подъ командой русскаго генерала? Его Высочеству Великому Князю слѣдовало бы высказать свой взглядъ по этому поводу.

Кажется, что польскій командующій могъ бы обо всемъ сговориться съ генераломъ Мюллеръ. Когда генералъ Костюшко прибудетъ сюда, то не довѣритъ ли ему Ваше Императорское Величество постъ главнокомандующаго арміей?

XXVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 17/29 сего іюля 1815.

Устройство министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, а также министерства юстиціи подходитъ къ концу и будетъ имѣть въ результатѣ значительную экономію.—Нашей первой заботой было не задерживать хода дѣйствій правительства, а вторая состоитъ въ томъ, чтобы съ самаго начала и безъ промедленія водворить возможный порядокъ и экономію.

Послѣдующія реформы и установленія, которыя постепенно должны быть приведены въ исполненіе согласно съ конституціонными основами, будутъ вслѣдъ за этимъ предметомъ непрерывныхъ работъ правительства. Мы къ этому приложимъ всѣ наши силы и способности; лица, вновь опредѣленныя на службу администраціи, воодушевлены тѣмъ же рвеніемъ, и я не сталъ бы сомнѣваться въ самыхъ удовлетворительныхъ результатахъ, благодаря благотворному вну-

шенію, данному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, если бы одно единственное обстоятельство не разстраивало бы всѣхъ хорошо разсчитанныхъ операцій: это существованіе независимой военной власти, съ которой правительство не въ силахъ бороться!—Я никогда бы не осмѣлился коснуться такой чувствительной струны, если бы меня къ этому не вынудила крайняя необходимость; слѣдовательно, рискуя навлечь на себя неудовольствіе Вашего Императорскаго Величества, я все же буду говорить, такъ какъ успѣхъ Вашего дѣла касательно Польши имѣетъ, мнѣ кажется, столько же значенія для Вашей славы, Государь, какъ и для благосостоянія этого края.

Съ отъѣздомъ Озаровскаго, Его Высочество опять совершенно измѣнился.—Никакое усердіе, никакая покорность не способны его умилостивить. Онъ, кажется, возымѣлъ отвращеніе къ этому краю и ко всему въ немъ происходящему, и эта ненависть, къ нашему ужасу, постепенно усиливается. Это служитъ темой для его ежедневныхъ разговоровъ со всѣми.—Онъ не щадитъ ни арміи, ни народа, ни частныхъ лицъ.—Конституція въ особенности даетъ ему поводъ къ постояннымъ сарказмамъ; онъ осмѣиваетъ все, относящееся къ правиламъ, порядку, законамъ, и, къ несчастію, факты уже послѣдовали за словами. Его Высочество Великій Князь остается при своемъ мнѣніи даже относительно военныхъ законовъ, имъ самимъ

утвержденныхъ. Онъ безусловно хочетъ ввести въ армію палочные удары и даже вчера отдалъ по этому поводу приказъ, не обращая вниманія на единодушныя увѣщанія комитета. Бѣгство съ военной службы, значительное уже теперь, сдѣлается повсемѣстнымъ; въ сентябрѣ большая часть офицеровъ подастъ прошеніе объ отставкѣ.

Было бы возможно сказать, что существуетъ планъ, созданный, чтобы противодѣйствовать проектамъ Вашего Величества, чтобы сдѣлать призрачными Ваши благодѣянія и заставить рухнуть Ваше предпріятіе въ самомъ началѣ. Его Императорское Высочество, ничего не подозрѣвая, былъ бы въ данномъ случаѣ слѣпымъ орудіемъ этого замысла, первоначальное развитіе котораго было бы направлено на то, чтобы раздражить какъ русскихъ, такъ и поляковъ, и обратить въ ничто самыя торжественныя обѣщанія Вашего Величества.—Что кажется достовѣрнымъ, такъ это то, что нѣкоторые приближенные Его Высочества, какъ явные, такъ и тайные, сильно способствуютъ поддержанію въ немъ мрачнаго расположенія духа и вспыльчивости.

Чего бы я не далъ, чтобы здѣсь сумѣли угодить Его Высочеству Великому Князю и выполнить въ этомъ отношеніи желанія Вашего Величества! Но это безусловно невозможная вещь, и если онъ здѣсь останется, то я, напротивъ, страшусь самыхъ печальныхъ результатовъ. Уже въ моихъ предыдущихъ письмахъ

я позволилъ себѣ бесѣдовать съ Вашимъ Величествомъ о необходимости внести порядокъ и экономію въ администрацію арміи, какъ и въ другія части правленія. Теперь мое убѣжденіе на этотъ счетъ еще положительнѣе.

Вызовъ въ главную квартиру Его Высочества Великаго Князя, который не перестаетъ горько жаловаться, что онъ здѣсь оставленъ въ безпомощномъ состояніи, и громко требуетъ освобожденія отъ наказанія, наложеннаго на него Вашимъ Величествомъ, какъ говоритъ онъ, учрежденіе военнаго министерства вмѣсто комитета и назначеніе генерала Витгенштейна главнокомандующимъ въ Царствѣ—таковы мѣропріятія, представляющіяся мнѣ наиболѣе выполнимыми, цѣлесообразными и крайне необходимыми.

Время не терпитъ, Всемилостивѣйшій Государь, каждый часъ можетъ быть виновникомъ какого-нибудь безпорядка или катастрофы, мысль о которыхъ меня заставляетъ трепетать.

Его Высочество, кажется, ничего не хочетъ щадить и, судя по его образу дѣйствій, можно было бы подумать, что онъ намѣревается довести дѣло до крайности. Врагъ не могъ бы болѣе вредить Вашему Императорскому Величеству.—Вы найдете при семъ прилагаемый проектъ указа, составленнаго на основаніи вышеизложенныхъ идей и списокъ лицъ для выбора въ военное министерство.—Если бы даже Ваше Импе-

раторское Величество и признали бы необходимымъ пребываніе Великаго Князя въ этомъ краѣ, то пусть онъ возвратится сюда единственно какъ главнокомандующій войсками, а не какъ администраторъ и судья.

Въ другомъ письмѣ я описалъ подробно нѣкоторые факты, что, по мнѣнію моихъ коллегъ, должно было бы имѣть характеръ услуги правительству.—Я былъ бы въ отчаяніи, если бы мой поступокъ былъ дуренъ; но упрекать мнѣ себя не въ чемъ, а Ваше Императорское Величество узнали правду.

Благоволите сжалиться надъ Крюковецкимъ, Государь; уже три мѣсяца, какъ онъ находится подъ арестомъ; для суда надъ нимъ не созывали военнаго Совѣта, а теперь это было бы излишнимъ, потому что онъ и такъ былъ достаточно наказанъ такимъ продолжительнымъ арестомъ. — Онъ ходатайствуетъ лишь о томъ, чтобы его выпустили на свободу и чтобы его дѣло съ Соколицкимъ разбиралось бы на основаніи законовъ, существовавшихъ во время совершенія имъ проступка, и въ то время, когда онъ заявилъ протестъ.— Я очень боюсь, чтобы въ этомъ случаѣ правосудіе не впало въ ошибку, потому что Его Высочество Великій Князь полагаетъ, что правосудіе подчинено субординаціи и что приговоръ зависитъ отъ приказа.

Проектъ декрета, предложеннаго Его Императорскому Величеству.

Такъ какъ Великій Князь Константинъ покидаетъ

постъ командующаго войсками, чтобы стать во главѣ нашей гвардіи, то на его представленіе я предписываю слѣдующее:

Командованіе войсками будетъ временно поручено старѣйшему изъ генераловъ военнаго комитета.

Предсѣдатель военнаго комитета снесется съ генераломъ Мюллеръ относительно движенія войскъ и внутренняго порядка въ арміи.

Комитетъ войдетъ въ прямыя сношенія съ нашими намѣстниками, чтобы учредить военное министерство, составляющее часть правительства, сообразно съ основами конституціи.

Если они не придутъ къ соглашенію, то пусть мнѣ будетъ представленъ окончательный проектъ по этому поводу до истеченія шести недѣль.

XXIX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

31 сего іюля 1815.

Всемилостивѣйшій Государь,

Положеніе правительства Вашего Императорскаго Величества въ этой странѣ. сдѣлалось съ нѣкоторыхъ поръ въ извѣстномъ отношеніи тягостнымъ и затруднительнымъ.—Чтобы сложить съ себя на этотъ счетъ всякую отвѣтственность, я себя считаю вынужденнымъ довести до Вашего свѣдѣнія, Государь, подробности, о которыхъ я желалъ бы никогда не говорить.

Множество офицеровъ всякихъ ранговъ, исходатайствовавъ себѣ полную отставку въ видѣ безсрочнаго отпуска сочли себя вступившими въ общій классъ гражданъ, основываясь еще на томъ, что они не сохранили ни жалованья, ни обязанностей, ни даже надежды на полученіе когда-либо мѣста по военному вѣдомству.—Между тѣмъ Его Императорское Высочество, Великій Князь, во многихъ случаяхъ выска-

зывался и поступалъ съ подобными лицами такъ, какъ-будто они еще состояли на военной службѣ.—А именно, Его Императорское Высочество привлекъ къ суду военнаго Совѣта отставного капитана Стампровскаго и, такъ такъ военный Совѣтъ два раза отозвался, что не считаетъ себя въ правѣ судить человѣка уже болѣе не военнаго, то Его Высочество приговорилъ капитана безъ суда и слѣдствія къ полугодовому тюремному заключенію въ крѣпости Замостья.—Взявъ на себя защиту гражданъ и выполненіе постановленій Вашего Императорскаго Величества, какъ же должно поступать въ подобныхъ случаяхъ правительство, чтобы считать себя свободнымъ отъ всякихъ упрековъ? Благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, извѣстить его о Вашемъ Высочайшемъ рѣшеніи.—Должны ли бывшіе военные, имѣющіе безсрочные отпуски, признанные самимъ Великимъ Княземъ за отставныхъ, еще оберегать себя отъ военнаго начальства.

Его Высочество Великій Князь уже нѣсколько разъ заставлялъ посылать предписанія правительству привести къ нему гражданскихъ чиновниковъ, подпрефектовъ, мэровъ и т. д. Недавно Его Высочество посадилъ подъ арестъ президента города Варшавы.

Нѣсколько дней тому назадъ, вѣроятно, вслѣдствіе дѣла Стамировскаго, было объявлено объ одномъ распоряженіи, хотя это законодательное постановленіе и не прошло чрезъ военный комитетъ.—Въ силу этого по-

становленія Его Высочество Великій Князь имѣлъ право привлечь къ суду военнаго Совѣта кого бы то ни было, и приговоръ вступалъ въ законную силу со времени отдачи приказа. Какое бы уваженіе ни питало временное правительство къ Его Императорскому Высочеству, не можетъ же оно не признавать, что подобные поступки и распоряженія противны установленнымъ закономъ правиламъ во всей странѣ, вредятъ поддержанію порядка и общественной безопасности и въ особенности прямо противоположны какъ прежнимъ полицейскимъ уставамъ, такъ и конституціоннымъ основамъ, только что пожалованнымъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ этому краю? Прискорбныя послѣдствія, которыя должны обязательно произойти отъ такого явнаго противорѣчія между только что произнесенными священными обѣтами Вашего Величества и непосредственно за ними послѣдовавшими фактами, не могли не поразить и не растревожить временное правительство.—Поставленные между нашимъ долгомъ по отношенію къ Вашему Императорскому Величеству и уваженіемъ къ Вашему Августѣйшему брату, мы не имѣемъ другого способа къ удовлетворенію столькихъ соображеній, какъ доведя все до Вашего свѣдѣнія и умоляя Васъ, Государь, дать Вашему правительству средства поддержать все то, что будетъ признано за Вашу Высочайшую волю.

Всѣ члены правительства совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ и уполномочили меня извѣстить объ этомъ Ваше Императорское Величество. Между тѣмъ, они боятся, чтобы офиціальное донесеніе въ подобномъ дѣлѣ не оказалось бы неумѣстнымъ, и я возложилъ на себя тягостную обязанность замѣнить его настоящимъ письмомъ.—Благоволите поспѣшить, Ваше Величество, подать помощь въ положеніи вещей, постепенно осложняющемся, которое съ каждымъ днемъ можетъ возымѣть еще болѣе серьезныя послѣдствія, которыхъ нельзя ни взвѣсить, ни предотвратить.

Остаюсь, и т. д.

XXX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 14 октября 1815.

Временное правительство представляетъ отчетъ Вашему Императорскому Величеству, до какого пункта дошла организація Царства.

Удостоенный особаго довѣрія Вашего Императорскаго Величества и особенно облеченный полномочіями по отношенію къ выполненію Вашихъ благотворныхъ предначертаній касательно Царства Польскаго, я считаю долгомъ отдать Вамъ вкратцѣ отчетъ въ причинахъ, которыя задержали эту организацію и препятствуютъ ей въ данный моментъ.

1) Недостатокъ довѣрія къ правительству. Здѣшнее правительство не могло заслужить довѣрія, питаемаго націей къ особѣ Вашего Императорскаго Величества, такъ какъ послѣдствія его дѣйствій не согласуются съ Вашей волей. Присутствіе войскъ и русскихъ чиновниковъ подаетъ поводъ къ множеству злоупотре-

бленій и притѣсненій; оно не допускало до сихъ поръ никакой иллюзіи національности.

2) Присутствіе Его Высочества Великаго Князя и его поведеніе, способное отнять всякую надежду относительно будущей судьбы этого края и сдѣлавшее неисполнимыми многія реформы и улучшенія, желаемыя правительствомъ, но которыя оно не осмѣлилось предпринять.

3) Бѣднота всѣхъ жителей, которые, разоренные, впавшіе въ уныніе и разсѣянные повсюду, неохотно отлучаются изъ своихъ деревень и лишь съ трудомъ рѣшаются притти въ городъ, откуда спасаются бѣгствомъ при первой возможности.

4) Бѣдность правительства, не смѣющаго ассигновать значительныхъ окладовъ, чтобы удержать у себя нужныхъ людей, и вынужденнаго отягощать одно и то же лицо различными работами, что, конечно, уменьшаетъ расходы, но зато крайне вредитъ быстротѣ и въ особенности совершенству работы.

5) Раздѣлъ власти, которой довѣрена организація между пятью лицами, снабженными равными полномочіями и имѣющими, большею частью, различные принципы, побужденія и чувства. Это препятствіе настолько серьезно и упорно, что оно совсѣмъ не позволяетъ дѣлу двигаться впередъ.

6) Трудность снабженія всѣмъ, что требуется для продовольствія и постоянныхъ переходовъ армій, такъ

же, какъ и многочисленныя работы, неизбѣжные расходы при выполненіи Вѣнскаго трактата, которые, увеличивая препятствія, постоянно поглощаютъ то время, которое правительство желало бы посвятить дѣлу организаціи страны.—Несмотря на ежедневныя и очень продолжительныя засѣданія, правительство еле можетъ справиться съ текущими дѣлами, находящимися подъ его вѣдѣніемъ. Не слѣдуетъ забывать, что, независимо отъ столькихъ препятствій, работы по реформѣ во всѣхъ отрасляхъ общественной администраціи требуютъ много соображеній, размышленій и значительнаго количества крайне усердныхъ и способныхъ работниковъ. Нельзя было начинать этого дѣла, не опредѣливъ системы его основательно продуманнаго постепеннаго развитія, а одна эта подготовительная работа требовала нѣсколькихъ недѣль, прежде чѣмъ она могла достигнуть необходимой степени зрѣлости.

Наконецъ, нація, по усвоенной ею съ давнихъ поръ привычкѣ считать эту существенную часть связанной съ ансамблемъ главной администраціи, придаетъ большое значеніе этой связи, съ чрезмѣрною скорбью замѣчая разъединеніе между двумя составными частями государства (гражданской и военной), и поэтому охотно прислушивается къ злонамѣреннымъ толкамъ, поводъ къ которымъ подаетъ подобное положеніе вещей.

XXXI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 1815.

Правительство представляетъ Вашему Императорскому и Царскому Величеству объясненія въ причинахъ, побудившихъ его отправить графа Льва Потоцкаго въ Парижъ.—Намъ слѣдуетъ получить съ Франціи обратно довольно значительныя суммы и намъ тѣмъ болѣе выгодно имѣть по этому случаю обезпеченіе, что между деньгами, должными намъ Франціей, имѣются капиталы изъ Байонны, часть которыхъ намъ слѣдуетъ заплатить Пруссіи.

Вѣнскій трактатъ обременилъ эту страну долгами. Финансы ея находятся въ плачевномъ состояніи. Правительство старается насколько возможно сократить расходы гражданской администраціи; но его бережливость будетъ безплодна, если порядокъ и экономія не будутъ господствовать при управленіи арміей. Только единственно министерство, составляющее часть пра-

вительства, можетъ ихъ водворить въ военной администраціи, что я уже осмѣлился ранѣе представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.—Позволяю себѣ это повторить и теперь, потому что, если Ваше Величество желаете, чтобы національная армія поступила на иждивеніе страны, то это могло бы состояться лишь на условіяхъ измѣненія ея настоящаго вида и характера управленія, всецѣло превышающихъ размѣры нашихъ средствъ.

Большая часть русскихъ чиновниковъ, по распоряженію Вашего Императорскаго Величества, уже получили предписаніе и прогонныя деньги для возврата въ чительные, чѣмъ оклады мѣстныхъ служащихъ, произчество для того, чтобы ихъ оклады, гораздо болѣе значительные, чѣмъ оклады мѣстныхъ служащихъ, производили бы порядочную брешь въ доходахъ.—Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что позже многіе изъ русскихъ чиновниковъ не могли бы себѣ найти мѣстъ въ этомъ краѣ, однако, я не скрою отъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества, что вся страна только и ждетъ того момента, когда согласно съ основами конституціи всѣ русскіе чиновники безъ исключенія покинутъ ее, что она непрестанно и высказываетъ. Лишь этотъ день край будетъ считать началомъ своего бытія; пока русскіе чиновники имѣются на-лицо, до тѣхъ поръ страна все будетъ считать себя подъ надзоромъ, который, что бы ни дѣлали, но чувствуется всегда.—Я полагаю, что

М. Ланской и М. Новосильцевъ уже отдали отчетъ Вашему Императорскому Величеству въ причинахъ, побудившихъ ихъ еще удержать у себя здѣсь чиновниковъ. Эти причины съ каждымъ днемъ теряютъ свое значеніе, по мѣрѣ того какъ Европа стремится къ спокойствію. Этотъ вопросъ и вопросъ относительно образа управленія арміей меня вынуждаютъ упомянуть о военныхъ стоянкахъ, гдѣ царятъ злоупотребленія въ такихъ размѣрахъ, что несмотря на уменьшеніе войскъ и отсутствіе главнокомандующаго, городъ еще болѣе отягощенъ, и никто не можетъ себѣ найти тамъ помѣщеній. Слѣдуетъ, чтобы опредѣленныя приказанія, отданныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Его Высочеству относительно постановленій правительства по поводу стоянокъ и распоряженій главнокомандующаго, вошли въ силу и были бы строго и точно выполнены русскими и польскими военными.

Дѣла здѣсь не настолько быстро подвигаются, какъ это было бы желательно. Я не желаю теперь докучать Вашему Императорскому Величеству изложеніемъ причинъ, которымъ это слѣдуетъ приписать.

Многія изъ нихъ уже извѣстны Вашему Императорскому Величеству, и я не премину представить на Ваше благоусмотрѣніе и другія; такъ какъ я опасаюсь, что работа во время Вашего присутствія, если оно, въ особенности, будетъ случайно кратковременнымъ, не настолько успѣшно подвинется впередъ, какъ это бы

слѣдовало для того, чтобы Ваше присутствіе стало истинной эпохой благоденствія этого края.

Комиссары, отправленные М. Гурьевымъ для назначенія тарифа, прибыли.—Проектъ данныхъ имъ инструкцій. былъ уже представленъ на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.—Мы заняты составленіемъ инструкцій для польскихъ комиссаровъ, чтобы затѣмъ ихъ представить на утвержденіе Вашего Величества. — Такъ какъ положенія, утвержденныя Вѣнскимъ трактатомъ касательно торговли для всѣхъ польскихъ областей не тождественны съ правилами, принятыми въ Россіи, то не найдете ли Ваше Императорское и Царское Величество это обстоятельство благопріятнымъ для проведенія таможенной линіи или учрежденія контроля на томъ рубежѣ, который Вашей Высочайшей волей былъ бы принятъ за границу между Россіей и Польшей?

Во всякомъ случаѣ торговые договоры Вѣнскаго трактата почти. не могутъ быть иначе выполнены; и особый родъ контроля для ввоза и вывоза товаровъ и, можетъ быть, для гражданскаго порядка будетъ, собственно говоря, необходимъ для предѣловъ Россіи.

XXXII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 1815.

Чего больше всего боялись, то и случилось. Со времени моего послѣдняго письма произошли новыя событія. Его Высочество засталъ польскихъ солдатъ, воровавшихъ картофель на огородѣ.—Онъ приказалъ ихъ взять и дать имъ палочные удары, призвавъ для этой экзекуціи русскихъ солдатъ. Въ тотъ же самый день на парадѣ генералъ Корнатовскій и полковой командиръ подверглись самымъ кровавымъ оскорбленіямъ и унизительнымъ упрекамъ. Эти офицеры дали знать о своей болѣзни. Армія все еще надѣется на отозваніе Великаго Князя. Лишь въ силу этой надежды и опасаясь, что Ваше Величество будете введены въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящихъ побужденій, офицеры эти еще остаются на службѣ.

Я возымѣлъ съ недавнихъ поръ увѣренность, что въ Петербургѣ образовалось особаго рода общество,

составленное изъ большинства военныхъ, поставившее себѣ главной цѣлью противодѣйствовать благодѣтельнымъ намѣреніемъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества насчетъ Польши.—Это общество командировало сюда лицъ, и кажется, что ихъ вліяніе сказалось на образѣ дѣйствій Его Высочества, котораго онъ придерживается и до сихъ поръ, преслѣдуя въ особенности мысль стать популярнымъ.

Это общество уже изготовило предостереженіе относительно Польши, которое имѣло быть отправлено Вашему Императорскому Величеству. Внезапно вспыхнувшая война, занявшая этихъ крамольниковъ, и совѣты извѣстныхъ благоразумныхъ лицъ помѣшали выполненію этого плана.

XXXIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 16/28 января 1816.

Всемилостивѣйшій Государь,

Полагая, что генералъ Зажацекъ и М. Новосильцевъ по долгу службы уже увѣдомили Ваше Императорское и Царское Величество обо всемъ, что достойно Вашего вниманія въ этомъ краѣ, я не желалъ Васъ безпокоить своими письмами. Однако, я имѣлъ намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ отозваться съ своей стороны о настоящемъ правительствѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя, быть можетъ, были бы пріятны Вашему Величеству.

Я желалъ Вамъ доложить, Государь, что генералъ Зажацекъ началъ свое управленіе такимъ образомъ, который много сулилъ въ будущемъ; что выраженныя имъ чувства и высказанные взгляды были разумны и достойны и что, несмотря на опасенія и почти поголовныя противъ него предубѣжденія, результаты скоро бы доказали, что Ваше Величество сдѣлали

надлежащій выборъ. Подобное заключеніе могло бы быть выведено, если бы дѣла шли намѣченнымъ и натуральнымъ путемъ. Къ несчастью, сюжетъ моего настоящаго письма далекъ какъ отъ моихъ желаній, такъ и отъ моихъ прежнихъ ожиданій.

Три удара готовы обрушиться на конституціонную грамоту.—Первый—это предлагаемая русскими комиссарами сдѣлка относительно таможенъ между Имперіей и Царствомъ. По этому поводу, Государь, Вамъ будетъ поданъ офиціальный рапортъ.

Вторая угроза уже находится въ Вашихъ рукахъ. Это проектъ организаціи военной комиссіи, присланный Вамъ непосредственно отъ Его Императорскаго Высочества, безъ внесенія его въ Государственный Совѣтъ и безъ того, чтобы онъ былъ подвергнутъ какому-нибудь разсмотрѣнію, предписанному грамотой. Этотъ проектъ, составленный самостоятельно, не можетъ не грѣшить упущеніями и такими пунктами, которые не будутъ согласоваться съ другими частями правительства. Направьте Вашей Высочайшей волей, Государь, это дѣло на правый путь, отославъ по закону проектъ въ Государственный Совѣтъ, чтобы онъ былъ представленъ на Ваше рѣшеніе по выдержаніи установленнаго экзамена.—Одно единственное дѣйствіе Вашего Величества дастъ понять тѣмъ, кто въ этомъ сомнѣвается, что Вы даровали конституцію для того, чтобы съ ней сообразовались.

Третій ударъ касается также военнаго министра. Особенная нота трактуетъ объ этомъ предметѣ подробно и предлагаетъ способъ примиренія Его Высочества Великаго Князя, какъ главнокомандующаго, съ требованіями конституціоннаго устава.—Предложенная демаркаціонная линія могла бы быть здѣсь проведена съ тѣмъ большею легкостью, что лица, занимающія въ настоящее время посты намѣстника и военнаго министра, не только согласятся во всѣхъ пунктахъ съ Его Высочествомъ, но даже постараются насколько возможно предупредить его ожиданія.

Ваше Императорское Величество единственно способны поддержать свое твореніе; оно погибнетъ не законченное, если Вы, Всемилостивѣйшій Государь, подвергнете его такимъ рѣзкимъ, существеннымъ измѣненіямъ. Какую бы вѣроятность имѣла конституція, такъ торжественно провозглашенная и затѣмъ тотчасъ же нарушенная въ главныхъ пунктахъ? Лишь бы только мы добились такого рода поддержки, о которой мы въ правѣ умолять Ваше Императорское и Царское Величество, и тогда все пойдетъ прекрасно въ этой странѣ. Я съ радостью замѣтилъ, что мы приблизились къ желаемому пункту, или насъ главнымъ образомъ занимаютъ и увлекаютъ дѣла, а не люди. Наши учрежденія, хотя еще не установившіяся и находящіяся въ общемъ творческомъ хаосѣ, достаточны, чтобы отнынѣ заставить машину двигаться впередъ. Со вре-

мени учрежденія конституціоннаго образа правленія, между всѣми его членами царитъ полнѣйшая гармонія. Каждый старается заслужить оказанное ему Вами довѣріе. Одинъ и тотъ же духъ ихъ оживляетъ всѣхъ, а именно духъ разума, усердія и твердости, угодный Вашему Величеству. Имъ равно проникутъ и намѣстникъ; но я не долженъ скрыть отъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, что его добрыя намѣренія парализованы такимъ образомъ, который мнѣ представляется угрожающимъ, если Ваше Величество не подадите быстрой помощи.

Совѣтъ администраціи съ нѣкоторыхъ поръ убѣдился въ томъ, что генералъ Зажацекъ при своихъ просвѣщенныхъ и уважаемыхъ взглядахъ на вещи тѣмъ не менѣе оказывается не имѣющимъ голоса, воли и, такъ сказать, личной добросовѣстности, лишь только дѣло коснется Его Высочества Великаго Князя. Хотя, можетъ быть, считая себя его креатурой, онъ выводитъ изъ этого заключеніе, что благодарность его не должна имѣть границъ, или онъ думаетъ, что всѣ проявленія воли Его Высочества, каковы бы они ни были, совпадаютъ съ волей Вашего Величества, но достовѣрно извѣстно лишь то, что генералъ Зажацекъ, если это ему позволить, доведетъ до раболѣпства свое слѣпое подчиненіе приказаніямъ и идеямъ Его Императорскаго Высочества.

Благо страны и службы не можетъ служить достаточной причиной, чтобы побудить его къ малѣйшему противодѣйствію; онъ готовъ каждый день нарушать конституцію, если бы на то было желаніе Его Высочества; генералъ дошелъ до того, что высказалъ громко это мнѣніе въ Совѣтѣ и съ тѣхъ поръ сталъ находить удовольствіе повторять это съ аффектаціей при всякомъ удобномъ случаѣ; онъ даже остерегается прибѣгать къ посредничеству М. Новосильцева въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ замѣшанъ Великій Князь. Подчиненіе, доведенное до такой крайности, во всякомъ должностномъ лицѣ и въ намѣстникѣ Вашего Величества, уничтожило бы добродѣтель въ самомъ зачаткѣ, всякое представленіе о справедливости, возможность добра и превратило бы Вашу конституцію въ тягостную и безполезную комедію.

Намѣстникъ не понялъ своихъ служебныхъ обязанностей и не постигъ Вашихъ намѣреній, Государь. Нѣтъ ничего нужнѣе и легче, какъ заставить его ими проникнуться.—Чтобы ему было извѣстно, что Вы лично желаете отнестись къ Вашему дѣлу съ уваженіемъ и заставить другихъ его уважать; что его главная обязанность состоитъ въ выполненіи Вашихъ намѣреній по этому поводу, что то, въ чемъ заключается его долгъ по отношенію къ Государю, родинѣ и присягѣ, можно прекрасно совмѣстить съ его обязательствами къ Его Высочеству Великому Князю, но поступаться

этимъ отнюдь не слѣдуетъ.—Было бы даже достаточно ему сдѣлать нѣсколько косвенныхъ намековъ.

Генералъ Зажацекъ, призванный къ порядку и освѣдомленный насчетъ Вашихъ истинныхъ намѣреній, выполнитъ ихъ превосходно. Объяснивъ сущность вопроса и принявъ мѣры, я убѣжденъ, что генералъ къ своей должности подходитъ и будетъ тамъ полезенъ, и что во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ его на этомъ мѣстѣ удержать.

Съ другой стороны, это условіе настолько существенно, что, въ случаѣ, если бы Ваше Императорское Величество не соизволили какъ можно скорѣе направить на истинный путь мысли Вашего намѣстника, я счелъ бы общественное дѣло находящимся въ опасности, если не погибшимъ.

Ваше Величество можете мнѣ въ этомъ вѣрить: подъ Вашимъ вдохновеніемъ я неизмѣнно проповѣдывалъ довѣріе и надежду; пока у меня будетъ къ тому возможность, я не перестану такъ поступать. Между тѣмъ, въ настоящее время или мы добились того, на что уповали, или лишь слѣдуетъ сохранять неприкосновенность достигнутаго, но если, будучи поглощены другими заботами, Вы не соблаговолите намъ оказать поддержку и непрестанное покровительство, при первомъ шагѣ въ особенности, то взрывъ отчаянія станетъ всеобщимъ и непреодолимымъ, если

когда-нибудь начнутъ сомнѣваться въ святости и реальности конституціоннаго строя.

Наша единственная надежда покоится на Вашей волѣ, Государь, способной дать этому краю прочное счастье не только въ теченіе долгаго царствованія, но и въ будущемъ.

Пусть эта воля пребудетъ непоколебима, и мы будемъ спасены; иначе мы не избѣгнемъ все еще преслѣдующаго насъ рока.—Вы наша судьба, Всемилостивѣйшій Государь; ясно, что наши послѣднія надежды и упованія заключаются въ особѣ Вашего Величества и что только единственно Вы можете упрочить надолго бытіе созданныхъ Вами учрежденій.

Я высказалъ Вамъ безъ обиняковъ сущую правду; разрѣшите, Государь, повергнуть еще разъ въ концѣ этого письма на Ваше усмотрѣніе безотлагательную и крайнюю нужду:

1) Предоставивъ достаточно свободы Его Императорскому Высочеству, тѣмъ не менѣе точно опредѣлить его полномочія и ограничить ихъ согласно конституціонной грамотѣ.

2) Дать понять намѣстнику о распоряженіяхъ, приписывающихъ ему слѣдовать по стезѣ долга.

3) Вашими личными рѣшеніями подать примѣръ строгаго уваженія законовъ и учрежденій, исходящихъ отъ Вашего Величества.

4) Въ случаѣ возникновенія у Васъ по этому поводу сомнѣній, Государь, отложите на нѣкоторое время всякое рѣшеніе до прибытія М. Соболевскаго, который немедленно отправляется въ путь.

Письмо мое доставлено въ Петербургъ камеръ-юнкеромъ Матусевичемъ, назначеннымъ въ статъ-секретаріатъ, котораго М. Соболевскій отправляетъ впередъ вмѣстѣ съ М. Тимовскимъ, другимъ камеръ-юнкеромъ Вашего Величества, вторымъ чиновникомъ той же канцеляріи.

Остаюсь, и т. д.

XXXIV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 6-го февраля 1816.

Всемилостивѣйшій Государь!

Написавъ недавно Вашему Императорскому и Царскому Величеству уже слишкомъ длинное письмо, я постараюсь не впасть въ ту же погрѣшность, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ М. Соболевскаго устраняетъ къ тому поводъ. Я лишь ограничусь, Государь, представленіемъ Вамъ нѣкоторыхъ результатовъ моихъ наблюденій.

Во-первыхъ, да будетъ мнѣ позволено упомянуть еще разъ о неизбѣжной необходимости свято держаться конституціи и дать на этотъ счетъ строго опредѣленныя инструкціи намѣстнику.

Онѣ цѣликомъ вмѣщаются въ этихъ двухъ замѣткахъ. Чтобы обитатели Царства чувствовали и считали себя поляками; чтобы у нихъ было самоуправленіе; чтобы имъ позволили свободно и мирно

трудиться для улучшенія ихъ внутренняго быта; при этихъ условіяхъ они будутъ счастливы и довольны. Правительство Вамъ предано, Государь, народъ Васъ любитъ, но Вамъ нужно большаго; при этихъ условіяхъ нація будетъ ненарушимо предана своему союзу съ Россіей, лишь бы эти узы были взаимными и дѣйствительность, и иллюзія настоящей и конституціонной Польши ею были сохранены.

Эта пламенная любовь отдѣльной національности служитъ единственнымъ источникомъ ревности, борьбы, захвата, который могъ бы существовать между двумя народностями. Въ этомъ отношеніи, наступательныя дѣйствія со стороны русскихъ, оборонительное положеніе со стороны поляковъ еще будутъ причиной преній, горечи, тревоги, призрачныхъ подозрѣній и досадныхъ недоразумѣній, разсѣять и уничтожить которыя доступно единственно лишь мудрости Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.

М. Новосильцевъ сильно желаетъ отправиться въ Петербургъ; здѣсь онъ не у дѣлъ, а тамъ, по его мнѣнію, онъ могъ бы Вамъ быть гораздо болѣе полезенъ. Къ тому же онъ остался безъ жалованья и принужденъ жить на свои собственныя средства.

Когда я вспоминаю о разговорахъ, которые я имѣлъ счастье вести съ Вашимъ Императорскимъ и Царскимъ Величествомъ, и слышанныя отъ Васъ дивныя рѣчи, съ которыми Вы соизволили здѣсь обратиться къ Ва-

шимъ министрамъ, я чувствую себя полнымъ надежды. Но сознаюсь, что, противъ воли, страхъ часто беретъ свое. Какъ отдѣльныя личности, такъ и націи бываютъ несчастны. Обстоятельства сложились счастливо для насъ, что въ особѣ Вашего Величества мы имѣемъ лучшаго изъ монарховъ, но Вы далеко, Государь, Васъ занимаютъ важныя заботы. Какъ можно льстить себя надеждой, что принципы, характеръ и привычки Его Высочества, Великаго Князя, могли бы когда-нибудь измѣниться до такой степени, что онъ сталъ бы способствовать нашему настоящему и будущему благосостоянію? Непосредственное, постоянное, имѣющее вѣсъ вліяніе, которымъ онъ пользовался до сихъ поръ и которое онъ и впредь будетъ еще болѣе оказывать на судьбы страны, внушаетъ мнѣ страхъ, что бѣдствія, преслѣдовавшія въ теченіе многихъ вѣковъ мое злополучное отечество, еще не исчерпаны.

Мои опасенія, быть можетъ, преувеличены, но я высказываю то, что чувствую.

Остаюсь, и т. д.

XXXV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

24-го сего марта (5/4 апрѣля) 1816.

Всемилостивѣйшій Государь,

М. Новосильцевъ пишетъ сегодня Вашему Императорскому Величеству, ссылаясь на мое письмо, отправленное 17 (29) іюня, дубликатъ котораго я приложилъ бы здѣсь, если бы не былъ увѣренъ, что оно уже до Васъ дошло. М. Новосильцевъ подтверждаетъ все мною сказанное и его свидѣтельству можно придать болѣе вѣса, чѣмъ моему.

Если Ваше Императорское Величество еще сомнѣваетесь въ поименованныхъ нами фактахъ и если Вы не желаете употребить самаго простого средства для констатированія зла, то Вы не могли бы лучше убѣдиться въ истинномъ положеніи вещей, заставивъ притти самого Новосильцева въ главную квартиру.

Каждый день какая-нибудь сцена распространяетъ здѣсь ужасъ и тревогу. Третьяго дня Его Высочество

приказалъ привести къ себѣ мѣщанина, обвиняемаго въ томъ, что онъ далъ пристанище мальчику, обокравшему генерала Курута. Безъ дальнихъ церемоній, Великій Князь приказалъ ему дать, у себя во дворцѣ пятьсотъ палочныхъ ударовъ и брить голову и брови.

Я счелъ бы себя виновнымъ, если бы скрылъ отъ Вашего Императорскаго Величества подобные факты, разрушающіе общественную безопасность и уничтожающіе всѣ Ваши благодѣянія.

Кромѣ того, происходитъ ли это отъ непосредственныхъ результатовъ, или тому причиной болѣе отдаленныя послѣдствія, вліяющія на поведеніе Его Высочества, но очевидно то, что онъ мыслитъ и поступаетъ въ направленіи, совершенно противоположномъ образу дѣйствій Вашего Императорскаго Величества. Быть можетъ, эти взгляды мимолетны, но они поддерживаются людьми, пользующимися довѣріемъ Его Императорскаго Высочества и увѣряющими, что его мнѣніе солидарно съ мнѣніемъ истыхъ, старыхъ русскихъ. Кто можетъ поручиться, что переписка съ Петербургомъ не раздуваетъ въ немъ этихъ самыхъ чувствъ?

Повѣрьте Государь, что преданный слуга не можетъ Вамъ дать лучшаго совѣта, какъ отозвать отсюда Великаго Князя. Жаловаться на это онъ не сможетъ, такъ какъ постоянно громко повторяетъ, что это его единственное желаніе. Это заставитъ край возродиться,

вновь водворитъ тамъ порядокъ и возстановитъ возможныя права; это разрушитъ центральный пунктъ критики и оппозиціи.

Не знаю, не подвергнется ли моя смѣлость осужденію Вашего Императорскаго Величества.—Если я этимъ рискую, снимая завѣсу съ всего мною видѣннаго, то пусть мои побужденія послужатъ къ моему помилованію и да разрѣшитъ Ваша мудрость всѣ затрудненія.

М. Бенигсенъ говоритъ, что не видитъ неудобствъ въ соединеніи русскихъ и польскихъ войскъ на Днѣстрѣ, и, кажется, что онъ самъ желаетъ ихъ собрать подъ свою команду.

Остаюсь, и т. д.

XXXVI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

17-го сего апрѣля 1816.

Всемилостивѣйшій Государь,

Съ нѣкотораго времени самоубійства стали часто повторяться между польскими военными. Прилагаемое здѣсь письмо въ переводѣ и съ копіей, оригиналъ котораго находится въ рукахъ Его Высочества, Великаго Князя, можетъ заставить догадаться, какой главной причинѣ слѣдуетъ приписать этотъ печальный результатъ и какое онъ пріобрѣлъ значеніе въ глазахъ общества.—М. Вильчекъ, адъютантъ генерала Красичскаго, написавшій письмо передъ самоубійствомъ, былъ всѣми любимымъ молодымъ человѣкомъ и отличнымъ военнымъ.

Говорятъ также о письмѣ, написанномъ въ томъ же духѣ М. Безкирскимъ, другимъ офицеромъ изъ числа лишившихъ себя жизни.—Этому примѣру послѣдовалъ одинъ унтеръ-офицеръ, и всѣ не замедлили

сказать, что онъ убилъ себя, потому что не могъ пережить срама налагаемыхъ на войско, наказаній и позорнаго съ нимъ обращенія.

Быть можетъ, Ваше Императорское Величество найдете, что этотъ порывъ достоинъ осужденія, но вы все-таки признаете, что имъ руководило благое основаніе.

Если бы эти печальныя событія могли произвести желаемое впечатлѣніе на Его Императорское Высочество и привлечь на минуту Ваше вниманіе, Государь.

Армія имѣетъ крайнюю необходимость въ опредѣленномъ уставѣ и сводѣ законовъ; въ ея настоящей администраціи отсутствуетъ какой бы то ни было порядокъ. Не строгости тамъ слишкомъ много, но произвола и оскорбленій.

Я тысячу разъ опасался, чтобы съ Его Высочествомъ не случилось бы какой-нибудь непріятности или катастрофы, отъ которыхъ было бы трудно его предохранить, такъ какъ онѣ могли бы быть вызваны лишь безумствомъ человѣка, впавшаго въ отчаяніе. Я доволенъ, что осмѣлился довѣрить свое хотя смутное безпокойство Вашему Величеству; одною тяжестью меньше у меня на сердцѣ; Ваша мудрость подскажетъ Вамъ рѣшеніе.

Вообще здѣсь царитъ съ нѣкотораго времени не волненіе, но промадное уныніе. Это моральная, крайне заразительная болѣзнь, которой въ особенности подвержены честные люди. Они боятся, чтобы наше правительство, съ которымъ здѣсь грубо обращаются, кото-

рому постоянно грозятъ нагоборы въ Петербургѣ, стѣсненное въ свободѣ преній, имѣющее мало средствъ, чтобы дѣлать добро и еще менѣе, чтобы его поддержать, не потеряло бы энергіи, значенія и уваженія къ самому себѣ.

Я прекрасно знаю, что это происходитъ противъ желанія Вашего Императорскаго Величества; но не взирая на Вашу волю, дѣйствующую издалека, дѣла, кажется, принимаютъ неблагопріятный для края оборотъ.

Всѣ, конечно, стараются сообщить Вашему Императорскому Величеству что-либо хорошее; я полагаю, что отъ Васъ не слѣдуетъ скрывать дурного и что это единственный способъ, дающій мнѣ возможность быть нѣсколько полезнымъ общественному дѣлу. Эта печальная роль крайне прискорбна и тосклива; мнѣ не вѣдомо, не чувствуетъ ли себя Ваше Императорское Величество этимъ оскорбленнымъ и разрѣшено ли мнѣ высказывать Вамъ такимъ образомъ всѣ мои мысли.

Вотъ это-то и заставляетъ меня съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждать той минуты, когда, благодаря Вашимъ милостямъ, Государь, я смогу отправиться подышать деревенскимъ воздухомъ и болѣе не буду въ состояніи досаждать Вашему Величеству своими соображеніями относительно вопросовъ, представляющихся мнѣ, можетъ быть, въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ.

Письмо къ сестрѣ М. Вильчекъ, адъютанта генерала Красинскаго.

Дорогая сестра,

Скоро наступитъ конецъ тоскѣ, которую такъ часто Вы мнѣ ставили въ упрекъ.—Вотъ ея конечный результатъ.—Несмотря на мою любовь и преданность къ родинѣ, иной удѣлъ не допустилъ меня погибнуть смертью моихъ братьевъ, чья слава распространилась и на насъ.—Мое настоящее положеніе лишило меня всякаго спокойствія. Я вижу униженіе моихъ братьевъ по оружію и согражданъ, славу отцовъ, попранную ногами, и ежедневно нарушеніе законовъ лучшаго изъ монарховъ. Однимъ словомъ, я покидаю свое бѣдное отечество въ безпомощномъ состояніи, преданное капризу одного человѣка.

Сколько разъ я пропускалъ случай сдѣлаться убійцей!—Какой бы это былъ ударъ для Васъ, сестра!—Да, я хотѣлъ пожертвовать собой для вашего освобожденія отъ позорныхъ цѣпей, наложенныхъ на насъ противъ воли лучшаго изъ царей.

Между тѣмъ, принимая во вниманіе, что послѣдствія не оправдали бы, можетъ быть, моей надежды, я предпочитаю лишить себя жизни, способной сдѣлаться пагубной для моей родины; самопожертвованіе для ея счастья мое единственное желаніе.—Я знаю, что мой поступокъ вызоветъ противъ меня обвиненія въ слабости характера. Я совершилъ бы его тотчасъ же

по его прибытіи сюда, если бы меня отъ этого не удержали наша святая религія и привязанность къ Вамъ.—Теперь убѣдившись, что я болѣе не могу быть полезенъ своему отечеству, я условился съ моими друзьями покинуть эту землю.

Я покидаю ее съ презрѣніемъ, а Васъ, дорогая сестра, и Васъ, родители мои, съ сожалѣніемъ.

В...

Найденную саблю, передайте Вашему сыну; пусть онъ ее носитъ, какъ я, для родины и друзей.

XXXVII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава. 1/13 сего мая 1816.

Всемилостивѣйшій Государь,

Прежде чѣмъ покинуть Варшаву, въ силу разрѣшеннаго мнѣ Вашимъ Императорскимъ и Царскимъ Величествомъ отпуска, за что я повергаю къ Вашимъ стопамъ мою живѣйшую благодарность, я считаю своею обязанностью сообщить Вамъ нѣкоторыя подробности относительно того, что здѣсь происходитъ.

Я не сомнѣваюсь, что, можетъ быть, распри, начавшіяся съ нѣкоторыхъ поръ среди вашего правительства, представлены Вашему Величеству слишкомъ буйными, какъ доказательство нашего тревожнаго настроенія и господства между нами партій.

Когда происходятъ совѣщанія Совѣта, то каждый ревностно высказываетъ свое мнѣніе и поддерживаетъ его согласно своей совѣсти; при собраніи почти двадцати человѣкъ возможно ли требовать, чтобы между

ними не было когда-либо разницы во взглядахъ? Это необходимо для того, чтобы пренія могли состояться, а безъ преній какая была бы польза отъ совѣта?

Вотъ чего не сумѣлъ понять намѣстникъ, между тѣмъ такъ, имѣя власть рѣшать, или представлять это рѣшеніе на Ваше Высочайшее благоусмотрѣніе, онъ бы долженъ относиться съ уваженіемъ къ свободной подачѣ голосовъ и стараться выяснить истину въ спорахъ.

Фактъ тотъ, что генералъ Зажацекъ имѣетъ относительно существенныхъ пунктовъ законодательства и администраціи принятыя имъ предубѣжденія, совершенно противоположныя принципамъ остальныхъ лицъ, назначенныхъ въ правленіе; что проведя свою жизнь внѣ края и на военной службѣ, онъ мало смыслитъ въ законодательныхъ и организаторскихъ матеріяхъ; что ему, слѣдовательно, приходилось часто оставаться одному при своемъ мнѣніи. Онъ приписываетъ этотъ результатъ извѣстному духу партійности и преднамѣренной къ нему ненависти, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ.—Его Высочество Великій Князь раздѣляетъ, къ несчастію, это мнѣніе. Сначала имѣли полное основаніе надѣяться, что согласіе и довѣріе водворятся между намѣстникомъ и членами правленія; ничто не могло быть болѣе естественнымъ; однако, положеніе вещей, въ этомъ отношеніи, въ данный моментъ не улучшилось.—Намѣстникъ, кажется, подпалъ подъ вліяніе плохихъ совѣтниковъ; обиженный направленной про-

тивъ него крайне невинной оппозиціей, онъ отнесся къ другимъ членамъ правленія съ холодностью, недовѣріемъ и досадой. Никто его не удовлетворяетъ; онъ находитъ, что все идетъ скверно и медленно; всякое предложеніе ему внушаетъ подозрѣніе; онъ идетъ съ жалобами къ Его Императорскому Высочеству, который и такъ слишкомъ дурно настроенъ относительно статскихъ; онъ ищетъ поддержки въ Новосильцевѣ.—Все вмѣстѣ взятое производитъ доносы и смуты, которые очень вредятъ дѣламъ и до крайности тяжелы для тѣхъ, кто имѣетъ несчастье быть страдательнымъ лицомъ.

Извѣстная степень гармоніи въ принципахъ и въ правленіи членовъ администраціи была бы очень желательна; добиться этого, мнѣ кажется, было бы возможно двумя средствами.—Первое состоитъ въ томъ, чтобы Ваше Величество собственноручно благоволили написать намѣстнику для доказательства, что Вы удовлетворены своими министрами, и дать ему почувствовать, что онъ долженъ болѣе сообразоваться съ мнѣніемъ министровъ и Совѣта въ мало ему знакомыхъ вопросахъ. Если это средство будетъ недостаточно, то второе состоитъ въ смѣнѣ министровъ, которыми Ваше Величество не были бы достаточно удовлетворены и въ опредѣленіи на ихъ мѣсто лицъ, болѣе подходящихъ для намѣстника!

Организація правительственныхъ комиссій совсѣмъ некстати пріостановила работы Государственнаго Совѣ-

та, которыя бы гораздо болѣе двинулись впередъ, если бы по этому предмету придерживались бы смысла и направленія конституціонной грамоты.—Какимъ бы образомъ не было благоугодно Вашему Величеству рѣшить этотъ вопросъ, я болѣе не предвижу подобнаго затрудненія въ работахъ правительства, которыя впредь будутъ двигаться быстро. Умоляю Ваше Императорское Величество приказать предъявить Вамъ представленное мною мнѣніе по вопросу, относящемуся къ коллегіуму въ министерствѣ; быть можетъ, Вы найдете тамъ нѣкоторыя соображенія, которыя будутъ способствовать къ опредѣленію Вашего взгляда на этотъ предметъ. Впрочемъ, въ сущности, дѣла идутъ далеко не такъ плохо; многія прекрасныя вещи уже сдѣланы, а многія изъ нихъ начаты.—Нельзя сослаться на то, что какое-либо изъ мѣропріятій правительства дурно; все идетъ на улучшеніе согласно приказаніямъ и пропорціонально ассигнованнымъ средствамъ. — Тѣмъ не менѣе общественное настроеніе угнетено и упадокъ духа очевиденъ. Я желалъ доискаться причины подобнаго положенія вещей, которое нельзя оправдать настоящими событіями, и, кажется, нашелъ ее въ противорѣчіяхъ, представляемыхъ данными обстоятельствами, не позволяющими ни вѣрить, ни мирно наслаждаться. Все, что исходитъ отъ Вашего Величества, дышитъ благостію, величіемъ души и свободой взглядовъ; слова и поступки Его Императорскаго Высочества совсѣмъ

обратнаго свойства.—Съ своей стороны намѣстникъ постоянно повторяетъ, что конституція уставъ анархическій и что ее слѣдуетъ измѣнить; до сихъ поръ, лишь одинъ Новосильцевъ не старался служить обществу и повергнуть его въ уныніе.

Его считаютъ какъ бы имѣющимъ надзоръ надъ правительствомъ, которому онъ не долженъ позволять мирно пользоваться правами, дарованными ему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.—Короче сказать, повсюду имѣются на лицо извѣстныя обстоятельства, которыя представляютъ собою, по отношенію къ обществу какъ бы гасильники, парализующіе его изліянія и расшатывающіе самые драгоцѣнные элементы счастья, а именно спокойную увѣренность и надежду.

Къ моему громадному удовольствію, Новосильцева пригласили присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ административнаго Совѣта, какъ только у него будетъ на то желаніе; я полагаю, что это единственное средство избѣжать множества недоразумѣній и подозрѣній какъ вредныхъ, такъ и почти лишенныхъ основанія.

Я прошу Ваше Императорское Величество не вѣрить, что я не воздаю должное достоинствамъ Великаго Князя и что я не понимаю что по отношенію къ нему самыя серьезныя соображенія должны брать перевѣсъ надъ тѣми, которыя мы бы желали имъ противоставить.

Я осмѣливаюсь лишь утверждать одно, что по-

стоянное присутствіе и опредѣленное положеніе Его Высочества въ Польшѣ, составляютъ одно изъ крупныхъ препятствій для того, чтобы дѣло Вашего Величества могло тамъ процвѣтать и приносить желаемые Вами плоды.—Генералъ Зажацекъ, который въ отсутствіи Его Императорскаго Высочества былъ бы пригоденъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ, въ его присутствіи выказываетъ гораздо менѣе къ тому способностей; между тѣмъ какъ это мѣсто было бы неподходящимъ для всякаго другого лица, единственнымъ палліативомъ противъ настоящихъ недоразумѣній была бы идея, указанная свыше, чтобы установить какъ можно болѣе согласія между намѣстникомъ и правительствомъ.

Но дѣйствительный и единственный къ тому способъ—это прибытіе сюда Вашего Императорскаго Величества. Вашего присутствія желаютъ пламенно. Если бы Вы могли часто повторять свой пріѣздъ, то на этомъ бы покоились упованія народа.

Глубокое благоговѣніе передъ Вашей особой и полнѣйшая къ ней преданность, крайнее довѣріе къ Вашему характеру, вотъ неизмѣнныя чувства въ сердцахъ поляковъ; когда рѣшеніе будетъ исходить отъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, они будутъ всегда покорны и довольны.

Прежде чѣмъ я закончу свое письмо, я попытаюсь высказать нѣкоторыя соображенія относительно

военной части, рискуя, что мое излишнее усердіе Вамъ можетъ не понравиться.—Соблаговолите простить мнѣ это поползновеніе и припомнить, Государь, что кому доступно все, тотъ долженъ все слышать и знать, чтобы не ошибаться. Настоящая администрація арміи стремится примѣнить тамъ одну систему, а именно страхъ и повиновеніе.

Если будутъ исключительно ею руководиться, то всѣ другіе двигатели, которые также должны быть въ душѣ настоящаго военнаго, честь, долгъ и родина, мало по малу ослабѣютъ и, когда въ нихъ встрѣтится надобность, будутъ бездѣйствовать; ихъ замѣнятъ единственно страхъ и выгода, что не можетъ не имѣть надолго постыдныхъ и пагубныхъ послѣдствій.

Я сомнѣваюсь, что внимательный наблюдатель нашелъ бы настоящій духъ въ арміи соотвѣтствующимъ желаніямъ Вашего Величества. Обученіе военнымъ наукамъ ведется непослѣдовательно и безъ воодушевленія; страхъ держитъ всѣхъ насторожѣ; нѣтъ настоящаго рвенія; люди, не служащіе изъ-за куска хлѣба, сказываются больными и оставляютъ или выражаютъ желаніе покинуть службу.

Благотворное впечатлѣніе, произведенное самоубійствами, почти совсѣмъ забыто.—Вотъ обратная сторона медали; хорошая сторона была достаточно описана Вашему Императорскому Величеству, и я не отрицаю, что для этихъ описаній было довольно матеріала.

Что до меня касается, Всемилостивѣйшій Государь, то помимо разстроеннаго здоровья и дѣлъ, побудившихъ меня желать отставки и покоя, я радъ удалиться отсюда вслѣдствіе постоянно повторяемыхъ разговоровъ, что существуютъ партіи, вносящія смуту и раздоръ въ дѣла. Каждому обстоятельству, способному разсѣять это несчастное предубѣжденіе и доказать его ничтожность, должно быть отдано предпочтеніе, какъ болѣе полезному, предъ всякимъ другимъ соображеніемъ.— Я пламенно желаю счастья моего отечества, но мнѣ кажется, что я былъ бы вдвойнѣ счастливъ, если бы надъ нимъ работали другіе.—Задача совсѣмъ нелегкая въ данный моментъ.—По прошествіи перваго времени конституціоннаго образа правленія и съ тѣхъ поръ, какъ самыя спѣшныя работы по всеобщей организаціи были заготовлены, я почувствовалъ себя въ Варшавѣ еще менѣе нужнымъ, чѣмъ вначалѣ.—Не будучи еще никогда въ жизни занятъ съ послѣдовательностью и вниманіемъ своими собственными дѣлами и тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ моей личной будущности, я чувствую, что объ этомъ теперь слѣдуетъ подумать и не терять времени.

Мое единственное желаніе устроить себѣ безмятежное существованіе; наконецъ, я даже желалъ бы гдѣнибудь основаться, если я найду къ тому разумную возможность.

Въ силу долга, всегда готовый повиноваться Вашимъ

повелѣніямъ, Всемилостивѣйшій Государь, я сознаюсь, что самыми пріятными и благодѣтельными изъ нихъ для меня будутъ тѣ, которыя мнѣ позволятъ безъ стѣсненій насладиться своей свободой.

Благоволите простить мнѣ, что я пишу Вамъ о предметахъ, касающихся только меня лично; это относится не къ монарху, но къ тому, кто столько лѣтъ разрѣшалъ мнѣ не скрывать своихъ мыслей, на чью дружбу я осмѣливаюсь всегда разсчитывать и кто удостоилъ меня этого драгоцѣннаго дара еще въ своей ранней молодости.

Остаюсь, и т. д.

XL.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

1818 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Мое возвращеніе въ Варшаву послѣ отсутствія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, заставило меня примириться съ докладами, представленными мною въ прошломъ году на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.

Когда въ теченіе извѣстнаго времени не бываютъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, то происходящія тамъ перемѣны поражаютъ еще болѣе.—Все, мною теперь видѣнное, меня убѣждаетъ въ справедливости взглядовъ, которые я осмѣлился тогда Вамъ сообщить, Государь, относительно общественнаго настроенія, духа въ арміи и оборота, принятаго дѣлами гражданскими и военными.—Послѣдствія, страшившія меня, кажутся мнѣ все болѣе и болѣе очевидными.

Увѣренный въ томъ, что Ваше Величество всегда искренно желаетъ блага страны, я опасаюсь, что Вы

не на той дорогѣ, которая бы могла Васъ туда привести и, что, по благородству Вашей души, поставивши себѣ дѣйствительно великую и великодушную задачу, по отношенію какъ къ внутреннимъ учрежденіямъ, такъ и къ внѣшней политикѣ, Вы не оказались бы отъ нея далеки.—Зная прекрасно, что правда самая важная вещь для монарха и что онъ не могъ бы ея иначе добиться, какъ отыскивая и собирая ее повсюду, я рѣшился нарушить молчаніе и подать еще лишній голосъ у Вашего престола.

Я также не могу умолчать о крайне важномъ нарушеніи, которое пришлось перенести конституціи. Указы Вашего Величества обнародованы безъ скрѣпленія подписью какого либо руководящаго дѣломъ министра, что противно конституціи и органическимъ статутамъ.—Министръ статсъ-секретарь удостовѣряетъ лишь Вашу подпись. Такимъ образомъ, Государь, падаетъ всякая отвѣтственность касательно самыхъ серьезныхъ дѣйствій правительства. Я указываю на этотъ фактъ Вашему Величеству, какъ одному изъ высшихъ умовъ, желающихъ блага, длящагося послѣ нихъ.

Въ теченіе марта я разсчитываю отсюда уѣхать, чтобы сначала отправиться въ Вильну, а потомъ въ Кржеменицы, чтобы посѣтить учрежденія по народному образованію.—Особыя дѣла призываютъ меня затѣмъ въ помѣстья, которыми я владѣю въ Украйнѣ.

XXXVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Вильна, 12/24 іюля 1817 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Доброта, съ которой Ваше Императорское и Царское Величество удостоили не только разрѣшить, но даже одобрить идею памятника, имѣющаго быть поставленнымъ на одной изъ площадей Варшавы, въ память покойнаго князя Понятовскаго, не была еще извѣстна обществу, какъ уже по этому предмету была сдѣлана многочисленная подписка.—Собранная сумма равняется уже 270,861 флорину и увеличится еще.—Лица, уполномоченныя распоряжаться этой работой, въ числѣ которыхъ состою и я, уже собирались повергнуть на разсмотрѣніе Вашего Величества чертежи конныхъ изваяній и проекты относительно мѣстонахожденія памятника, какъ были встревожены извѣстіями, что Ваше Величество будто бы измѣнили намѣреніе и пожелали отнять милостивую надежду, поданную Вами роднымъ

и сотоварищамъ по оружію покойнаго князя. Они мнѣ писали по этому поводу, и я тороплюсь повергнуть къ подножію трона Вашего Величества ихъ ходатайство и ихъ просьбы.—Да не поколеблется никогда великодушіе Ваше, Государь!—Надежда блистательнымъ образомъ принести дань уваженія памяти князя Понятовскаго была такъ сладостна для всей страны, что необходимость отъ нея отказаться считалась бы однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ уменьшенія Вашего отеческаго благоволенія.

Остаюсь, и т. д.

XLI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

4/16 сего мая 1818 г.

Такъ какъ мнѣ уже приходится сегодня безпокоить Ваше Императорское и Царское Величество, то да будетъ мнѣ позволено просить Васъ приказать представить мнѣнія двухъ палатъ относительно доклада Государственнаго Совѣта и петиціи палаты депутатовъ.— Ваше Величество тамъ найдете много жалобъ, имѣющихъ основаніе, полезныхъ намѣреній и дѣйствительный взглядъ народа, также какъ и его желанія.

Между спеціальными вопросами существуетъ одинъ, который я не могъ бы обойти молчаніемъ; я хочу сказать о національныхъ земляхъ и судьбѣ крестьянъ на нихъ водворенныхъ. Это вопіющее дѣло, Государь, что правительство въ это не входитъ. Слѣдуетъ устроить и улучшить участь крестьянъ на національныхъ земляхъ и дать имъ крупныя фермы (фольварки) въ вѣчное пользованіе, доходы съ которыхъ будутъ пересма-

триваться каждые двадцать пять лѣтъ.—Это дѣйствіе (обсужденіе этого въ подробностяхъ не подлежитъ вѣдѣнію этого собранія) имѣло бы неслыханныя преимущества, какъ нравственныя, такъ и административныя и финансовыя. Слишкомъ много лицъ заинтересованы въ томъ, чтобы отложить или уничтожить предполагаемую операцію, такъ что я считаю своею обязанностью обратить на это все вниманіе Вашего Величества.

XXXIX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, сего 9/21 октября 1817 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я подалъ намѣстнику Вашего Императорскаго и Царскаго Величества прошеніе, имѣющее цѣлью получить мнѣ разрѣшеніе путешествовать, которое онъ повергнетъ къ Вашимъ стопамъ.

Внушающее опасеніе здоровье моего брата, желающаго меня видѣть, вмѣняетъ мнѣ эту поѣздку въ обязанность.—Братъ настаиваетъ, чтобы я его навѣстилъ. Недавно я женился, какъ я уже объ этомъ позволилъ себѣ написать Вашему Величеству.—Мой выборъ былъ безконечно удаченъ, и эти новыя отношенія увеличиваютъ побудительныя причины, убѣждающія меня совершить поѣздку за границу.—Различныя странныя обстоятельства, въ которыхъ я съ недавнихъ поръ очутился и о чемъ Ваше Величество будете, конечно, освѣдомлены, еще болѣе усиливаютъ эти мотивы и заста-

вляютъ меня горячо желать уѣхать для поправленія здоровья и насладиться спокойствіемъ въ болѣе мягкомъ климатѣ. Я умоляю Ваше Величество не отказать мнѣ въ испрашиваемой мною милости.—Это не помѣшаетъ моей готовности исполнить предписанныя мнѣ Вами обязанности, всякій разъ, какъ Ваше Величество соизволите меня признать на что-нибудь пригоднымъ, и доказать Вамъ мое усердіе и ненарушимую преданность.

XLII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Сиявa, 2/14 сего августа 1819 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я принужденъ съ громаднымъ сожалѣніемъ удалиться отсюда въ тотъ моментъ, когда намъ обѣщаютъ въ теченіе осени пріѣздъ Вашего Императорскаго Величества.—Здоровье моей жены не даетъ мнѣ свободы выбора.—Доктора торопятъ ее отъѣздомъ; еще въ этомъ году, она должна пользоваться минеральными водами въ Баденѣ; пропущенный остатокъ этого сезона могъ бы имѣть для нея пагубныя послѣдствія. Я долженъ ее сопровождать; поэтому на этотъ разъ приходится отказаться отъ счастья, столь рѣдкаго и кратковременнаго, лично повергнуть къ Вашимъ стопамъ, Государь, свидѣтельство моей старой привязанности. Я покинулъ Варшаву, погруженную въ глубокую печаль.—Она сдѣлалась всеобщей съ того момента, какъ стало извѣстно, что страна навлекла на себя Ваше неудовольствіе.

Вы приказали написать, что положите предѣлъ обѣщаннымъ благодѣяніямъ и что Вы даже могли бы отнять дарованныя Вами прежде.—Ахъ! Всемилостивѣйшій Государь, разрѣшено ли мнѣ будетъ высказать, что, развѣ Ваши учрежденія и начатое Вами дѣло могли бы пріобрѣсти характеръ дѣйствительности и ненарушимости, что именно и составляетъ ихъ достоинства и прочность, если Вы сами объявляете, что они могутъ быть разрушены?—Такая ужасная угроза для настоящихъ и грядущихъ поколѣній была объявлена, чтобы наказать мимолетную погрѣшность двухъ или трехъ лицъ.—Справедливо ли заставлять весь народъ нести отвѣтственность за неосторожность нѣсколькихъ молодыхъ людей. Развѣ по ихъ рѣчамъ или словамъ нѣсколькихъ легкомысленныхъ женщинъ, можно судить объ общемъ настроеніи жителей, которое у насъ не только не повышено, а скорѣе грѣшитъ унынiемъ. Эти самые молодые люди, безразсудство которыхъ было такъ вредно, не имѣли преступнаго намѣренія. Они были введены въ заблужденіе увѣренностію, безъ сомнѣнія имѣющею основанія, но лишь не вѣрно понятою, что Ваше Величество желаетъ поддержать и упрочить конституцію и что напоминать о ней правительству всякій разъ, какъ ему случалось бы сдѣлать какое либо отъ нея отступленіе, значило бы поступать согласно съ Вашимъ желанiемъ.

Да, Государь, испытывая малѣйшее зло, первое, что всякому приходитъ въ голову, это обратиться за помощью къ монарху, отъ котораго ждутъ только милостей и искорененія злоупотребленій.—Развѣ это всеобщее мнѣніе такъ достойно порицанія?—Нельзя было бы отрицать, что существуетъ очень ощутительный оттѣнокъ разницы между образомъ дѣйствій Вашего Императорскаго Величества и поступками правительства, представляющаго собою Вашу особу.—Все, что исходитъ отъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества, Ваши приказанія, инструкціи, замѣчанія, носятъ непрестанно печать уваженія къ установленнымъ законамъ и желанія освятить конституцію, являя собственнымъ примѣромъ, какъ надлежитъ чтить ея формы. Но этой мягкостію, справедливостію не всегда отличаются дѣйствія мѣстнаго правительства.

Когда Ваши приказы суровы, то ихъ быстро и строго выполняютъ; когда же они благопріятны конституціонному строю, то всегда находятся предлоги, чтобы ихъ не приводить въ исполненіе или замедлить ихъ развитіе.

Соблаговолите, Государь, не обращаться лишь къ единственному источнику за свѣдѣніями относительно положенія края, господствующаго тамъ духа, касательно рода дѣйствій администраціи и вытекающихъ изъ него послѣдствій.—Ставя опредѣленныя границы своимъ бесѣдамъ и докладамъ, Ваше Величество рискуетъ

не знать истины.—Если мое желаніе довести до Васъ правду излишне, то Ваше Императорское и Царское Величество, по крайней мѣрѣ, въ этомъ усмотрите мою преданность Вашей особѣ, рвеніе къ Вашей славѣ и къ счастью моей родины.

XLIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Генуя, 10-го сего августа 1820 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я надѣюсь имѣть счастье представиться Вашему Императорскому и Царскому Величеству въ продолженіе Вашего настоящаго пребыванія въ Польшѣ. Здоровье моей жены, которая еще нисколько не поправилась, лишило меня этой возможности и я считаю себя вынужденнымъ обратиться къ Вашему Императорскому и Царскому Величеству съ просьбой простить меня, если я не смогу отправиться на готовящійся открыться сеймъ.

Я глубоко объ этомъ сожалѣю, когда вспомню, что уже такъ давно лишенъ счастья быть вблизи Вашего Величества, и подумаю о тѣхъ важныхъ вопросахъ, которые должны занимать это собраніе.

Въ подобныхъ случаяхъ правильно это или нѣтъ, но каждый льститъ себя надеждой имѣть возможность

быть до извѣстной степени полезнымъ. Когда наше убѣжденіе искренно и глубоко, то мы склонны ему придавать большее значеніе, чѣмъ бы оно этого заслуживало. Хотя я и рискую впасть въ подобную ошибку, но да будетъ мнѣ позволено, Государь, изложить письменно и какъ можно короче нѣкоторыя мысли, представить которыя на Ваше разсмотрѣніе на словахъ, Государь, у меня отняли право.

Главный трудъ, предстоящій Вашему Величеству, это заставить исчезнуть въ финансахъ дефицитъ.

Я полагаю, что слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ при сложныхъ и всегда ненадежныхъ операціяхъ, касающихся займа, бумажныхъ денегъ и т. д.—Причины зла очевидны и средства для помощи не менѣе ясны.—Они состоятъ въ томъ, чтобы уравнять расходъ государства съ приходомъ и увеличить средства не путемъ налоговъ, а посредствомъ покровительства торговлѣ и облегченія ей сбыта товаровъ. Кажется, что съ нѣкотораго времени дѣлалось именно обратное, на что указываютъ тарифъ, распространенный въ Царствѣ, и недавнія мѣры, принятыя относительно войска въ Варшавѣ.

Что бы то ни было, я убѣжденъ, что уменьшеніе расходовъ можетъ произойти выгодно и легко. Нашъ Государственный Совѣтъ и министерскія канцеляріи имѣютъ къ этому большія способности. Они значительно расширены со времени учрежденія конституціоннаго

образа правленія и, между тѣмъ послѣ истекшихъ шести лѣтъ, намъ слѣдовало бы имѣть по меньше работы, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда все еще было впереди.

Можетъ быть, было бы возможно добиться значительнѣйшей экономіи въ воеводствахъ и еще болѣе удобнымъ способомъ; для этого слѣдовало бы воспользоваться примѣромъ польскихъ областей, до этого времени включенныхъ во внутреннія границы Имперіи. Тамъ, собственно въ уѣздахъ и губерніяхъ, администрація почти ничего не стоитъ государственной казнѣ. Эти установленія, примѣненныя къ образу правленія въ царствѣ, принесли бы тамъ пользу. Затрудненія, въ которыхъ находится казна, доказываютъ, насколько было бы непріятно, если бы конституціонные порядки были введены въ финансовыя дѣла. Это приводитъ меня ко второму главному пункту, который привлечетъ особое вниманіе Вашего Величества. Я хочу говорить объ ущербѣ, нанесенномъ съ разныхъ сторонъ конституціи.

Мѣстное правительство не долго думая и большею частію съ самыми добрыми намѣреніями издало множество указовъ, превышающихъ его полномочія.

— Лишь неусыпная и отеческая мудрость Вашего Величества могла бы положить конецъ неустройствамъ, печальныя послѣдствія которыхъ уже начинаютъ сказываться.

Если бы Господь, направляя великодушную волю Вашего Величества допустилъ бы, чтобы мы когда-нибудь могли дѣйствительно наслаждаться конституціоннымъ образомъ правленія, который Вы соизволили намъ даровать, мѣстное правительство скоро бы замѣтило, насколько оно само выпрываетъ при неизмѣнно регулярномъ ходѣ дѣйствій.

Носятся слухи, что это собраніе обѣщаетъ быть крайне бурнымъ, но я имъ не вѣрю...

XLIV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Парижъ, 9/21 сего ноября 1820 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ваше Императорское Величество соизволили возвести гимназію въ Кржеменицахъ въ степень лицея и повелѣть, чтобы куратору Виленскаго Университета было поручено представить проектъ устава для этого учрежденія.—Я именно это и сдѣлалъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Польши. Сверхъ ожиданій и противъ своего желанія, будучи вынужденъ задержаться за границей, я узналъ, что моя работа должна подвергнуться измѣненіямъ, которыя, мнѣ кажется, могутъ уменьшить ея полезность. Не будетъ ли мнѣ позволено умолять Ваше Величество отсрочить Вашу Высочайшую резолюцію, касающуюся статутовъ лицея въ Кржеменицахъ до весны, когда, возвратясь на родину, я могъ бы имѣть возможность представить министерству на-

роднаго просвѣщенія объясненія относительно пунктовъ, которые оно желало бы измѣнить и постараться сдѣлать рѣшенныя поправки какъ можно болѣе пригодными цѣли и благосостоянію учрежденія.

Остаюсь, и т. д.

XLV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Сиявa, 21 сего августа 1821 г.

Всемилостивѣйшій Государь!

Возвратясь въ отчизну, я считаю своимъ долгомъ повергнуть на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя мною въ теченіе немногихъ дней, проведенныхъ мною въ Варшавѣ. Я рѣдко Васъ безпокою своими письмами; да будетъ мнѣ позволено на этотъ разъ быть менѣе краткимъ, чѣмъ обыкновенно; не откажите въ минутѣ терпѣнія при чтеніи этихъ строкъ; я обозначилъ на поляхъ, какой вопросъ будетъ обсуждаться въ каждомъ параграфѣ, чтобы Ваше Величество благоволили потрудиться прочесть лишь тѣ изъ нихъ, которые покажутся Вамъ достойными вниманія.

Настроеніе умовъ.—Я нашелъ умы въ Польшѣ въ чрезвычайной нерѣшительности и въ полнѣйшемъ унынiи. Кажется, все подлежитъ сомнѣнію; нѣтъ учрежде-

нія, которое бы внушало увѣренность; нѣтъ печальной перемѣны, которую не предсказывали бы странѣ. Подобнаго рода существованіе пагубно; низкіе и себялюбивые взгляды тамъ одерживаютъ верхъ, благородныя чувства угасли; слабые люди съ растяжимой совѣстью между высшими и низшими чиновниками, считая общественное дѣло потеряннымъ, воображаютъ, что имъ разрѣшено ни о чемъ болѣе не думать, какъ только о собственной выгодѣ.

Сообщенія графа Соболевскаго.—Когда я освѣдомился о причинахъ столь поразительной перемѣны, мнѣ прежде всего упомянули о послѣднихъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ М. Соболевскимъ отъ имени Вашего Величества. Я постарался познакомиться съ ихъ содержаніемъ и мнѣ показалось, что существующія тревоги крайне преувеличены. Повелѣнія Вашего Величества и мудрые совѣты, которыми Вы удостоиваете Поляковъ, не могутъ быть иначе приняты, какъ съ благоговѣніемъ. Но отчего Вы направили Вашу строгость, Государь, на націю, страдающую и терпѣливую вмѣсто того, чтобы обрушиться на правительство, которое есть дѣйствующее начало и виновно въ настоящемъ случаѣ?—Первое собраніе предсказало неизбѣжныя затрудненія казны; второе собраніе высказалось еще болѣе положительнымъ образомъ; представленія, заслужившія въ настоящее время одобреніе монарха, отца своихъ народовъ,

были, въ свое время дурно приняты лицами, стоящими во главѣ администраціи.

Тревожныя рѣчи.—Между тѣмъ настоящія тревоги, какъ говорятъ, въ особенности поддерживались фразами, вырвавшимися у тѣхъ самыхъ лицъ, которыя считались облеченными довѣріемъ Вашей Высочайшей воли. Слѣдовательно, каждое слово, исходящее изъ ихъ устъ, обсуждается съ тоской, какъ мрачное предсказаніе уготованной намъ судьбы. Полагаютъ, что вся суть заключается въ томъ, что или конституція не выполнима, безполезна, дорого стоитъ, или слѣдуетъ уничтожить независимость судебныхъ учрежденій, что народное образованіе должно подвергнуться измѣненіямъ и ограниченіямъ и, наконецъ, что сеймы являютъ собою препятствіе, подлежащее отмѣнѣ, потому что Царство можетъ быть управляемо, какъ и другія провинціи; и тысяча подобныхъ разговоровъ, поражающихъ въ самое сердце честныхъ людей, преданныхъ своему государю и родинѣ.

Чувства Его Величества.—Мнѣ не вѣдомо, есть ли что справедливое или воображаемое въ такихъ грустныхъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что причину этого слѣдуетъ искать въ помышленіяхъ Вашего Императорскаго Величества; что Ваши взгляды и чувства съ нѣкоторыхъ поръ всецѣло измѣнились и стали совершенно противоположными прежнимъ. Что до меня касается, то я не могъ бы этому повѣрить. Непредвидѣн-

ныя и внезапныя обстоятельства могутъ легко породить оттѣнокъ разницы въ Вашихъ сужденіяхъ и образѣ дѣйствій, Государь. Но существуютъ такіе принципы и черты характера, имѣющіе перевѣсъ надъ всѣми обстоятельствами въ мірѣ и къ которымъ я буду неизмѣнно обращаться съ непоколебимымъ довѣріемъ. Вотъ какъ я поступаю, защищая при Вашемъ Величествѣ мою родину и ея конституцію передъ лицами, желающими ей вредить.

Расходы по арміи.—Было бы несправедливо желать карать народъ претерпѣваемыми имъ бѣдствіями, въ которыхъ онъ не виноватъ. Причины, взвѣшенныя Вашей мудростію, значеніе которыхъ я далекъ отъ мысли оспаривать, побудили Васъ рѣшить, Государь, что расходы по арміи не должны быть совсѣмъ сокращены.—Вѣрно, однако, то, что эти расходы не соотвѣтствуютъ настоящимъ средствамъ Царства и что, принимая это въ соображеніе, они больше, чѣмъ расходы, сдѣланные по этому предмету во многихъ независимыхъ государствахъ, какъ Швеція, Саксонія, Вюртембергъ и Пьемонтъ, гдѣ при большихъ средствахъ, военная система менѣе дорого стоитъ. Я не касаюсь благоразумія и крайней необходимости въ рѣшеніи Вашего Величества; тѣмъ не менѣе, можно ли по справедливости обвинять націю въ бѣдности, являющейся его послѣдствіемъ?

Незначительность Царства.—Когда была рѣшена судьба этого края, Ваше Величество припомнитъ, что

Поляки, увлеченные благодарностію, изъявили единодушное желаніе Вамъ принадлежать, и что кромѣ этихъ неодолимыхъ чувствъ, они были также порабощены великодушнымъ обѣщаніемъ соединить всѣ польскія области подъ Вашей славной верховной властью и національнымъ правленіемъ. Ваше Величество самолично считали возстановленіе Польши лишь тогда достойнымъ своихъ заботъ, если бы оно было осуществимо въ болѣе широкомъ объемѣ. Настоящее Царство на треть меньше герцогства, которое оно замѣняетъ, было въ Вашихъ глазахъ лишь пробнымъ камнемъ. Нельзя, Государь, осуждать доводы благоразумія, побудившіе Ваше Величество отсрочить выполненіе Вашихъ высокихъ обѣщаній; но не будетъ ли въ высшей степени несправедливо карать Царство за навязанные ему небольшіе размѣры, которые нація цѣною величайшихъ жертвъ, если бы это было угодно Богу и Вашему Величеству желала бы заставить уничтожить?

О конституціи.—Я приступаю къ разсмотрѣнію упрековъ, направленныхъ на образъ правленія, которымъ мы обязаны благородству Вашей души, Государь. Ясно, что не конституція виновата въ излишнихъ, дурно распредѣленныхъ расходахъ администраціи. Они произошли, напротивъ, оттого, что не было достаточнаго повиновенія законамъ конституціи, ни строгаго ихъ выполненія. Я не постигаю, какую преграду хотятъ найти въ этой конституціи. Армія болѣе чѣмъ значительна,

подати взимаются съ крайней строгостью; правосудіе отправляется, слѣдуетъ лишь оградить судебныя учрежденія отъ всякаго вліянія, кромѣ вліянія законовъ; полиція поставлена превосходно и даже, если можно сказать, доводитъ свое усердіе до жестокости и притѣсненій. Конституція ничему необходимому не мѣшаетъ, но на самомъ дѣлѣ она не достаточно мѣшаетъ тому, что излишне и вредно.

Второй результатъ всецѣло зависитъ отъ воли Вашего Императорскаго Величества. Не слѣдуетъ ставить въ упрекъ собраніямъ, что они увеличиваютъ затрудненія при введеніи измѣненій и нововведеній; напротивъ того, преимущество этого образа правленія заключается въ стремленіи къ постоянству; отвергнутый законъ не мѣняетъ положенія вещей. Новыя постановленія требуютъ извѣстной степени зрѣлости. Не было бы неудобнымъ, если бы они подверглись нѣсколько разъ обсужденію многихъ послѣдовательныхъ собраній.

Всеобщее подозрѣніе.—Одна мысль циркулируетъ во многихъ умахъ, а именно, что существуетъ особаго рода молчаливое соглашеніе удалять мало-по-малу людей талантливыхъ и съ твердымъ характеромъ и вводить въ правленіе властолюбивыхъ и алчныхъ посредственностей съ потерянной репутаціей. Говорятъ, что такимъ образомъ повсюду будутъ проволочки и все еще сильнѣе запутается; самыя полезныя реформы

будутъ искажены; будетъ много приказано и устроено на бумагѣ; но выполненія и хорошихъ результатовъ будетъ мало. Такимъ образомъ, составленное правительство будетъ все болѣе и болѣе терять довѣріе Вашего Величества и уваженіе народа; оно сдѣлается черезъ это орудіемъ собственнаго уничтоженія и, можетъ быть, кончитъ тѣмъ, что само это предложитъ. Ваше Императорское и Царское Величество найдете, что это лишь неопредѣленныя утвержденія и странныя, преувеличенныя опасенія. Я передаю Вамъ тѣмъ не менѣе объ нихъ, чтобы Вы были предубѣждены и соизволили быть осторожнѣе при выборѣ лицъ.

Сбереженія.—Ваше Императорское Величество были правы, соизволивъ приказать соблюдать строгую бережливость. Страна будетъ имѣть причину себя поздравить, если эта экономія будетъ распредѣлена надлежащимъ образомъ и если не сдѣлаютъ отступленій отъ одобреннаго Вами закона, подъ предлогомъ, что положеніе вещей вовсе не такъ дурно, какъ себѣ это вообразили. Вы сдѣлали мудрое предписаніе, Государь, сократить число чиновниковъ, состоящихъ на жалованьи, обратившись по этому поводу къ польскому патріотизму; я сомнѣваюсь, чтобы правительство отвѣтило, какъ слѣдуетъ, на этотъ призывъ и чтобы оно его использовало по отношенію къ жителямъ. Конституціонный бюджетъ, приходы и расходы, точно опредѣленные закономъ одни

лишь могутъ въ будущемъ спасти финансы отъ повторенія дефицита.

Надежды и желанія.—Чтобы не вышло изъ нашихъ настоящихъ скорбей, но у меня сложилось убѣжденіе, что интересы моей родины и ея свободы еще не въ отчаянномъ положеніи, пока они имѣютъ въ особѣ Вашего Величества третейскаго судью.—Ободрите, Государь, нѣсколькими словами утѣшенія этотъ страдающій и впавшій въ унынie край. Достаточно одного слова съ Вашей стороны, чтобы ему вернуть исчезающую вѣру въ обезпеченную счастливую будущность. Націей править легко; она доступна введенію всякихъ улучшеній; среди нея еще есть способные, неподкупные, преданные люди. Наши желанія заключаются единственно въ томъ, чтобы не было иныхъ результатовъ, кромѣ желаемыхъ Вами; чтобы лица, замѣняющія Вашу особу, не имѣли другихъ намѣреній и цѣли, кромѣ Вашихъ, и умѣли бы проникнуться Вашими планами. Они привлекли бы тогда къ себѣ сердца, вмѣсто того, чтобы ихъ оттолкнуть. Мѣстное правительство стало бы строго относиться къ себѣ и снисходительно къ подчиненнымъ; дружба, довѣріе, патріотизмъ преобладали бы въ его отношеніяхъ съ націей и ея представителями и заставили бы ихъ поторопиться пойти навстрѣчу всякому разумному и полезному предложенію. Это было бы вѣрнымъ средствомъ выставить гнусность эгоизма, если бы еще онъ проявлялся, и осыпать

насмѣшками всякое подражаніе французскихъ ораторовъ, которое, мнѣ кажется, настолько же неразумнымъ, какъ и предосудительнымъ.

Иностранное вліяніе.—Я осмѣливаюсь умолять Ваше Императорское Величество крайне остерегаться внушеній и вліянія иностранныхъ кабинетовъ. Возможно ли, чтобы у нихъ не было задней мысли? Они лучшаго и не требуютъ, какъ навязать Вамъ свои взгляды и увлечь Васъ на свою дорогу, чтобы поставить Васъ на одинъ уровень съ другими монархами, надъ которыми Вы, до сихъ поръ парили высоко. Ихъ главная цѣль и самый высшій интересъ заключается въ томъ, чтобы уронить Васъ въ мнѣніи Европы и лишить Васъ любви и удивленія народовъ, такъ какъ они прекрасно сознаютъ, что это значило бы заставить Васъ потерять, Государь, большую часть Вашего могущества.

Я останавливался на короткое время въ Варшавѣ. Лѣта и недуги моего отца заставили меня немедленно отправиться въ деревню, гдѣ онъ проживаетъ. Находясь не у дѣлъ, я не желаю мѣнять своего положенія; съ каждымъ годомъ, я испытываю все большую благодарность къ Вамъ, Государь, за милость, которую Вы мнѣ оказали, освободивъ меня отъ этой администраціи. Тѣмъ не менѣе моя давнишняя преданность не можетъ примириться съ полнѣйшимъ ничтожествомъ и я мню себя еще полезнымъ для Васъ, Государь, если я Васъ увѣдомляю иногда о томъ, что есть и что рѣдко мо-

жетъ дойти до Васъ какимъ либо инымъ способомъ.— Я пламенно бы желалъ и былъ бы счастливъ узнать, что мое усердіе Вамъ не въ тягость и что я не долженъ стараться его подавить.

Господь да сохранитъ Ваше Величество на счастье ввѣренныхъ Вамъ народовъ. Да исполнитъ Онъ Ваше сердце милостію къ несчастному народу, чья Вы единственная надежда. По неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія пусть другіе будутъ исполнителями суровыхъ велѣній судьбы и да ниспошлетъ она Вамъ быть всегда орудіемъ ея благодѣяній.

Остаюсь, и т. д.

XLVI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

1823 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Выраженія, въ которыхъ М. Новосильцевъ во время своего недавняго пребыванія въ Вильнѣ высказался насчетъ университета и подвѣдомственныхъ ему школъ, заставляютъ меня страшиться, чтобы его рапортъ, касающійся событій въ гимназіи, не заключалъ въ себѣ серьезныхъ обвиненій и самыхъ неблагопріятныхъ выводовъ для народнаго образованія въ польскихъ областяхъ и для учрежденій, которымъ оно поручено.

Я не намѣреваюсь устанавливать факты, достойные порицанія, ни защищать виновныхъ; такъ какъ эти учрежденія находятся, однако, уже двадцать лѣтъ подъ моимъ управленіемъ, то я почтительнѣйше умоляю Ваше Императорское Величество не объявлять Вашего Высочайшаго рѣшенія по этому поводу, не выслушавъ меня и не позволивъ мнѣ оправдаться въ обвиненіяхъ,

заключающихся, можетъ быть, въ докладѣ М. Новосильцева.

Много разъ въ теченіе моей жизни я имѣлъ счастье доказать свою преданность Августѣйшей особѣ Вашего Императорскаго Величества и пользоваться съ Вашей стороны знаками довѣрія и милости, кажется, никогда мною не нарушенными, которые начертали въ моемъ сердцѣ глубокую благодарность.

Эти драгоцѣнныя воспоминанія моей жизни подаютъ мнѣ утѣшительную надежду, что Ваше Императорское Величество благоволите внять мольбѣ, съ которой я позволяю себѣ къ Вамъ теперь обратиться, не имѣющей иной цѣли, какъ представить на Вашъ судъ правду во всѣхъ ея видахъ. . .

Не осмѣливаясь безпокоить Ваше Императорское Величество въ Бржецкѣ, гдѣ все Ваше время будетъ слишкомъ занято, я буду ожидать въ Миджиборцѣ въ Подоліи приказаній, которыя Вамъ будетъ благоугодно мнѣ объявить.

XVLII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Влосовце, 18/30 сего октября 1823 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Согласно разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества я беру на себя смѣлость повергнуть къ Вашимъ стопамъ просьбу о пожалованіи мнѣ полной отставки отъ службы.

Если когда-нибудь Ваше Императорское Величество соблаговолили бы признать меня еще способнымъ принести Вамъ извѣстную пользу, то я былъ бы всегда готовъ и счастливъ повиноваться Вашимъ Высочайшимъ приказаніямъ.

Моя преданность и пламенныя мольбы о сохраненіи дней Вашего Императорскаго Величества и о Вашемъ долгомъ, благополучномъ царствованіи продлятся до конца моей жизни.

Остаюсь, и т. д.

XLVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

1823 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Князь Голицынъ увѣдомилъ меня о желаніи Вашего Императорскаго Величества не увольнять меня въ отставку до окончанія Виленскаго дѣла. Я сознаю, что долженъ повиноваться всему, что благоугодно будетъ приказать Вашему Императорскому Величеству; но тѣмъ не менѣе, да будетъ мнѣ разрѣшено представить на Ваше благоусмотрѣніе, что разслѣдованія, начатыя въ Вильнѣ, могутъ продлиться еще слишкомъ долго и что въ моемъ положеніи я не могу принести никакой пользы по этому предмету, состоя на службѣ Вашего Величества. Уже скоро годъ, какъ я въ разлукѣ съ больной женой и сыномъ; состояніе ея здоровья не позволяетъ ей торопиться возвращеніемъ. Итакъ, я отваживаюсь обратиться къ милостивымъ увѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества и снова

представить мою просьбу на Ваше усмотрѣніе, дабы Вы по добротѣ Вашей соизволили пожаловать мнѣ чистую отставку и разрѣшить мнѣ возвратиться къ женѣ за границу. Простите мнѣ, Государь, мои почтительныя ходатайства и удостойте ихъ принять.

Остаюсь, и т. д.

XLIX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

1823 года.

Дорожа столь драгоцѣннымъ мнѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, я осмѣливаюсь умолять въ моментъ полученія отставки, чтобы мнѣ было разрѣшено побесѣдовать съ Вами нѣсколько минутъ о себѣ лично.—Не имѣя никакихъ притязаній оставить за собой должность, я стремлюсь единственно къ сохраненію благосклонности въ памяти Вашего Императорскаго Величества. Я хочу говорить лишь о своей службѣ, какъ куратора, которая, кажется, одна подвергается различнымъ пересудамъ.

Ваше Императорское Величество соблаговолили меня назначить на эту должность въ 1803 году.—Мои обязанности въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и мое постоянное пребываніе въ Петербургѣ (кромѣ промежутка въ нѣсколько мѣсяцевъ, проведеннаго мною у родныхъ) не позволили мнѣ исключительно заниматься

дѣлами Виленскаго округа. По отношенію къ моимъ другимъ занятіямъ, этотъ вопросъ, несмотря на все его значеніе, казался тогда имѣющимъ второстепенный интересъ.

Событія 1805, 1806 и 1807 годовъ были болѣе чѣмъ способны отвлечь отъ всякаго другого предмета. Я покинулъ Петербургъ въ 1810 году. Настоятельныя обстоятельства того времени удерживали меня съ тѣхъ поръ за границей. Мои путешествія и занятія въ 1814 и 1815 годахъ извѣстны Вашему Императорскому Величеству.

Я вступилъ снова въ должность куратора лишь въ 1816 году. Ваше Императорское Величество, тѣмъ не менѣе, разрѣшили мнѣ остаться въ Варшавѣ для выполненія обязанностей, которыя Вы соизволили мнѣ довѣрить въ Царствѣ. По прекращеніи ихъ, я посѣтилъ въ 1817 году университетъ и многія школы въ округѣ.

Время, протекшее съ 1803 года, когда были составлены первые статуты, обнаружило уже новыя нужды въ школахъ и заставило почувствовать недостаточность прежнихъ постановленій. Тѣмъ не менѣе, затрудненія могли быть замѣчены и вполнѣ опредѣлены лишь по мѣрѣ того, какъ ихъ открывали обстоятельства. Также, если разслѣдуютъ мои дѣйствія по службѣ, то придутъ къ заключенію, что этотъ важный вопросъ никогда у меня не выходилъ изъ головы и что почти всѣ послѣдующіе года, начиная съ 1817 года, я вводилъ

или предлагалъ мѣропріятія, способныя улучшить внутренній порядокъ въ школахъ,—такъ какъ я хочу говорить лишь объ этомъ предметѣ. Въ 1817 году, я отдалъ студентамъ приказаніе не носить другого платья, кромѣ установленной формы и всецѣло имъ запретилъ посѣщать спектакли и другія общественныя собранія.— Въ 1818 году я учредилъ въ университетѣ спеціальный комитетъ, уполномоченный наблюдать исключительно надъ школами и элементарными книгами. Въ 1819 году былъ передѣланъ прежній уставъ относительно поведенія и пріема студентовъ въ университетъ и были опредѣлены обязанности и обязательства воспитателей, надзирающихъ въ школахъ надъ ежедневнымъ поведеніемъ учащихся.

Эти мѣры теперь, конечно, могутъ показаться слабыми и недостаточными; но судить о нихъ слѣдуетъ сообразно времени и вызвавшимъ ихъ обстоятельствамъ.

Приблизительно въ это время я получилъ отъ Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе поѣхать за границу, гдѣ мнѣ пришлось прожить два года въ виду здоровья моей жены.

Во время моихъ разныхъ отлучекъ, университетъ и Виленскій округъ остались подъ непосредственнымъ управленіемъ министерства, хотя система обученія не подверглась ни измѣненію, ни цензурѣ.

До сихъ поръ и въ теченіе всей моей службы управленіе школами и развитіе просвѣщенія были, безъ со-

мнѣнія, предметомъ крайняго интереса; но требуемыя ими работы и наблюденіе могли быть проведены съ большей свободой и при менѣе узкихъ взглядахъ. Въ концѣ 1821 года, послѣ моего возвращенія, я нашелъ, что обстоятельства стали много серьезнѣе и тяжелѣе.

Школьныя дѣла всецѣло измѣнились какъ по виду, такъ и по своимъ существеннымъ свойствамъ.—Буйный духъ, пробудившійся въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ и пагубная страсть между студентами къ тайнымъ обществамъ возбудили негодованіе правительствъ. Зараза могла легко проникнуть и въ наши школы. Вскорѣ послѣ моего возвращенія, еще въ ноябрѣ 1821 года, я послалъ предписаніе тогдашнему ректору быть постоянно бдительнымъ и воспрещать тайныя общества.

Это письмо, внушенное мнѣ лишь смутнымъ опасеніемъ, произвело нѣкоторое впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ на это можно было надѣяться, если сопоставить число, которымъ помѣчено письмо, съ тѣмъ временемъ, когда на основаніи недавнихъ справокъ изъ Вильны нѣкоторые тайные происки и первые зачатки ассоціаціи были разрушены и уничтожены.

Послѣ этого вскорѣ, въ мартѣ 1822 г. я предпринялъ генеральный осмотръ университета, гдѣ я почти три года не былъ, и мое пребываніе въ Вильнѣ продлилось до іюня мѣсяца.

Освѣдомленный касательно состоянія образователь-

ныхъ учрежденій въ Европѣ, перемѣны взглядовъ и образа правленія, я приложилъ, со времени этого осмотра, все свое усердіе и усилія къ тому, чтобы во всемъ стараться сообразоваться съ намѣреніями Вашего Величества и спасти Виленскій округъ отъ несчастій, угрожавшихъ подъ рядъ всѣмъ университетамъ Европы. Моей главной заботой было достать себѣ для управленія университетомъ ревностнаго и способнаго помощника, орудіе, на которое я могъ бы разсчитывать.

Испытанное мною промедленіе до полученія отставки прежняго ректора и до утвержденія новаго, заставившее меня потерять болѣе полугода, послужило къ тому, что нѣкоторыя, уже подготовленныя, крайне необходимыя реформы не могли быть выполнены, что я считаю одною изъ главныхъ причинъ несчастій, посыпавшихся на университетъ.

Если бы не эта потеря времени, то виленская гимназія уже была бы преобразована и событіе 3/15 мая, можетъ быть, не произошло бы или приняло бы болѣе естественный оборотъ *).

*) Здѣсь идетъ рѣчь о манифестаціи студентовъ, слишкомъ яснымъ предлогомъ къ которой послужила цѣлая репрессивная система. М. Новосильцевъ былъ командированъ въ Вильну для наведенія справокъ, вслѣдствіе чего онъ началъ преслѣдованіе студентовъ, съ каждымъ днемъ увеличивающееся. Князь Адамъ боролся сколько могъ противъ этой системы, но былъ потомъ побѣжденъ. Эта борьба обозначаетъ тотъ моментъ, когда на виленскій университетъ надвинулась гроза.

Однако, со времени назначенія ректоромъ Твардовскаго было начато много улучшеній по части администраціи и внутренняго порядка въ особенности, на что я, главнымъ образомъ, ему указалъ въ моментъ его вступленія въ должность, послав ъ ему въ ноябрѣ 1822 года предписаніе, въ которомъ внутренній порядокъ въ школахъ получалъ новое развитіе. Все начало процвѣтать и подавало надежду, что эти учрежденія заслужатъ вскорѣ вновь покровительство и столь драгоцѣнное благоволеніе Вашего Величества.

Но, въ то время, какъ новый ректоръ началъ развивать свою дѣятельность, онъ былъ арестованъ. Наши работы были парализованы его арестомъ, а затѣмъ разслѣдованіями въ Вильнѣ;—такъ что, если подробно перечислять эти помѣхи и если желаютъ бросить бѣглый взглядъ на занимавшіе меня со времени назначенія новаго ректора труды, то были бы принуждены согласиться, что, при обыкновенномъ усердіи, нельзя было бы успѣть столько сдѣлать въ такой короткій промежутокъ времени.

Я долженъ еще присовокупить одно обстоятельство, которое не будетъ отринуто сердцемъ Вашего Императорскаго Величества и довершитъ мое оправданіе въ Вашихъ глазахъ, если моя дѣятельность Вамъ показалась несоотвѣтствующей трудности положенія. Посреди этихъ затрудненій и непріятностей я испыталъ самыя прискорбныя семейныя несчастія, такъ что я считаю

этотъ послѣдній годъ моей службы однимъ изъ злополучнѣйшихъ въ моей жизни.

Что бы то ни было, я покидаю свой постъ съ убѣжденіемъ, что я служилъ Вашему Величеству всѣми средствами, съ искреннимъ и честно направленнымъ усердіемъ, съ увѣренностію, что проектированныя или начатыя реформы и улучшенія въ короткое время произвели бы довольно удовлетворительные результаты для того, чтобы не оставить болѣе никакого сомнѣнія во взглядахъ Вашего Величества насчетъ Виленскаго округа, и что польза могла бы быть принесена безъ шума, огласки и не вооружая страны.—Докладъ, подаваемый мною министерству, къ свидѣтельству котораго я въ правѣ обратиться, докажетъ впослѣдствіи всѣми подробностями другихъ сторонъ моего управленія справедливость того, что я здѣсь осмѣлился высказать въ короткихъ словахъ.

Мнѣ лишь остается поручить милостивому покровительству Вашего Императорскаго Величества возникающія и уже основанныя учрежденія, лицъ, исполняющихъ свои обязанности усердно и добросовѣстно и многочисленную молодежь Виленскаго округа.—Я буду возносить непрестанныя мольбы, чтобы они не лишились этой единственной защиты, безъ которой учрежденія, поддерживающіе ихъ фонды, и имѣющая произойти, отъ этого польза въ настоящемъ и будущемъ съ трудомъ избѣжали бы гибели.

Царствованіе Вашего Величества началось съ такимъ блескомъ, вслѣдствіе оказаннаго Вами покровительства наукамъ, что эта единственная мысль должна успокоить всѣ тревоги и внушить извѣстное довѣріе.

L.

Великій Князь Константинъ Императору.

Варшава, 14 мая 1823 г. *).

Имѣю честь препроводить Вашему Величеству два рапорта отъ 11-го мая, представленные мнѣ военнымъ губернаторомъ, генераломъ отъ инфантеріи Римскимъ-Корсаковымъ по случаю мятежныхъ событій въ Виленскомъ университетѣ, произведенныхъ политическими надписями, сдѣланными учащимися на фасадѣ Доминиканскаго монастыря и копію съ моихъ инструкцій главнокомандующему въ Литвѣ.

Имѣю честь запросить о Вашемъ Высочайшемъ соизволеніи, касающемся дальнѣйшихъ приказаній. Я

---

*) Это письмо и послѣдующія, включая сюда и письмо князя Адама Великому Князю Константину, имѣютъ отношеніе къ дѣлу виленскихъ студентовъ, о которомъ идетъ рѣчь въ предыдущихъ письмахъ. Они совершаютъ характеристику момента, когда репрессивный духъ одерживаетъ верхъ и, конституціонный образъ правленія,—лишь только слово въ ожиданіи отмѣны.

посовѣтовалъ бы Вашему Величеству строго наказать зачинщиковъ и выслать Платера, Кулаковскаго и Кочіолковскаго въ отдаленные гарнизоны Сибири въ качествѣ рядовыхъ. Мнѣніе мое по этому поводу основано на извѣстныхъ данныхъ, такъ какъ духъ учащихся въ виленскомъ университетѣ всегда былъ и есть мятеженъ, безпокоенъ и противенъ установленному порядку. Университетское начальство, вмѣсто того, чтобы обуздать его, раздѣляетъ эти взгляды и оказываетъ помощь, какъ въ настоящемъ случаѣ. Примѣръ необходимъ, и слѣдуетъ примѣнить строгія и суровыя мѣры, чтобы навсегда вырвать съ корнемъ это застарѣлое зло.

Я отдалъ приказъ своему адъютанту, полковнику графу Нессельроде, отправиться въ Вильну и тамъ договориться съ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ, чтобы съ полнымъ знаніемъ причины обсудить состояніе умовъ и тайные происки въ университетѣ. Лишь только я получу эти документы, я поспѣшу ихъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Величества.

L.

Великій Князь Константинъ Его Свѣтлости Князю Чарторижскому.

Я получилъ дѣло о возмущеніи въ виленскомъ университетѣ и рапортъ Вашей Свѣтлости отъ 18/30 мая, въ которомъ говорится, что главный фасадъ монастыря Доминиканцевъ былъ покрытъ непозволительными надписями, съ тайнымъ умысломъ сдѣланными студентами университета. Эти продѣлки очень серьезны, и слѣдуетъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, чтобы уничтожить зло въ самомъ корнѣ. Вашей Свѣтлости не безызвѣстно, что послѣ нашихъ многократныхъ вчерашнихъ конференцій относительно этого факта, я отдалъ уже предварительныя приказанія вслѣдствіе донесенія генерала отъ инфантеріи Римскаго-Корсакова. Имѣю честь выслать Вашей Свѣтлости копію съ моего рапорта Его Величеству по этому предмету, помѣченнаго 14 мая и сообщить Вамъ о принятыхъ мною мѣрахъ въ ожиданіи Его Высочайшаго соизволенія.

Я отправилъ своего адъютанта, полковника графа Нессельроде, въ Вильну и приглашаю Вашу Свѣтлость дождаться его возвращенія, чтобы вмѣстѣ со мною принять цѣлесообразныя и приспособленныя къ обстоятельствамъ мѣры. Что касается до окончательнаго рѣшенія этого серьезнаго вопроса, то для этого надлежитъ ждать отвѣта на депешу, которую я имѣлъ честь послать Его Величеству.

LI.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Его Свѣтлости Князю Чарторижскому.

Варшава, 28 іюня 1823 г.

Я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Вашей Свѣтлости 19 мая 1823 г., что для принятія совокупныхъ мѣръ, касающихся непозволительныхъ выходокъ студентовъ виленскаго университета, я желалъ бы, чтобы Ваша Свѣтлость остались въ моей резиденціи. Но такъ какъ первая справка, хотя и дала разъясненія на нѣкоторую точку зрѣнія, но не достаточно выяснила другіе пункты, нуждающіеся для лучшаго съ ними ознакомленія въ нахожденіи извѣстнаго лица на мѣстѣ происшествія, то я, по праву власти, дарованной мнѣ Его Величествомъ, приказалъ тайному совѣтнику и сенатору Новосильцеву отправиться въ Вильну, всецѣло уполномочивъ его дѣйствовать въ данномъ положеніи согласно его взглядамъ. При случаѣ онъ можетъ переговорить съ Вашей Свѣтлостью. О пожалованіи мною этихъ полномочій сенатору Новосильцеву, я имѣю честь увѣдомить Вашу Свѣтлость.

LII.

Князь Адамъ Чарторижскій Великому Князю Константину.

18/30 мая 1823 г.

Ректоръ виленскаго университета извѣстилъ меня о сообщеніи имъ всѣхъ подробностей происшествія, случившагося въ Вильнѣ 3/15 мая, Его Превосходительству Литовскому генералъ-губернатору, который подалъ уже объ этомъ рапортъ Вашему Императорскому Высочеству. Вслѣдствіе этого, я не осмѣливаюсь отнимать времени у Вашего Императорскаго Высочества новой передачей о томъ же вопросѣ; но считаю своимъ долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія обстоятельства, вслѣдъ за тѣмъ наступившія.

Вскорѣ послѣ того, какъ оригиналъ протокола слѣдствія, составленнаго преподавателями гимназіи, былъ отправленъ генералъ-губернатору согласно его требованія, администрація университета получила новые документы, касающіеся этого дѣла, и, разсмотрѣвъ на

досугѣ и эти бумаги, и самый протоколъ, постановила рѣшеніе, по предложенію ректора, что первая справка была недостаточна, что слѣдуетъ произвести новыя разслѣдованія, которыя надо поручить профессорамъ, избраннымъ среди самого университета, и пригласить гражданскія власти принять участіе въ разслѣдованіяхъ. Это рѣшеніе было принято администраціей на засѣданіи 11/23 мая. Я позволяю себѣ приложить здѣсь извлеченіе изъ протокола вышеупомянутаго засѣданія. Когда ректоръ университета меня увѣдомилъ объ этомъ постановленіи, то его донесеніе заставило меня понять, что событіе 3/15 мая приняло гораздо болѣе серьезный видъ, чѣмъ это казалось вначалѣ. Я, слѣдовательно, полагалъ, что обязанности моей должности повелѣваютъ мнѣ немедленно отправиться въ Вильну, чтобы самому лично заняться разборомъ этого дѣла и строго наказать виновныхъ.

Между тѣмъ, принимая во вниманіе, что Ваше Императорское Высочество, какъ главнокомандующій въ этихъ областяхъ, уже объ этомъ освѣдомлены, я счелъ своею обязанностью прежде всего получить приказаніе Вашего Императорскаго Высочества, чтобы съ ними сообразоваться.

LIII.

Князь Адамъ Чарторижскій Великому Князю Константину.

Я имѣлъ честь получить приказанія, предписывающія мнѣ въ отвѣтъ на мой рапортъ отъ 18/30 мая ждать здѣсь возвращенія графа Нессельроде изъ Вильны.

Благодарю Ваше Императорское Высочество, что Вы были такъ добры сообщить мнѣ о Вашемъ рапортѣ Его Императорскому Величеству и о данныхъ Вами инструкціяхъ Литовскому генералъ-губернатору.

Прочтя эти два документа съ вниманіемъ, требуемымъ моими служебными обязанностями, важностью случая и довѣріемъ, которымъ Ваше Императорское Высочество соизволили меня удостоить, я считаю, что совѣсть обязываетъ меня представить на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества нижеслѣдующее:

Хотя я незнакомъ съ рапортами, поданными Вашему Императорскому Высочеству Литовскимъ генералъ-гу-

бернаторомъ, но я все-таки долженъ вывести заключеніе, судя по содержанію отданныхъ приказовъ, что генералъ, самъ безъ сомнѣнія введенный въ заблужденіе, основалъ свои донесенія на невѣрныхъ разслѣдованіяхъ.

1. Онъ смѣшалъ гимназію съ университетомъ, объявляя его непосредственно виновнымъ въ безпорядкахъ гимназіи.

2. Онъ обвинилъ университетъ, что при разслѣдованіи онъ дѣйствовалъ нелегальнымъ образомъ.

3. Онъ также обвиняетъ университетъ въ томъ, что онъ вынесъ слишкомъ снисходительный приговоръ и поторопился его привести въ исполненіе, не предупредивъ о томъ генералъ-губернатора.

4. Наконецъ, Его Превосходительство, кажется, дѣлаетъ доносы на администрацію университета и въ особенности на ректора, за то, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ слишкомъ мягко и пристрастно.

На основаніи этого, я вижу, что проницательность и справедливость Вашего Императорскаго Высочества были поражены совершенно невѣрными донесеніями, которыя должны были обязательно породить въ Вашемъ умѣ самое неблагопріятное мнѣніе объ университетѣ.

Полагаясь, однако, на эту самую справедливость и проницательность, я льщу себя надеждой, что Ваше Императорское Высочество соизволите мнѣ простить, если, желая доказать недостаточность основаній для

обвинительныхъ пунктовъ генералъ-губернатора, я войду въ нѣкоторыя подробности, можетъ быть, скучныя, но заключающія въ себѣ единственно факты, очевидность которыхъ вытекаетъ изъ рапортовъ, представленныхъ Вашему Императорскому Высочеству.

Первый пунктъ. Генералъ-губернаторъ не можетъ не знать, что управленіе гимназіей совершенно отдѣлено отъ управленія университетомъ, которое завѣдуетъ общей администраціей всѣхъ школъ Виленскаго округа и не можетъ слѣдить за мелочами каждой отдѣльной школы. Эти мелочи поручены въ гимназіи особому начальству и его помощнику, которые отвѣчаютъ за все происходящее и о чемъ они не докладываютъ своевременно ректору университета.

Тѣмъ болѣе не слѣдовало бы смѣшивать студентовъ университета съ учениками гимназіи, что разница лѣтъ, образованія, рода занятій проводитъ между ними ясную демаркаціонную линію. Видѣвшіе школы вблизи, прекрасно знаютъ, что студенты университета не составляютъ общества и никогда не смѣшиваются съ учениками гимназіи, потому что они ихъ считаютъ гораздо ниже себя.

Молодые люди поступаютъ въ университетъ по окончаніи гимназическаго курса, продолжающагося обыкновенно шесть лѣтъ; они, слѣдовательно, уже болѣе развиты и воспитаны полученнымъ ими за это время образованіемъ, между тѣмъ, какъ ученики, поступающіе

въ гимназію, большею частію дѣти, прибывающія изъ родительскаго дома, часто приносящія оттуда дурныя привычки и взгляды, искоренить которые удается школамъ лишь неослабными попеченіями и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Я присовокуплю, наконецъ, что ученики гимназіи обыкновенно такъ молоды, что было бы трудно подозрѣвать ихъ въ предумышленности и дурныхъ намѣреніяхъ.

Второй обвинительный пунктъ. — Дѣйствительно ли первое разслѣдованіе было сдѣлано нелегальнымъ образомъ и противно предписаннымъ формамъ?

1. Лишь только ректоръ получилъ свѣдѣнія о происшедшемъ въ пятомъ классѣ гимназіи, какъ онъ тотчасъ же приказалъ сдѣлать разслѣдованіе надзирателямъ того же самаго заведенія и въ томъ же порядкѣ, котораго постоянно придерживались въ школахъ. Для этого разслѣдованія были назначены тѣ, которые первые принесли извѣстіе о происшествіи. Вслѣдствіе особаго знакомства съ характеромъ, недостатками и привычками каждаго ученика, также какъ и на основаніи мелкихъ доносовъ, можетъ быть, существующихъ между ними, воспитатели гимназіи казались сначала наиболѣе способными раскрыть истину.

2. Администрація не была въ правѣ довѣрить разслѣдованіе членамъ университета лишь тогда, когда она пришла къ убѣжденію, что преподаватели гимназіи были сами тамъ замѣшаны. Мы увидимъ ниже, что

они такъ именно и поступили. Уставы университета предписываютъ, что въ случаѣ, если бы строгое разслѣдованіе показало, что проступокъ преступнаго характера, то виновный долженъ быть преданъ суду, но все-таки послѣ законченнаго предварительнаго слѣдствія... Слѣдовательно, такъ какъ въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдствіе было лишь начато (какъ это и будетъ доказано ниже) то и нельзя еще было предавать виновныхъ подлежащей власти.

4. Еще болѣе, въ случаѣ, если бы лица иностраннаго происхожденія оказались бы замѣшанными въ какой-нибудь проступокъ, то законъ требуетъ, чтобы полицейскій чиновникъ производилъ слѣдствіе совокупно съ начальствомъ по народному просвѣщенію. Эта формальность была также соблюдена.

Итакъ, я полагаю, на основаніи этого отчета, что въ отношеніи законности, ничто не можетъ быть поставлено въ упрекъ образу дѣйствій, принятому въ этомъ дѣлѣ администраціей университета.

Третій упрекъ, который былъ, кажется, сдѣланъ университету, заключается въ томъ:

„Что онъ вынесъ слишкомъ снисходительный приговоръ и поторопился его привести въ исполненіе, не предупредивъ объ этомъ генералъ-губернатора“.

На что я отвѣчаю:

Это правда, что университетъ основалъ свое первое

постановленіе на справкѣ, сдѣланной въ гимназіи; но слѣдуетъ принять во вниманіе:

1. Что надписи, замѣченныя полиціей на стѣнахъ Доминиканцевъ, и другія обстоятельства, увеличившія серьезность случая, еще не имѣли мѣста или еще не были извѣстны.

2. Университетъ былъ принужденъ ускорить всѣ свои постановленія вслѣдствіе настоятельности генералъ-губернатора.

3. Онъ еще не получилъ бумагъ, доказывающихъ недостаточность перваго слѣдствія, какъ-то: объясненія служащихъ въ гимназіи и письмо М. Платеръ.

4. Университетъ полагалъ также, что было бы умѣстно избѣгнуть сначала всякой огласки, всякаго подобія преслѣдованія или тревоги, что можетъ возбудить иногда общій интересъ молодежи, чего допускать не слѣдуетъ, такъ какъ это можетъ еще болѣе затруднить раскрытіе истины.—Онъ, къ тому же, думаетъ, что въ подобномъ случаѣ надлежитъ дѣйствовать съ особой осторожностію и безъ шума и что правительству слѣдуетъ дать этому дѣлу направленіе, признанное имъ необходимымъ.

5. Впрочемъ, не по одному обстоятельству можно судить объ администраціи университета, а по совокупности его поступковъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Слѣдовательно, лишь только университетъ получилъ вышеупомянутыя бумаги, выяснившія ему недостаточность пер-

ваго слѣдствія, какъ онъ поспѣшилъ отмѣнить свои прежнія постановленія. Онъ назначилъ тотчасъ же новое слѣдствіе, поручивъ его тремъ профессорамъ университета, просилъ генералъ-губернатора присоединить къ нимъ, на основаніи устава, полицейскаго чиновника и отрѣшилъ отъ должности директора гимназіи и его помощника, отмѣнивъ также засвидѣтельствованный протоколъ администраціи университета, который я имѣлъ честь представить на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества вмѣстѣ съ моимъ рапортомъ отъ 18/30 мая. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы, лишь только нашлась свободная минута, чтобы опомниться. Университетъ принялся за это по собственному побужденію, безъ всякаго посторонняго давленія; такъ какъ хотя генералъ-губернаторъ и былъ освѣдомленъ о первомъ постановленіи университета, но еще не выразилъ ему тогда, однако, своего неодобренія.

Что касается до упрека: „что первоначальный приговоръ былъ слишкомъ снисходителенъ и что поторопились его привести въ исполненіе безъ предупрежденія генералъ-губернатора“, то дѣйствительно справедливо, что въ приговорѣ, вынесенномъ на основаніи перваго слѣдствія, университетъ не выказалъ достаточной суровости. Я только что указалъ на причины этого и долженъ здѣсь единственно замѣтить Вашему Императорскому Высочеству, что администрація университета и въ особенности начальство подвѣдомственныхъ ему

школъ, имѣя дѣло лишь съ дѣтьми и съ разборомъ проступковъ, которымъ, принимая въ соображеніе возрастъ виновныхъ и необдуманность, свойственную молодежи, даже законы придаютъ менѣе значенія, начальство это, говорю я, уполномочено налагать лишь легкія наказанія, между которыми самыя тяжелыя равняются исключенію и тюремному заключенію.

Что же касается до приведенія въ исполненіе декрета безъ извѣщенія о томъ генералъ-губернатора, то я долженъ сначала мимоходомъ повторить, что генералъ-губернаторъ былъ увѣдомленъ о первомъ постановленіи лишь только оно было сдѣлано, а именно 15 мая.

Но одно замѣчаніе всецѣло разрушитъ это увѣреніе... „Лишь только было наряжено новое слѣдствіе, то опредѣленіе, состоявшееся 8 мая на основаніи перваго разслѣдованія, болѣе не могло быть, вслѣдствіе этой единственной причины, приведено въ исполненіе“, и доказано то, что выполненіе не было даже начато, такъ какъ привлеченные къ отвѣтственности ученики были заключены въ тюрьму лишь по полученіи приказа генералъ-губернатора отъ 11-го мая.

Въ заключеніе я полагаю, что доказалъ фактами и послѣдовательными результатами, имѣвшими мѣсто во время этого дѣла, что Университетъ не заслужилъ обвиненій, взведенныхъ на него Генералъ-губернаторомъ. Его Превосходительство былъ постоянно посвященъ во все происходившее и въ распоряженія Уни-

верситета, который дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы обезпечить раскрытіе истины, назначивъ новое слѣдствіе и ходатайствуя передъ Генералъ-губернаторомъ объ участіи въ немъ гражданскихъ чиновниковъ на основаніи законовъ; всякое исполненіе было пріостановлено, преподаватели и надзиратели, виновные въ небрежности, были отрѣшены отъ должностей.

Наконецъ, съ тѣхъ поръ не произошло никакого безпорядка или шума, и всѣ съ величайшей покорностію ожидали что было благоугодно постановить Вашему Императорскому Высочеству.

Мнѣ остается отвѣтить на обвиненія, представленныя Вашему Императорскому Высочеству противъ ректора Твардовскаго.—Это должностное лицо мнѣ кажется уже оправданнымъ всѣмъ мною вышесказаннымъ.

Его упрекаютъ въ томъ, что онъ не вложилъ достаточно быстроты въ свои мѣропріятія непосредственно по полученіи справки, сдѣланной въ гимназіи. Но уставы обязываютъ ректора сообразоваться съ рѣшеніями администраціи, составленной изъ декановъ, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ. Его дѣйствія, слѣдовательно, задерживаются коллегіальными формами, и онъ не могъ бы заставить дѣла настолько быстро двигаться впередъ, какъ должностное лицо, дѣйствующее самостоятельно.

Чѣмъ будутъ болѣе обсуждать ходъ этого дѣла,

тѣмъ скорѣе придутъ къ убѣжденію, что ректоръ велъ себя вполнѣ искренно и ревностно. Очевиднымъ доказательствомъ этого служатъ готовность и точность, которыя онъ вложилъ въ извѣщенія о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Генералъ-губернатора, дѣлая ему не только частые личные доклады, но посылая ему и письменныя донесенія, именно 9, 10 и 11 мая.

Если бы у ректора были скрытыя мысли, и если бы онъ хотѣлъ что либо утаить, то не сообщилъ бы Генералъ-губернатору, какъ онъ это сдѣлалъ 10 мая, своихъ объясненій, заключающихъ въ себѣ именно недостаточность перваго слѣдствія.

Кромѣ этихъ фактовъ, всецѣло удостовѣряющихъ образъ дѣйствій ректора, въ настоящемъ случаѣ, да будетъ мнѣ позволено представить Вашему Императорскому Высочеству еще нѣкоторыя общія замѣчанія, говорящія въ его пользу.

Случившееся событіе не могло бы быть, во всякомъ случаѣ, иначее разсматриваемо, какъ результатъ прежнихъ заблужденій. Невозможно обвинять въ немъ настоящаго ректора, который, назначенный на это мѣсто недавно и утвержденный лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не могъ въ такое короткое время совершенно прекратить безпорядки и предыдущія заблужденія, несмотря на то, что я этому способствовалъ всѣми силами, насколько это было въ моей власти.

Главная причина безпорядковъ, случившихся въ виленской гимназіи, кроется въ дурномъ составѣ начальства этой школы; но выборъ его состоялся гораздо ранѣе назначенія М. Твардовскаго ректоромъ: собирались уже давно его перемѣнить, такъ же какъ и произвести другія безусловно необходимыя реформы; но желаніе сдѣлать хорошій выборъ, затрудненія при увольненіи прежнихъ преподавателей и недостатокъ времени еще не позволили намъ ввести всѣ предполагаемыя реформы.

Каковы бы ни были подозрѣнія, которыя желали бы внушить Вашему Императорскому Высочеству относительно всѣхъ членовъ Университета, они не могли бы коснуться новаго ректора. Онъ былъ выбранъ внѣ Университета. Онъ не былъ никогда профессоромъ. Осѣдлый гражданинъ съ независимымъ состояніемъ, онъ исполнялъ различныя гражданскія должности до должности губернскаго предводителя включительно и постоянно служилъ доказательствомъ неутомимаго рвенія и сильнѣйшей преданности службѣ.

Эти факты ясно показываютъ, что ректоръ Твардовскій былъ несправедливо обвиненъ передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ.

Мое близкое знакомство съ его характеромъ, всѣмъ его поведеніемъ, его образомъ мыслей, преданностію правительству не позволяютъ мнѣ въ этомъ сомнѣваться и внушаютъ мнѣ въ этомъ случаѣ обязанность во

всеуслышаніе заявить о его нравственныхъ достоинствахъ и невинности.

Я не долженъ утаить отъ Вашего Императорскаго Высочества послѣдняго важнаго соображенія, что, вслѣдствіе ареста ректора, Университетъ и школы, состоящіе въ его вѣдомствѣ, останутся безъ главнаго начальника, что можетъ вызвать прискорбные безпорядки, подать поводъ къ злоупотребленіямъ, хищеніямъ и пріостановить движеніе впередъ дѣла по народному просвѣщенію въ семи губерніяхъ.

Совокупность всѣхъ этихъ причинъ обязываетъ меня представить Вашему Императорскому Высочеству на разсмотрѣніе ту крайнюю необходимость, по которой, даже для пользы службы, было бы возможно освободить главу Университета и школъ непосредственнымъ приказомъ Вашего Императорскаго Высочества. Этимъ путемъ было бы также можно воздать справедливость Твардовскому: Да, онъ достоинъ ея во всѣхъ отношеніяхъ, клянусь въ этомъ честью и чувствами привязанности и преданности, испытываемыми мною къ священной особѣ Его Величества Императора, чувствами, уже такъ давно извѣстными Вашему Императорскому Высочеству.

Эта преданность, оставшаяся ненарушимой при всѣхъ перемѣнахъ въ моей жизни, заставила меня почувствовать глубокую горесть при чтеніи рапорта,

поданнаго Его Величеству Императору Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, въ которомъ Вы такъ рѣзко выразились относительно вреднаго духа, который долженъ царить въ Виленскомъ Университетѣ. Управляя уже двадцать лѣтъ этимъ заведеніемъ, близко зная каждое лицо, входящее въ его составъ, я буду имѣть возможность представить множество доказательствъ его полезности и пристыдить оклеветавшихъ его такъ сильно передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ.

Было, конечно, можно упрекнуть нѣкоторыхъ изъ членовъ Университета въ недостаткѣ усердія, равнодушіи, небрежности и различныхъ заблужденіяхъ; студенты могли быть также виновны въ отсутствіи дисциплины; но существуетъ ли какое либо человѣческое учрежденіе, куда не могли бы иногда проникать заблужденія? Но обвинять Университетъ передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ въ вѣроломныхъ намѣреніяхъ, въ преступныхъ козняхъ, невѣрности и неблагодарности къ монарху, осыпавшему его благодѣяніями,—подобное обвиненіе могло быть лишь дѣломъ враговъ народнаго образованія и противъ призванныхъ къ нему лицъ, или, наконецъ, дѣломъ тѣхъ, которые, негодуя на начатыя улучшенія въ Университетѣ желаютъ мстить за ущербъ, нанесенный или угрожающій ихъ интересамъ. Но такъ какъ Ваше Императорское Высочество только что отправили въ

Вильну просвѣщенное должностное лицо, облеченное Вашимъ довѣріемъ, то мнѣ не слѣдуетъ входить въ данный моментъ въ подробную защиту Университета, и я долженъ дождаться возвращенія полковника Нессельроде, который, я увѣренъ, прекрасно сумѣетъ отличить правду, лишь бы у него было достаточно времени, чтобы выслушать всѣхъ заинтересованныхъ лицъ; и поможетъ мнѣ доказать, насколько несправедливы и неосновательны гнусныя обвиненія, которыя были доведены до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КОНЕЦЪ.

Фундаментальная Библиотека К. У. Т. В.
ОНЕШКО

Оглавленіе.

Предисловіе.

Переписка.

I.

I. Александръ I-й кн. Адаму Чарторижскому (17 мар. 1801)
II. То же . . . . . (12 іюня 1801)
III. Князь Адамъ Императору . . . . . (22 марта 1806)
IV. То же . . . . . (..апрѣль 1806)
V. Александръ 1-й князю Чарторижскому . (. . . . 1806)
VI. То же . . . . . (. . . . 1806)
VII. То же . . . . . (. . . . 1806)

Бесѣды.

I. . . . . (12 ноября 1809)
II. . . . . (26 декабря 1809)
III. . . . . (5 апрѣля 1810)

II.

Переписка.

II.

VIII. Князь Адамъ Императору . . . . (12 января 1810)
IX. То же . . . . . (27 ноября 1810)
X. То же . . . . . (. . . . . 1810)
XI. Александръ I кн. Чарторижскому (26 декабря 1810)
XII. Князь Адамъ Императору . . . . (30 января 1811)
XIII. Александръ I кн. Чарторижскому . (31 января 1811)
XIV. То же . . . . . (1 апрѣля 1812)
XV. Князь Адамъ Императору. . . . . (4 іюля 1812)
XVI. То же . . . . . (4 августа 1812)
XVII. То же . . . . . (9 октября 1812)
XVIII. То же . . . . . (6 декабря 1812)
XIX. То же . . . . . (15 декабря 1812)
XX. Александръ 1 кн. Чарторижскому (13 января 1813)
XXI. Князь Адамъ Императору. . . . . (27 марта 1813)
XXII. То же . . . . . (23 апрѣля 1813)
XXIII. повтор. То же . . . . . (26 апрѣля 1813)
XXIV. Александръ I кн. Чарторижскому . . (13 мая 1815)
XXV. Князь Адамъ Императору . . . . (. . . . . 1815)
XXVI. То же . . . . . (. . іюнь 1815)
XXVII. То же . . . . . (1 іюля 1815)
XXVIII. То же . . . . . (17 іюля 1815)
XXIX. То же . . . . . (31 іюля 1815)
XXX. То же . . . . . (14 октября 1815)
XXXI. То же . . . . . (. . . . . 1815)
XXXII. То жо . . . . . (. . . . . 1815)
XXXIII. То же . . . . . (16 января 1816)
XXXIV. Князь Адамъ Императору . . . . . (24 марта 1816)
XXXV. То же . . . . . (6 февраля 1816)
XXXVI. То же . . . . . (17 апрѣля 1816)
XXXVII. То же . . . . . (1 мая 1816)
XXXVIII. То же . . . . . (12 іюля 1817)
XXXIX. То же . . . . . (9 октября 1817)
LX. То же . . . . . (. . . . . 1818)
XLI. То же . . . . . (4 мая 1818)
XLII. То же . . . . . (2 августа 1819)
XLIII. То же . . . . . (10 августа 1820)

III.

XLIII. Князь Адамъ Императору . . . . . (9 ноября 1820)
XLIV. То же . . . . . .(21 августа 1821)
XLV. То же . . . . . .(. . . . . .1823)
XLVI. То же . . . . . (18 октября 1823)
XLVII. То же . . . . . .(. . . . . .1823)
XLVIII. То же . . . . . .(. . . . . .1823)
XLIX. Великій князь Константинъ Императору . . . . . (14 мая 1823)
L. Великій князь Константинъ Князю Чарторижскому . . . . . (т о ж е)
LI. То же . . . . . .(28 іюня 1823)
LII. Князь Чарторижскій великому князю Константину . . . . . (18 мая 1823)
LIII. То же . . . . . (. . іюнь 1823)

5-50